

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Лапаева Евгения Юрьевна

**РЕНОМИНАЦИЯ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ
ЕДИНИЦ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ**

Специальность: 10.02.05 – романские языки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Фененко Н.А.

Воронеж – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫЙ СТИЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ СКАЗОВОГО ЖАНРА	15
1.1 Понятие «разговорная речь» в отечественном и романском языкознании	15
1.2 Понятие «просторечие» в отечественном и романском языкознании	27
1.3 Разговорно-просторечные языковые единицы и их лексикографические маркеры.....	36
1.4 Разговорно-просторечные языковые единицы как стилистические маркеры художественного текста.....	41
1.5 Особенности текстов сказового жанра и их французских переводов	50
1.5.1 Определение понятия «сказовый жанр»	50
1.5.2 Языковые особенности текстов жанра «сказ».....	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	61
ГЛАВА 2. СРЕДСТВА РЕНОМИНАЦИИ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ	64
2.1 Материал и методика исследования	64
2.2. Фонетические средства реноминации разговорно-просторечных единиц	68
2.3 Грамматические средства реноминации разговорно-просторечных единиц ...	73
2.3.1 Морфологические средства реноминации разговорно-просторечных единиц	74
2.3.2 Синтаксические средства реноминации разговорно-просторечных единиц	76
2.4 Лексические средства реноминации разговорно-просторечных единиц.....	90
2.5 Идиоматические средства реноминации разговорно-просторечных единиц...	95
2.5.1 Особенности реноминации фразеологизмов	96
2.5.2 Особенности реноминации паремий	101
2.6 Стилистические средства реноминации разговорно-просторечных единиц (тропы и фигуры).....	106
2.7 Комплексные средства реноминации разговорно-просторечных единиц	114

2.8 Сохранение маркеров «чужой» лингвокультуры в процессе реноминации в переводном французском тексте.....	123
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	133
ГЛАВА 3. КОМПЕНСАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ РЕНОМИНАЦИИ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫХ ЕДИНИЦ В ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ТЕКСТОВ СКАЗОВОГО ЖАНРА	136
3.1 Компенсация и ее интерпретация в теории перевода.....	137
3.2 Компенсация и ее интерпретация в теории лакун	141
3.3 Компенсация как переводческая стратегия	142
3.4. Способы реализации стратегии компенсации при переводе на французский язык текстов сказового жанра	143
3.4.1 Реноминация путем внутриуровневой компенсации.....	144
3.4.2 Реноминация путем межуровневой компенсации	146
3.4.3 Реноминация путем комплексной компенсации.....	149
3.4.4 Реноминация путем частичной компенсации.....	153
3.4.5 Реноминация путем стилистической нейтрализации	156
3.4.6 Реноминация путем компенсации с изменением стилистической характеристики слова	162
3.4.7 Реноминация единиц, репрезентирующих «чужую» лингвокультуру	163
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	169
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	173
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	197
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	199
ПРИЛОЖЕНИЕ	200

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию способов реноминации стилистически сниженных языковых единиц в переводах на французский язык текстов сказового жанра.

Степень разработанности проблемы

Сложный, гетерогенный характер феномена разговорной речи и просторечия обусловил многоаспектность изучения данного типа языковых единиц в различных направлениях лингвистики.

Исследования в области лингвистики речи направлены на решение как теоретических задач (выявление набора признаков разговорной речи на разных уровнях языковой системы, определение ее статуса в системе общенародного языка, изучение влияния экстралингвистических факторов, изучение вербальных и невербальных средств коммуникации в разговорной речи), так и ряда прикладных задач, связанных с преподаванием иностранных языков, обучением иностранцев непринужденной беглой речи в условиях естественного общения, идентификации говорящего по голосу в рамках прикладного речеведения [Величкова 2013; Земская 2016; Лаптева 1976; Потапова 2006; Сиротинина 1983; Шведова 2003; Abecassis 2005; Blanche-Benveniste 2000; François 1974].

Разговорная речь и просторечие выступают также в качестве объекта изучения социолингвистики [Крысин 2000; Дьячок 2003; Ларин 1977; Vauche 1920; Eloy 1985; Frei 1972; Gadet 2003b; Labov 1972; Lodge 1997]. При таком подходе анализируется проблематика идентификации носителей некодифицированных форм языка, критерии их социальной принадлежности.

Вопросам разговорной речи и просторечия посвящены исследования в области лексикографии [Винокур 1988; Гринева 2012; Громова 2012; Свиридонова 2010; Corbin 1989; Girardin 1987; Glatigny 1998; Rey 1985, 1993], где рассматриваются проблемы стилистической и функциональной маркировки лексических единиц.

Разговорная речь и просторечие традиционно являются объектом изучения стилистики, где они рассматриваются с позиций сходств и различий в системе

других функциональных стилей [Виноградов 1963; Горшков 2006; Долинин 1987; Лаптева 1976; Ковалевская 2012; Морен 1970; Сиротинина 1983; Скребнев 1975, 1985; Химик 2015; Antoine 1969; Bally 1951; Bruneau 1951; Cressot 1996; Gadet 1991, 1992, 2002; Müller 1985; Marouzeau 1959; Guiraud 1965].

Отдельно следует выделить сопоставительное направление в стилистике, которое, в свою очередь, подразделяется на теоретико-переводческую стилистику [Федоров 1974; Darbelnet 1995; Malbanc 1961; Vinay 1995] и стилистические исследования строго лингвистического плана, направленные на описание норм и отклонений в одном языке и их сравнение в другом языке [Степанов 2003].

Будучи неотъемлемым компонентом художественного дискурса, маркером социальной и стилистической характеристики персонажей, разговорная речь и просторечие изучаются в рамках стилистики художественного текста, где в фокусе ученых находится в основном идиостиль писателей [Будагов 1967; Виноградов 1963; Винокур 1991; Кожевникова 1971; Лежнев 1966; Одинцов 1980; Spitzer 2009]. Возрос интерес к исследованию разговорной речи в художественных текстах со стороны французских ученых [Baehr 1999; François 1975; Horak 2006; Lozay 1982; Meizoz 2005; Rouayrenc 1994], которые также рассматривают просторечие как важную составляющую эстетики художественного текста [Ardin 1991; Thresher 1992; Hodel 1992; Géry 1997; Hicks 2000; Lévy 2000; France 2001; Kosáková 2012; Matlock 2013].

Внимание к вопросам разговорной речи и просторечия привлекали как известные отечественные и зарубежные теоретики перевода [Рецкер 2007; Федоров 2002; Швейцер 1988; Комиссаров 1990; Влахов 2006; Флорин 2006; Гарбовский 2004; Алексеева 2004], так и авторы отдельных статей, посвященных конкретным вопросам передачи особенностей разговорной и просторечной лексики, как части проблемы переводческой эквивалентности [Балляр 2009; Буженинов 2014; Василенко 2010; Нестерова 2019а; Фененко 2015; Эткинд 1986].

В трудах по переводоведению представлен, как правило, сравнительный анализ текстов оригинала и перевода и анализируются переводческие трансформации, способствующие достижению их эквивалентности / адекватности.

Вместе с тем, следует признать, что переводные тексты могут представлять интерес для изучения разговорных и просторечных единиц, выступая в качестве самостоятельного объекта исследования: становясь неотъемлемой частью «чужого» литературного универсума, они открывают реальные перспективы для выявления возможностей языка интегрировать элементы «чужой» лингвокультуры, адаптировать их к «своей» художественно-эстетической действительности. В этой связи очевидна целесообразность изучения материала переводных текстов как объекта, позволяющего проникнуть в механизм отражения «своей» для исследователя действительности в «чужом» лингвистическом и литературном универсуме. Особый интерес представляют переводы произведений сказового жанра, в которых разговорно-просторечные единицы выступают как средства речевой и социальной характеристики персонажей, способствуют созданию локального колорита и отличаются высокой частотностью употребления [Géry 2002; Fludernik 2009; Chandler 2002].

Актуальность данного исследования определяется необходимостью:

- использовать материал переводных художественных текстов в качестве самостоятельного объекта лингвистического исследования, позволяющего проследить процессы реноминации;
- выявить и описать специфику французских переводов сказовых текстов как особой жанрово-стилистической разновидности художественного дискурса;
- рассмотреть разговорно-просторечные языковые единицы как составляющие эстетики и стилистики переводного художественного текста, репрезентирующего «чужую» художественную картину мира;
- исследовать применимость положений теории реноминации не только при анализе денотативного, но сигнификативного и коннотативного компонентов значения;
- изучить процесс реноминации «чужих» разговорно-просторечных языковых единиц в переводном художественном тексте, который позволяет выявить степень регулярности процессов реноминации, а также реноминативные возможности принимающего (в нашем случае – французского) языка;

– проанализировать реноминированные разговорно-просторечные единицы как части принимающей лингвокультуры, играющие важную роль в идентификации национальной составляющей переводного художественного текста.

Объектом исследования являются разговорно-просторечные языковые единицы в переводных художественных текстах сказового жанра на французском языке.

Предметом исследования выступают способы и стратегии реноминации разговорно-просторечных языковых единиц во французских переводных художественных текстах сказового жанра.

Материалом исследования послужили переводы на французский язык художественных произведений XIX-XX века, относящиеся к жанру «сказ» или содержащие элементы сказового жанра: N.S. Leskov «Le Pèlerin enchanté»; M.M. Zochtchenko «Contes de la vie de tous les jours: nouvelles satiriques soviétiques des années 1920»; A. Platonov «Tchevengour»; V. Eroféev «Moscou-sur-Vodka». В процессе анализа также привлекались материалы их русских оригиналов [см. Список литературы, раздел «Список источников примеров»]. В качестве материала для сравнения использовались французские художественные тексты, схожие с жанром «сказ» по своей стилистике [см. Список литературы, раздел «Список источников примеров»], хотя как отдельный жанр «сказ» во французской литературе не выделяется.

В общей сложности было проанализировано 1166 контекстов, содержащих около 2000 употреблений разговорно-просторечных единиц, полученных в результате сплошной выборки из исходного и переводного текстов.

Цель исследования – раскрытие механизма реноминации разговорно-просторечных единиц в текстах французских художественных переводов жанра «сказ».

Исходя из поставленной цели, в работе предполагается решение следующих **задач**:

- определение понятий «просторечие» и «разговорная речь» в отечественном и французском языкознании;
- выявление и описание лексикографических критериев причисления языковых единиц к разговорно-просторечным;
- выделение корпуса текстов сказового жанра, переведенных на французский язык;
- анализ жанрово-стилистических и языковых характеристик жанра «сказ» для определения степени их сохранения и способов их репрезентации во французском переводном тексте;
- углубление содержания понятия «реноминация» и аргументация его использования применительно к исследуемой проблеме;
- анализ реноминированных разговорно-просторечных единиц, относящихся к различным языковым уровням, в переводных текстах на французском языке с позиции теории реноминации;
- описание особенностей реноминации разноуровневых разговорно-просторечных единиц в текстах французских художественных переводов жанра «сказ»;
- выявление способов реноминации разговорно-просторечных единиц, функционирующих в переводном тексте на французском языке, позволяющих выявить реноминативный потенциал французского языка;
- определение стратегии реноминации в процессе воссоздания «чужой» художественной картины мира средствами «своего» языка в текстах французских переводов произведений сказового жанра.

Теоретико-методологической базой исследования является комплексный подход к изучению языковых фактов (в данном случае – разговорно-просторечных языковых единиц), предполагающий их рассмотрение в тесной взаимосвязи со всеми элементами текста, в котором они функционируют, и учитывающий их соотнесенность с определенным уровнем языка.

В ходе исследования были использованы **методы** стилистического анализа текста, лексикографического анализа лексических единиц (далее – ЛЕ. – Е.Л.) на

основе словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, описательный метод, аналитический метод для изучения теоретических работ по теме исследования, а также приемы сопоставительного анализа текстов перевода с их русскими оригиналами и с французскими текстами, содержащими элементы сказового жанра. Использовался также метод количественного анализа примеров с целью определения степени употребительности реноминативных форм во французском переводном тексте.

Теоретической базой исследования послужили работы в области:

– стилистики и вопросов функциональных стилей [Виноградов 1963; Винокур 1988; Горшков 2006; Девкин 1974; Долинин 1987; Дьячок 2003; Земская 2016; Кестер-Тома 1993; Крысин 2000; Лаптева 1976; Ларин 1977; Михеева 2014; Морен 1970; Москвин 2007; Одинцов 1980; Пиотровский 1960; Сиротинина 1983; Склярская 1974; Скребнев 1975, 1985; Степанов 2003; Тетеревникова 1970; Хованская 1984; Хорошева 2011; Шведова 2003; Шигаревская 1970; Щерба 1957; Abecassis 2005; Antoine 1969; Bally 1951; Blanche-Benveniste 1987, 2000; Bruneau 1951; Cressot 1996; Darbelnet 1995; Eloy 1985; François 1974, 1975, 1999; Gadet 1991, 1992, 2003, 2002; Guiraud 1965; Horak 2006; Labov 1972; Lodge 1997; Marouzeau 1959, 1963; Meizoz 2005; Vinay 1995];

– теории художественного текста, стилистики сказа и близких к нему жанров [Бахтин 2000; Виноградов 1980; Викулова 2019; Кожевникова 1971; Корман 1972; Лежнев 1966; Михеев 2001, 2003, 2006, 2012, 2015; Мущенко 1978; Пищальникова 2018; Радбиль 2006, 2017; Скобелев 1978; Тынянов 1977; Эйхенбаум 1987; Gégy 1998; Maclean 1954; Schmid 2009];

– семантики и фразеологии [Алефиренко 2018; Бабушкин 2016; Василенко 2010; Гулинов 2017; Корнева 2019; Кравцов 2008, 2014; Полянчук 2020];

– теории перевода [Алексеева 2019; Алексеева 2004; Алферов 2017; Баринаева 2007; Бархударов 1975; Гарбовский 2004; Гришаева 2008; Миньяр-Белоручев 1996; Нестерова 2019b, 2007; Нефедова 2014; Попович 1980; Сдобников 2011; Серов 1979; Рецкер 2007; Федоров 2002; Швейцер 1988; Щетинкин 1987; Baker 2011; Bell 1998; Chesterman 1997; Gutt 1991; Hervey 1992; Higgins 1992; House

1997; Jääskeläinen 1993; Krings 1986; Lörscher 1991; Nida 1964; Newmark 1988; Nord 1991; Venuti 1998];

– теории лакун [Булгакова 2013; Быкова 2003, 2009; Марковина 2006, 2010; Попова 2003; Стернин 2003, 2009; Стернина 2003; Сорокин 2010].

Данное исследование проводится в русле **теории реноминации**, согласно которой реноминация представляет собой процесс «называния «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата» [Кретов 2011: 154; Фененко 2013].

Научная новизна исследования заключается в:

– выделении способов реноминации разговорно-просторечных языковых единиц во французском переводном художественном тексте;

– выявлении закономерностей процесса реноминации разговорно-просторечных единиц и роли разноуровневых (фонетических, грамматических, лексических, идиоматических, стилистических) средств, участвующих в этом процессе;

– формулировании и обосновании положения о том, что в основе реноминации «чужих» разговорно-просторечных единиц во французских переводах произведений жанра «сказ» лежит стратегия компенсации;

– определении способов реализации стратегии компенсации;

– раскрытии механизма реноминации, отражающего реноминативный потенциал французского языка.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты вносят вклад в развитие теории реноминации в романском языкознании, раскрывая суть механизма реноминации разговорно-просторечных языковых единиц во французском переводном художественном тексте, формируя системное представление о процессе их актуализации и интеграции в переводной текст как фрагмент «чужой культуры», выявляя реноминативный потенциал французского языка при передаче стилистических значений в текстах сказового

жанра, аргументируя положение об обогащении французского сказового нарратива за счет переводных художественных текстов.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что исследованный материал и полученные в ходе анализа результаты могут быть использованы на практических занятиях по интерпретации художественного текста, в курсах лексикологии и стилистики французского языка, в курсе теории перевода, в специальных курсах по проблемам номинации и реноминации.

Гипотеза исследования: реноминация разговорно-просторечных языковых единиц во французском переводном художественном тексте жанра «сказ» реализуется путем использования языковых средств, типичных для французского разговорного языка. Реноминация осуществляется в русле стратегии компенсации, многоуровневая реализация которой способствует успешной интеграции элементов «чужой» для читателя лингвокультуры в «свою», а также пополнению и обогащению французского сказового нарратива.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реноминация разговорно-просторечных единиц во французских переводных текстах сказового жанра осуществляется по законам принимающего языка с учетом жанрово-стилистических особенностей оригинальных французских текстов, сопоставимых по стилистике с жанром «сказ». Однако если в последних доминируют фонетические (31 %) и синтаксические (25 %) средства, то наиболее употребительными во французских переводных текстах оказываются лексические (31%) и идиоматические (26%) средства, далее по употребительности следуют синтаксические (17%) и стилистические (16%) средства, наименее употребительными являются фонетические (5%) средства реноминации. Морфологические средства не занимают значительного места ни в текстах перевода, ни в оригинальных французских текстах (5% и 6% соответственно). Количественные различия в средствах реноминации свидетельствуют о сохранении национального колорита переводного текста на уровне используемых в нем выразительных средств.

2. В процессе реноминации участвуют характерные для французского разговорного языка и просторечия разноуровневые средства: элизия гласных, слоговая парцелляция, диминутивизация, редупликация, функциональная транспозиция, синтаксическая сегментация, нарушение норм в согласовании времен и синтаксических связей; стилистические тропы и фигуры, а также эмоционально окрашенные ЛЕ, имеющие в словарях пометы (*très*) *familier*, *populaire*, *vieilli*, *péjoratif*, *injurieux*; элементы «сниженного» языка, так называемого *argot commun*, который употребляется безотносительно принадлежности говорящего к определенной социальной / профессиональной группе. Наличие в переводном тексте значительного количества идиоматических единиц (фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых выражений) способствует архаизации текста, придавая ему тем самым сказовый характер.

3. Реноминация разговорно-просторечных единиц в текстах сказового жанра реализуется через стратегию компенсации, которая осуществляется путем адаптации языковых средств к «своим» культурным и дискурсивным конвенциям в процессе воссоздания «чужой» художественной картины мира средствами «своего» языка. Компенсация имеет различные формы проявления (внутриуровневая, межуровневая, комплексная, частичная, стилистическая нейтрализация с последующей внутритекстовой компенсацией), сочетание которых способствует передаче культурной и эстетической информации разговорно-просторечных единиц, функционирующих в текстах сказового жанра.

4. Реноминация разговорно-просторечных единиц, сохраняющихся во французском переводном тексте в форме маркеров «чужой» лингвокультуры (слова-реалии, варваризмы, звуковые каламбуры, стилистические неологизмы, кальки-редупликации, калькированные формы идиоматических выражений), осуществляется путем внутритекстовой (повышение мотивированности значений слов) или затекстовой компенсации (экспликация значения в сопутствующем метатекстовом комментарии). Перечисленные элементы «чужой» лингвокультуры функционируют в рамках сохраняющихся имманентных характеристик текста (его сюжета и проблематики) и способствуют воспроизведению во французских

переводных текстах художественно-эстетической интенции автора и национального колорита текста, а также обогащению французского сказового нарратива.

Апробация работы. Основные результаты диссертации отражены в 6 публикациях автора, 3 из которых помещены в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, а также в докладах на XIX Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур» (МГУ, 2017 г.); III Международном научном семинаре, посвященном памяти профессора В.Б. Кашкина «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (ВГУ, 2017 г.); III Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (ВГУ, 2017 г.); XXV Международной научной конференции аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 2018 г.); Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода» (ВГУ 2018 г.); X Международной научно-практической конференции «Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности» (Воронеж, 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира: лингвистический, лингводидактический и переводоведческий аспекты» (ВГУ 2020 г.); научных сессиях ВГУ 2017, 2018, 2019 гг.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка лексикографических источников, списка источников примеров и приложения. Текст работы включает один рисунок, шесть таблиц и четыре диаграммы. В приложении содержатся таблицы с примерами проанализированных контекстов, расклассифицированные в соответствии с уровнями языка и способами реноминации.

Во **введении** аргументируется актуальность выбора темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, определяются методы исследования, обосновывается его новизна, указываются теоретическая и практическая значимость, формулируется гипотеза исследования и излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** рассматриваются важнейшие теоретические проблемы, связанные с определением и интерпретацией понятий «просторечие» и «разговорная речь», с лексикографической маркированностью отклоняющихся от литературной нормы лексических единиц и со спецификой функционирования разговорных и просторечных элементов в текстах, относящихся к жанру «сказ».

Во **второй главе** представлены результаты анализа средств реноминации разговорно-просторечных единиц, выделенных из текстов французских художественных переводов сказового жанра.

В **третьей главе** представлены результаты исследования стратегии реноминации разговорно-просторечных единиц во французском тексте.

В **заключении** отражены основные результаты работы и намечаются возможные перспективы исследования.

ГЛАВА 1. РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫЙ СТИЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ СКАЗОВОГО ЖАНРА

В данной главе рассматриваются важнейшие теоретические проблемы, связанные с определением и интерпретацией понятий «просторечие» и «разговорная речь», вопросы лексикографической маркированности отклоняющихся от литературной нормы лексических единиц и специфика функционирования разговорных и просторечных элементов в текстах, относящихся к жанру «сказ».

1.1 Понятие «разговорная речь» в отечественном и романском языкознании

Ответ на вопрос о дефиниции разговорного языка в настоящее время является неоднозначным, что отражено в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Дело в том, что язык, будучи знаковой и структурированной системой, имеет тем не менее категории, четкое классифицирование которых представляет сложности, например, стилистические и функциональные подсистемы языка. Так, не нашли в лингвистике общепринятого определения такие понятия, как разговорный язык, разговорная речь, разговорный стиль, устная литературная речь.

В словарях и трудах по лингвистике встречаются различные термины: разговорная речь [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, Словарь лингвистических терминов 2010, Шведова 2003, Девкин 1974, Шигаревская 1970, Сиротина 1983], разговорный язык [Земская 2016], а также разговорный стиль [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011].

С одной стороны, разграничения понятия «стиль» и «речь» / «язык» не вызывают существенных противоречий. Стиль трактуется как разновидность языка или речи, манера или способ «исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Разговорный стиль называют «обиходно-бытовым» [Сиротина 1983: 10], так как он используется в

неофициальной обстановке и отличается от других стилей своей «коммуникативно-бытовой функцией» [Виноградов 1963: 5]. В.В. Химик полагает, что разговорная речь как подтип национального языка и разговорная речь как стиль «находятся в отношениях общего и частного» [Химик 2015: 462]. Отметим, что в отечественной и французской стилистике эти понятия трактуются не одинаково. Так, эквивалентом понятия «разговорный стиль» считается «*langue familière*».

С другой стороны, провести четкое разграничение понятий «разговорный язык» / «разговорная речь» представляется проблематичным, несмотря на существующую классическую дихотомию Ф. де Соссюра о разграничении понятий язык (*langue*) и речь (*parole*).

На наличие терминологической неточности указывала, в частности, Е.А. Земская. Согласно ее точке зрения, правильнее было бы использовать термин «разговорный язык», поскольку литературный язык существует в двух формах, имеющих одинаковый лингвистический статус: кодифицированный литературный язык и разговорный литературный язык. Термин «разговорная речь» – условен, но продолжает использоваться в научных трудах в силу сложившейся традиции [Земская 2016: 3].

О.А. Лаптева вводит термин «устно-разговорная речь», которая является частью литературной речи и устно-речевой разновидностью национального языка, занимая «промежуточное положение между этими разновидностями и письменно-литературным языком» [Лаптева 1976: 68]. Устно-разговорная речь характеризуется внутренней системностью и нормативностью, которые «могут совпасть или не совпасть [...] с общелитературной системностью и нормативностью» [Там же: 67], а также общелитературным характером, в отличие от просторечий и диалектов, функционирование которых коммуникативно ограничено [Там же: 68].

О.Б. Сиротина пишет о том, что разговорная речь – это, прежде всего, «устная неофициальная речь» [Сиротина 1983: 20], она не кодифицирована, но нормирована, так как является функциональной разновидностью литературного

языка, однако имеет много общего с нелитературными формами, находящимися за ее пределами – диалектами и жаргонами [Там же: 21].

Е.А. Земская подчеркивает, что разговорную речь, реализующуюся в устной форме, отличают такие характеристики, как непринужденность и неподготовленность; неофициальность отношений между говорящими; непосредственное участие говорящих в акте коммуникации; сильная опора на внеязыковую ситуацию; использование невербальных средств коммуникации [Земская 2016: 11]. И хотя разговорной речи так же присущи нормы, как и кодифицированному языку, они еще полностью не выявлены и не описаны [Там же: 17], несмотря на то, что попытки таких классификаций неоднократно предпринимались. Например, в пособии О.Б. Сиротининой дается подробное описание норм (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических) русской разговорной речи [Сиротинина 1983].

Ю.М. Скребнев в своих работах использует термин «коллоквиалистика», введённый В.Д. Девкиным [Девкин 1974: 3] и означающий лингвистическое исследование разговорной речи. Ученый отмечает, что «разговорная речь не составляет и не может составлять объект лингвистического описания» [Скребнев 1985: 18], она представляет собой «лишь источник порождения текстов» [Там же: 19], которые, в свою очередь, могут стать объектом лингвистического исследования, в ходе которого можно выявить «типичные для данного и для других подобных текстов элементы, объединения этих элементов и модели этих объединений, то есть, тем самым, конститuentы языка» [Там же: 18]. Тем не менее термин «разговорная речь» имеет право на существование в лингвистике, под ним подразумеваются «речевые акты, протекающие при некоторой определенной совокупности экстралингвистических условий» [Там же]. Разговорная речь (обиходная), по определению Ю.М. Скребнева, представляет собой «субъязык, обслуживающий сферу обиходно-бытового общения» [Там же: 31].

В работах Г.А. Орлова «понятие «разговорности» ассоциируется с различной степенью «сниженности», нелитературности, неправильности на разных уровнях языка (фонетическом, словообразовательном, грамматическом, лексико-

семантическом) в противовес нормированности, «престижности», правильности строго литературной речи (верхняя граница разговорной речи)» [Орлов 1981: 119].

Е.Г. Ковалевская, предлагая следующую классификацию [Ковалевская 2012: 23] (см. Рисунок 1), пишет о «живой разговорной речи» или «живом народном языке», противопоставленном понятию «литературный язык», который, в свою очередь, может существовать и в устно-разговорной форме, так как подразделяется на разговорный и книжный подтипы [Там же: 17, 19, 21].

Рисунок 1. – Классификация языковых стилей Е.Г. Ковалевской

В Большой российской энциклопедии разговорная речь определяется как «разновидность устной литературной речи», которая обслуживает «повседневное обиходно-бытовое общение», выполняя «функции общения (основная функция) и воздействия» [Большая российская энциклопедия].

Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило дает следующее определение лексики разговорной речи – это «слова с разговорной стилистической окраской, которые [...] допустимы в известных пределах в литературной речи, их вводят в книжно-письменную речь. Собственно разговорная лексика не нарушает норм литературного языка, между тем как просторечные элементы, вбираемые разговорным стилем, нарушают нормы кодифицированного языка [...]» [Словарь лингвистических терминов 2010].

В.В. Химик, отмечая отсутствие единой точки зрения исследователей по данной проблематике, предпринимает попытку снять противоречие между обобщенным пониманием разговорной речи как *спонтанной*, хотя ее элементы используются в не спонтанных, подготовленных выступлениях журналистов, политиков; *устной*, при этом имеющей письменные формы существования

(комментарии, блоги в Интернете и т.п.); *литературной*, при этом включающей в себя ненормативные элементы [Химик 2015: 462]. Согласно В.В. Химику, данное противоречие снимается при разном подходе к трактовке разговорной речи. С одной стороны, необходимо различать разговорную речь «как разновидность, или тип национального языка, т. е. в широком смысле»; это «устное, спонтанное, диалогическое действие, коммуникативный процесс, который может включать любые единицы: нейтральные, книжные, разговорно-литературные, а также и разные нелитературные, вплоть до обценных» [Там же]. С другой стороны, разговорную речь можно трактовать «как функциональный стиль литературного языка, т. е. в узком смысле», представляющий собой «осознанный выбор говорящего, риторический прием, который применяется говорящим по необходимости» [Там же].

От этих двух понятий необходимо отличать понятие «разговорности», которое представляет собой «определяющий признак языковой единицы, речевого действия или текста, устного или, нередко, письменного» [Там же: 463]. Определить проявления разговорности в тексте можно через ее категориальные признаки: сниженность, экспрессивность и диффузность (неустойчивость, размытость) [Там же: 464].

В работах некоторых исследователей делается акцент на уникальности разговорной речи и ее отличии от литературной речи, вплоть до возможности говорить о двух разных языковых системах. Так, Е.А. Земская указывает, что нормы двух подсистем (разговорная речь и книжный кодифицированный язык) нельзя свести к «какой-то общей, единой универсальной норме литературного языка» [Земская 2016: 17]. Данные выводы подкрепляются исследованиями других лингвистов, например, еще Л.В. Щерба писал, что «литературный язык может настолько отличаться от разговорного, что приходится иногда говорить о двух разных языках» [Щерба 1957: 145].

Среди романистов вопросами функциональной стилистики и, в частности, изучением разговорной речи занимались следующие исследователи [Гак 1986; Шигаревская 1970; Степанов 2003; Гринева 2012; Пиотровский 1960; Морен 1970;

Тетеревникова 1970; Долинин 1987; Хованская 1984; Cressot 1996 Guiraud 1965; Vinay 1995; Darbelnet 1995; Antoine 1969; Bruneau 1951 ; Marouzeau 1959, 1963 ; Abecassis 2005; Benveniste 1966; Blanche-Benveniste 1987, 2000; Gadet 1991, 1992, 2003, 2002].

Ш. Балли противопоставляет разговорный язык, язык повседневного общения, разговорную речь (*langue parlée / langue de la conversation / expression familière*) художественной речи, считая объектом изучения стилистики именно разговорную речь, так как речь художественной литературы используется в эстетических целях (*avec une intention esthétique*) [Bally 1951]. Несмотря на то, что Ш. Балли разграничивает индивидуально-художественный стиль автора и собственно стилистику, он указывает, что нет чёткой грани между художественной речью и повседневным языком [ibid.: 182].

Ш. Балли подчеркивает, что разговорный язык, будучи не идеальным способом выражения, является самой непосредственной и живой формой родного языка, конкретным проявлением языковых тенденций [Балли 2001: 38, 47]. Делая разговорную форму живого родного языка точкой отправления для своего стилистического исследования, Ш. Балли утверждает, что «разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи» [Там же: 24], поскольку «представляет собой спонтанное выражение всех тех мыслей, которые так или иначе связаны с реальной повседневной жизнью» [Там же: 326].

Ш. Балли отмечает, что не стоит путать «*langue commune*» или «*expression usuelle*» («общий язык» в переводе К.А. Долинина), представляющий собой язык «нормализованный и освобожденный от аффективной окраски» [Там же: 250], и собственно разговорный язык (*langue parlée*), который отличается фамильярностью (*familier*), но в состав которого не входят просторечия, вульгаризмы, арго, представляющие собой «крайний предел фамильярности» [Там же: 249]. Основными свойствами подлинно разговорной речи (*le parler véritable*) Ш. Балли называет ее субъективный, конкретный и эмоциональный характер [Там же: 327].

А. Фрей в своей книге «La grammaire des fautes» разрабатывает функциональный подход к объяснению нарушений языковой нормы, предлагая таким образом «параллельную грамматику» для разговорного языка, описывая типичные и частотные ошибки в речи носителей французского языка. Анализ этих ошибок позволяет проследить исторические изменения в языке, а также сделать выводы о несовпадении системы норм в основе разговорного и кодифицированного литературного языка [Frei 1972].

Н.А. Шигаревская трактует разговорную речь как «одну из функционально-стилевых разновидностей общенационального языка» [Шигаревская 1970: 11], которая основана на «общей для всех стилей системе фонетических, грамматических и лексических средств» [Там же]. Н.А. Шигаревская отмечает, что французская разговорная речь представляет собой средство общения образованной части населения в неофициальной обстановке, которое чаще находит свое проявление в устной, нежели в письменной форме [Там же].

Ю.С. Степанов выступает с критикой классификации языковых стилей, предложенной канадскими учеными Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне (цит. по: [Степанов 2003: 221]) (см. Таблицу 1, с. 22), предлагая свой переработанный вариант в сопоставлении с русским языком [Там же: 225] (см. Таблицу 2, с. 22).

Таблица 1. – Классификация языковых стилей Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне

<i>Langue commune</i>	<i>tonalité esthétique</i> язык в художественной функции		<i>spécialisations fonctionnelles</i> функциональные специализации			
Общепрофессиональный язык	<i>Bon usage</i> Литературно-правильная речь	<i>langue poétique</i> поэтический язык				
		<i>langue littéraire</i> язык художественной литературы				
		<i>langue écrite</i> книжный стиль	<i>Administrative</i> Административный стиль	<i>juridique</i> юридический стиль	<i>scientifique</i> научный стиль	<i>etc.</i> и др.
		<i>langue familière</i> разговорный стиль				
<i>Langue vulgaire</i> Просторечие, «неправильная речь»	<i>langue populaire</i> просторечие	<i>les jargons</i> жаргоны				
	<i>argot</i> арго					

Таблица 2. – Классификация языковых стилей Ю.С. Степанова

	Французский язык	Русский язык
Литературный язык	Книжный стиль (<i>langue écrite</i>)	книжный стиль
	нейтральный стиль (<i>l'écrit-parlé</i>) норма	нейтральный стиль норма
	разговорный стиль (<i>langue familière</i>)	разговорный стиль
Просторечие	собственно просторечие (<i>langue populaire</i>)	просторечие
	арго (<i>argot</i>)	

В классификации Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне Ю.С. Степанову, в частности, представляется необоснованным включение в схему поэтического языка наравне с литературным языком. Поэтический и литературный язык входят в подгруппу языка в художественной функции, однако Ю.С. Степанов отмечает, что художественная функция не может лежать в одной плоскости с функциональными стилями [Там же: 222]. В свою классификацию Ю.С. Степанов добавляет категорию нейтрального стиля: *l'écrit-parlé*. Как следует из названия, данный стиль употребителен как в устной, так и в письменной форме общения и частично

перекрывает как книжный, так и разговорный стиль. Причем в русском языке норма располагается ближе к разговорному стилю, а во французском языке – ближе к книжному стилю. Таким образом, стилистика имеет свою национальную специфику, и при передаче иностилевых элементов следует делать поправку на «коэффициент нормы», варьирующийся в разных языках [Там же: 235]. Ю.С. Степанов отмечает, что в плане лексики французский разговорный стиль (ученый также использует термин «фамильярный стиль») имеет более сложный и подвижный характер по сравнению с русским языком из-за пополнения арготическими лексическими единицами, теряющими со временем свою арготическую окраску [Там же: 224].

К.А. Долинин предлагает свою схему для классификации не только лексических единиц, но и грамматических форм, синтаксических конструкций, звуковых реализаций слов и фонем, то есть схему применимую к любым единицам, отклоняющимся от общеязыковой нормы [Долинин 1987: 271] (см. Таблицу 3).

Таблица 3. – Классификация языковых единиц К.А. Долинина

Нормативные	возвышенные	
	книжные	специализированные (административные, научные и т.п.)
	нейтральные	
	фамильярные	
Ненормативные	просторечные	диалектальные и прочие специализированные
	арготические	жаргонные

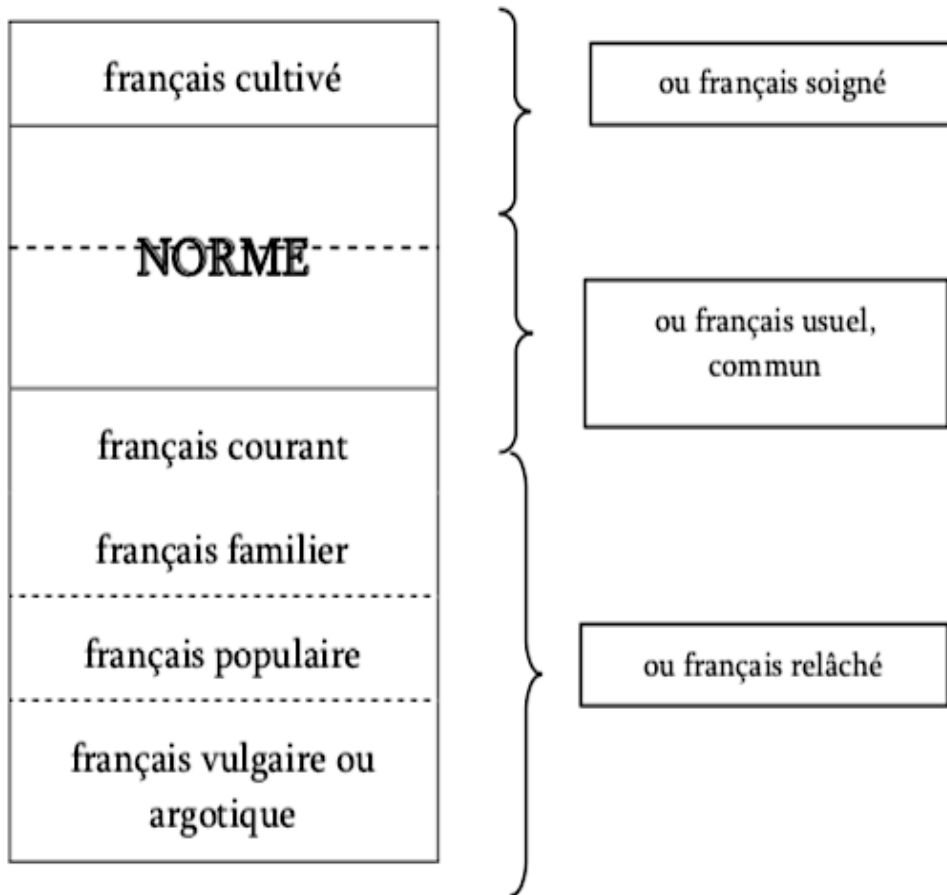
Таблица К.А. Долинина предназначена для классификации языковых форм согласно «социально-жанровому компоненту их стилистического значения» [Там же]. То есть, если слово используется в книжной речи, это еще не означает, что оно может быть определено как книжное по своему стилистическому значению. И наоборот, книжное слово может использоваться в разговорной речи. Таким

образом, потенциальное стилистическое значение слова не является критерием его практического употребления [Там же].

Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне относят разговорный язык к категории «bon usage» («литературно-правильной» речи – в переводе Ю.С. Степанова) [Vinay 1995: 18] (см. Таблицу 1, с. 22).

Б. Мюллер располагает разговорный французский за пределами языковой нормы, ниже ее уровня, помещая его в категорию «небрежного французского» (français relâché), куда входят также просторечие и аргю [Müller 1985: 226] (см. Таблицу 4, с. 25).

Таблица 4. – Классификация языковых стилей Б. Мюллера

В классификации К. Стурдзе и М. Коллет-Ассан разговорный язык относится к категории литературно-правильной речи (см. Таблицу 5, с. 26). Испытывая влияние со стороны просторечия, в свою очередь, он сам оказывает влияние на устную форму языка повседневного общения (*langue courante parlée*) [Stourdzé 1969]. Так же как и Б. Мюллер, К. Стурдзе и М. Коллет-Ассан помещают между литературным и разговорным французским «прослойку» из французского языка обиходно-бытового общения (*langue courante*) (ср. у Ю.С. Степанова «l'écrit-parlé»).

Таблица 5. – Классификация языковых стилей К. Стурдзе и М. Коллет-Ассан

Langue contemporaine			Langue classique
Langue populaire	BON USAGE		Langue littéraire
	Langue familière	Langue courante	Langue soignée
	Parlée	Écrite	
	<i>instinctive</i>		<i>élaborée</i>

В толковом словаре «Le Petit Robert» понятие «familier» относится к слову, использование которого свойственно бытовой речи как в устной, так и в письменной форме, но которого следует избегать при общении с вышестоящими людьми, в официальных ситуациях, а также в серьезных письменных работах: «qu'on emploie naturellement en tous milieux dans la conversation courante, et même par écrit, mais qu'on évite dans les relations avec des supérieurs, les relations officielles et les ouvrages qui se veulent sérieux» [Le Petit Robert].

Словарь «Larousse» дает свою дефиницию понятию «familier» – это слово, выражение или стиль речи, используемые в ситуациях бытового общения, но которые могут быть неуместными при общении в определенных социальных кругах, в серьезных письменных работах высокого литературного стиля: «se dit

d'un mot, d'une construction, d'un style employés couramment, mais pouvant être ressentis comme incongrus dans certaines relations sociales et dans les écrits de style sérieux ou soutenu» [Larousse].

Таким образом, разговорная речь представляет собой сложный, многоаспектный феномен, который может быть реализован как в устной, так и в письменной форме. Общим для всех классификаций, предлагаемых учеными-романистами, является то, что разговорная речь выступает средством повседневного обиходно-бытового общения, включается в состав литературного языка («bon usage» во французской терминологии), в отличие от просторечия, диалектов, жаргонов и аргю. Элементы разговорного языка не являются «престижными», что свидетельствует о сниженности разговорного стиля, не допустимого в формальных ситуациях устного общения и в письменных формах, предполагающих использование высокого стиля. Однако являясь непосредственной, живой формой языка ежедневной коммуникации в неформальных ситуациях, разговорный язык отражает проявления последних языковых тенденций.

1.2 Понятие «просторечие» в отечественном и романском языкознании

Понятие «просторечие», как и понятие «разговорная речь», неоднородно. Так, еще А.В. Жуковский утверждал, что «все языки имеют между собой некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом или, лучше сказать, в простонародном» (цит. по: [Гарбовский 2004: 414]).

Одной из первых системных работ по французскому просторечию является работа А. Боша [Bauche 1920]. Автор изучает парижское просторечие, которое, за исключением некоторых нюансов, представляет собой просторечие всех французов, так как более или менее одинаковые синтаксические и лексические ошибки («fautes») можно встретить в речи жителя Марселя, Лилля, Бордо и Парижа [Bauche 1920: 16]. А. Бош обращает внимание на разницу между просторечием и аргю: аргю – это искусственный язык (*idiome artificiel*) для общения внутри группы людей, желающих быть непонятыми другими, в то время как просторечие

представляет собой естественный язык общения народа [ibid.: 18]. Ученый подчеркивает различия между просторечием и разговорным языком. Разговорный французский представляет собой язык повседневного общения (*language courant de la conversation*) всех социальных классов, хотя и с некоторыми значительными вариациями в употреблении представителями разных социальных групп [ibid.: 21]. Например, слова *daim, foutaise* принадлежат к разговорной речи высшего общества, а такие слова, как *moche, godasse*, как и случаи произношения с элизией гласного в субъектном местоимении и выпадением первого отрицательного элемента (например, *j'en veux pas*), встречаются в речи образованных парижан только в стилистической функции как выражение иронии или шутки, в то время как для представителя народа – это и есть «настоящий французский язык» (*le vrai français*) [ibid.: 22].

Работа А. Фрей (первое издание 1929 года) продолжает и дополняет размышления А. Боша. В центре внимания ученого находятся наиболее типичные ошибки, характерные для разговорного языка (*langue courante*), встречающиеся в письменных источниках: в газетных текстах, в неофициальной переписке малообразованных людей (*lettres populaires*). Большое внимание ученый уделяет изучению писем, адресованных Красному Кресту от родственников солдат, находившихся в плену во время войны 1914-1918 года. Интересным наблюдением явилось то, что ошибки в письмах, допускаемые мало привыкшими писать людьми (*scripteurs inexperimentés*, по выражению К. Бланш-Бенвенист [Blanche-Benveniste 2000: 36]), обычно в устной речи этими же людьми не совершаются. Например, А. Фрей приводит следующую фразу с некорректным употреблением относительного местоимения *qui*: «Espérant avoir votre Comité des renseignements de notre cher disparu qui depuis le 7 août nous sommes sans nouvelles» [Frei 1972: 191]. Таким образом, путем анализа ошибок, ученый одним из первых предпринял попытку выявить общие универсальные законы, согласно которым функционирует просторечие. Не случайно его работа носит название «*La grammaire des fautes*» («Грамматика ошибок»). Кроме того, А. Фрей заложил теоретические основы функциональной лингвистики. Согласно мнению ученого, ошибки в речи несут

определенную функциональную нагрузку (экспрессивность, ясность) и служат для восполнения недостаточности (*déficits*) нормативного языка [*ibid.*: 18].

П. Гиро, известный своими трудами по арготологии, определяет просторечие как языковую практику (*usance*) скорее городских, чем сельских жителей региона Иль-де-Франс, в частности жителей Парижа. Ученый указывает на то, что литературный французский (*français cultivé*) определен нормами, а французский язык народа (*français du peuple*) подчинен естественным законам, которые управляют любой знаковой системой [Guiraud 1965: 7, 12].

Д. Франсуа в своей статье, посвященной исследованию просторечия в диахроническом аспекте в период с 1880 по 1914 год, делает вывод о том, что просторечие нельзя сводить к арго, к маргинальной лексике, смешивать с регионализмами, патуа, диалектами, так как региональные диалекты не являются отличительной чертой речи рабочих, а характерны для всех слоев общества, проживающих в тех или иных регионах. Одним из факторов, которые могли вызвать данное смешение понятий, автор называет прием на работу рабочих и слуг (*bas emploi*) из провинций и, как следствие, ассоциация их диалектальной речи («*parlures*» régionales) с просторечием [François 1999].

Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне относят просторечие к «неправильной речи» (в переводе Ю.С. Степанова) или «*langue vulgaire*» (см. Таблицу 1, с. 22).

Интересно замечание Ж. Марузо о просторечии, которому он отводит консервативную роль, в отличие от новаторства литературного языка: «*de même que la langue littéraire est novatrice par plus d'un endroit, de même la langue populaire peut être dans une large mesure un facteur de conservation*» [Marouzeau 1963: 40].

Схожую точку зрения высказывает Ю.С. Степанов, говоря о роли просторечия как устойчивого языкового субстрата. Так, тексты XVI–XVII веков по стилю напоминают современное русское просторечие [Степанов 2003: 242].

За пределы литературно-правильной речи, куда входит тем не менее разговорный язык, выводят понятие «просторечие» К. Стурдзе и М. Коллет-Ассан (см. Таблицу 5, с. 26). Исследователи определяют просторечие как коммуникативный инструмент социальных групп, не получивших среднего

школьного образования, который характеризуется формами и грамматическими конструкциями, не подчиняющимся норме: достаточно того, чтобы собеседник казался понимающим сообщение [Stourdzé 1969].

Б. Мюллер располагает просторечие между разговорным и арготичным французским, помещая его в категорию «небрежного французского» (*français relâché*) (см. Таблицу 4, с. 25).

Значительный вклад в разработку проблематики французского просторечия вносят работы исследовательницы Ф. Гаде. Говоря о дихотомии французского просторечия (социальный регистр) и французского разговорного языка (стилистический регистр), традиционно объединяемых под общей категорией стилистически сниженного языка (*bas-langage*), исследовательница утверждает, что это деление лингвистически не оправдано [Gadet 1991: 63], поскольку языковые феномены просторечия и разговорного языка одинаковы. Их различие заключается только в частотности употребления (*leur distinction ne serait qu'une affaire de fréquence*) [ibid.]. Кроме того, граница между французским просторечием – языком низших социальных слоев, и разговорным французским, используемым представителями всех слоев населения в ситуациях неформальной коммуникации, размыта и даже можно сказать не существует вовсе («*la frontière entre français populaire entendu comme langue des classes populaires, et français familier, usage de toutes les classes dans des contextes peu surveillés, est floue, et même pour la plupart des phénomènes inexistante*») [Gadet 1992: 22].

Ф. Гаде пишет о гетерогенности просторечия, выделяя в нем отдельно язык молодежи из семей иммигрантов, проживающих в пригородах (*parler véhiculaire interethnique*), имеющий некоторые фонетические и лексические особенности [Gadet 2002: 48]. Характерный для жителей городских окраин французский молодежный жаргон – это «интерязык», возникший в результате смешения «повседневного разговорного французского языка и иммигрантских наречий» [Свиридонова 2005: 157]. Отметим, что в научных работах французских исследователей существуют и другие термины для номинации данного феномена: «*parlers des banlieues*», «*parlers des ou de la cité(s)*», «*parlers des quartiers*» [Bulot

2004]; «parlers jeunes» [Trimaille 2007: 104]; «argot des cités», «argot de banlieue» [Goudaillier 2002: 10].

Некоторые сходные тенденции выделены в одной из первых работ о городской диалектологии американского ученого В. Лабова, который, изучая язык афроамериканского населения (Black English), выявил ряд свойственных этому языку грамматических черт [Labov 1972].

В своей работе А. Орак вводит термин «крестьянский» жаргон (jargon «rausan») для характеристики речи крестьян, отраженной в таких художественных текстах, как «Dom Juan» Ж.-Б. Мольера, «Jean Bête à la foire» П. Веаумаршайса, «Aux champs» Ж. Мопассан. При этом автор отмечает, что в анализируемом материале на фонетическом, синтаксическом, лексическом уровнях изучаются черты французского просторечия, в которое частично входит и жаргон [Horak 2006: 5].

Отдельно в романском языкознании рассматривается вопрос о взаимодействии арго и просторечия. Арго трактуется как особый профессиональный язык или язык определенной группы людей, закрытой социальной общности, например, верлан («langage particulier à une profession, à un groupe de personnes, à un milieu fermé → javanais, verlan» [Le Nouveau Petit Robert 2002]), подразделяясь, таким образом, на «argo du milieu» – язык определенной социальной среды; «argot professionnel» или «argot de métiers» – жаргонизмы; «argot de cités» или «argot de banlieue» – арго пригородов, вобравший в себя элементы языков иммигрантов и молодежного сленга.

Термин «арго», согласно Ф. Гаде, должен употребляться только по отношению к лексике, так как произношение и синтаксис у арго сохраняется от французского просторечия [Gadet 2002: 49]. Аналогичную точку зрения высказывает К.А. Долинин, указывая на то, что «арго – не язык в полном смысле этого слова, а лишь особый словарь» с просторечной грамматикой и фамильярными реализациями фонетики [Долинин 1987: 283].

Истоки взаимодействия арго и просторечия стоит искать в истории развития французского общества, когда с начала XIX века наблюдается постепенное исчезновение изолированных преступных групп, использующих арго как

автономное лексическое средство, и смешение преступных элементов с жизнью городских низов (*la vie citadine des bas-fonds*). Аргю, таким образом, теряет свою индивидуальность, его элементы растворяются в просторечии, а элементы просторечия, в свою очередь, проникают в аргю [Gadet 1992: 6, 7-8].

Сложность системного анализа французского просторечия Ф. Гаде усматривает в том, что нестабильность, свойственная всем разговорным формам, есть результат отсутствия «единообразного носителя» языка (*locuteur uni-style*), который, например, всегда опускал бы первый элемент отрицания «*ne*». Но поскольку отличия от общепринятого французского (*français commun*) относятся не ко всей системе в целом, то закономерно встает вопрос: можно ли охарактеризовать только затронутые части языковой системы и описать это в грамматических терминах? [Gadet 1991: 66].

Подводя итог своим рассуждениям о сути французского просторечия, Ф. Гаде приходит к выводу о том, что термин «просторечие» удобен в качестве определяющего быденный говор (*parler ordinaire*), в частности парижский. Однако не представляется возможным дать четкое определение самому термину «просторечие» ни с точки зрения социологии (кто его носители? кто входит в понятие «народ», в качестве носителя «народного французского» (*français populaire*), какова его социальная база?), ни с точки зрения лингвистики (каковы его характерные черты?) [Gadet 2003b: 117].

Говоря о просторечии, К.А. Долинин рассматривает его в одном разделе с аргю, относя обе категории к ненормативным компонентам [Долинин 1987: 271] (см. Таблицу 3, с. 23). Просторечие отличается от разговорного яруса, по мнению ученого, большей сниженностью, фамильярностью. Вторым критерием разграничения аргю, просторечия и разговорной лексики является социально-групповой критерий, то есть просторечие характерно для необразованной или недостаточно образованной части общества [Долинин 1987: 280].

В своей классификации Ю.С. Степанов располагает французское просторечие между аргю и фамильярным стилем (см. Таблицу 2, с. 22). Ученый отмечает, что французское просторечие лишь приблизительно соответствует

просторечию русскому [Степанов 2003: 224]. Похожую точку зрения высказывают М.Т. Дьячок и З. Кестер-Тома, отмечая, что русское просторечие «[...] фактически не имеет параллелей в других языковых общностях [...]» [Дьячок 2003] и является уникальным феноменом, «которому почти нет адекватного явления в других языках» [Кестер-Тома 1993].

Однако данное утверждение представляется спорным. Так, в своей работе по сопоставлению русского и французского просторечия Н.И. Голубева-Монаткина отмечает, что русские и французские просторечные универсалии во многом совпадают [Голубева-Монаткина 1988: 257]. В частности, среди общих черт подчеркивается связь просторечий с диалектами, наличие как общерусского, так и общепольского просторечия, отмечается сохранение в просторечии архаических черт языка, большая вариативность функционально не нагруженных форм, проникновение в просторечие элементов из арго, жаргонов, разговорной речи [Там же: 258]. Исследовательница отмечает сходство русского и польского просторечия в области сегментной фонетики, принципах освоения заимствованных и книжных слов, явлениях морфологии [Там же: 258-259].

Изучение просторечия не ограничивается лишь сугубо лингвистическими работами. Интересен в этом плане труд М. Абекассис «The Representation of Parisian Speech in the Cinema of the 1930s», в котором помимо теоретического обзора работ, посвященных парижскому городскому диалекту («urban dialect»), проводится анализ фонетических, синтаксических, лексических, дискурсивных, прагматических черт парижских разговорных единиц на материале кинофильмов 30-х годов [Abecassis 2005].

Стоит также отметить, что в английском языке, например, не существует по аналогии с «français populaire» такого термина, как «popular English». Для обозначения лондонского просторечия существует отдельный термин «кокни»: «*cockney*: 1. A native of East London, traditionally one born within hearing of Bow Bells. 2. The dialect or accent typical of cockneys» [Oxford English Dictionary]. На отсутствие терминологического сходства понятий «français populaire», «Volkssprache» (национальный язык) в немецком языке и «italiano popolare» в итальянском языке,

указывает, в частности, Ф. Гаде [Gadet 2003a: 4-5], что, по всей вероятности, отражает и различия внутри их стратификационного состава.

В словарях понятие «populaire» трактуется сугубо с социолингвистической точки зрения как слово, созданное и используемое народом, но отсутствующее в речи буржуазии, образованных людей: «qui est créé, employé par le peuple et n'est guère en usage dans la bourgeoisie et parmi les gens cultivés» [Le Grand Robert].

В словаре «Larousse» слово «populaire» снабжается следующей дефиницией: это слово, смысл, словосочетание, которое используется в ситуации устного общения, но представляется шокирующими и вульгарными в речи письменной или в более формальной ситуации устного общения: «se dit d'un mot, d'un sens, d'une construction courants dans la langue parlée, mais qui seraient considérés comme choquants ou vulgaires dans un écrit ou dans une communication orale plus formelle» [Larousse].

Исходя из приведенных выше определений, понятие просторечия, во-первых, трактуется, основываясь на социальном критерии: это конструкции, используемые народом, не встречающиеся в речи образованных людей и высших слоев общества. Во-вторых, рассматриваемое понятие несет в себе пейоративную коннотацию как обозначающее слова вульгарные, грубые, употребление которых в письменной или устной формальной речи табуировано.

В русистике определение просторечия также «вызывает наибольшие недоразумения» [Химик 2015: 467].

С позиции социолингвистики трактует просторечие М.Т. Дьячок, определяя его как язык, употребляемый «простым человеком», то есть человеком без образования и не занимающимся интеллектуальным трудом [Дьячок 2003]. Просторечие является важным социальным стратификационным признаком. Ученый отмечает, что «просторечие не является только фактом городской жизни», и термин Б.А. Ларина «городское просторечие» [Ларин 1977] не правомерен, поскольку просторечие встречается и в сельской местности [Дьячок 2003]. Из-за определённых социальных процессов в России в настоящее время уместно говорить об общерусском просторечии [Там же].

3. Кестер-Тома определяет положение просторечия как социолекта между *субстандартом* (термин Л. Блумфильда) и *нонстандартом*, а положение разговорной лексики относит к *стандарту*, отчасти к *субстандарту* [Кестер-Тома 1993].

Рассматривает городское просторечие с позиции социолингвистики и Л.П. Крысин, выделяя просторечие-1 – «старое» и просторечие-2 – «молодое» в соответствии с возрастом его носителей, уровнем их образования, наличием / отсутствием связи с территориальными диалектами [Крысин 2000].

В.В. Химик считает, что просторечие необходимо отличать от экспрессивов, которые логичнее квалифицировать как «сниженные единицы», зачастую сопровождаемые в словарях пометами грубое или вульгарное [Химик 2015: 467].

А.И. Горшков трактует просторечие как «несколько «сниженную», грубоватую и экспрессивную разновидность разговорного употребления языка» [Горшков 2006: 305]. Он указывает, что раньше на просторечии могли изъясняться необразованные городские жители, однако сейчас просторечие не используется в качестве постоянного средства общения, хотя отдельные его элементы в некоторых ситуациях встречаются и в речи высокообразованных носителей литературного языка [Горшков 2006: 305].

В словаре под редакцией В.Н. Ярцевой просторечие трактуется как «одна из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Просторечие, народные говоры и жаргоны вместе составляют «устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык» [Там же]. Просторечие, в отличие от жаргонов и говоров, представляет собой общепонятную речь для носителей национального языка, имея наддиалектный характер [Там же].

Как видим, определение просторечия основано главным образом на социально-стратификационном критерии: употребление просторечия характерно для необразованных городских жителей. Промежуточное положение просторечия между арго и разговорной речью обуславливает их взаимное влияние: для

просторечного стиля характерно использование арготичных или табуированных элементов.

Использование термина «арго» обосновано применительно для описания лексики, поскольку фонетические и грамматические черты арго заимствует у просторечия.

Ученые сходятся во мнении, что просторечие следует отличать от диалектов (патуа, регионализмов), поскольку просторечные элементы встречаются в речи всех представителей одной языковой общности и понятны всем носителям национального языка, в отличие от диалектов.

1.3 Разговорно-просторечные языковые единицы и их лексикографические маркеры

В связи с изложенным выше особую сложность представляет распределение лексического материала по категориям *разговорная* и *просторечная* лексика, так как одни и те же лексемы в разных лексикографических источниках имеют разные пометы. Непоследовательность в использовании лексикографических помет отмечается многими исследователями [Винокур 1988; Нелюбова 2011; Сорокин 1967; Скляревская 1974; Шмелева 1974; Corbin 1980, 1989; Glatigny 1998; Girardin 1987; Rey 1985]. Так, Ю.С. Сорокин подчеркивал, что «стилистические характеристики не образуют линейного ряда, но перекрещиваются и взаимодействуют друг с другом, что вызывает объективные трудности в отнесении слова к тому или иному стилистическому разряду» [Сорокин 1967].

В отношении лексикографических помет *разговорное* и *просторечное* Г.Н. Скляревская и И.Н. Шмелева отмечали: «пометы означают разную степень сниженности в пределах лексики, функционально связанной с некодифицированной формой литературного языка и входящей в словарный состав кодифицированного литературного языка на правах специализировавшегося стилистического средства. Граница между «более» и «менее» сниженным неотчетлива и текуча» [Скляревская 1974: 91].

Эта «текучность» сниженной лексики связана, помимо прочего, с субъективными факторами, такими как допустимость / недопустимость употребления разговорных выражений в речи теми или иными носителями языка: «l'expression familière adoptée par telle personne cultivée sera rejetée par telle autre, également pour des raisons subjectives, ce qui rend la zone que le langage populaire et le langage familier ont en commun, plus ou moins floue» [Messelaar 1988: 96]. Кроме того, просторечие может выступать маркером разговорной речи в определённых ситуациях общения, таким образом, две категории частично перекрывают друг друга: «une partie de ce langage [populaire] sert aussi de parler familier dans les situations qui s'y prêtent; les deux systèmes se recouvrent partiellement» [ibid.: 93].

Ф. Карадек в предисловии к словарю аргю и просторечий указывает, что хотя в словарях ЛЕ, принадлежащие к разговорному языку (*langue parlée*), который также называют просторечным языком (*langue populaire*), маркируются пометами *pop.*, *arg.*, *fam.*, *vulg.*, единогласия лексикографов относительно сферы их употребления нет: «la langue parlée se nomme encore langue populaire dans les dictionnaires, qui appliquent aux termes les mentions *pop.*, *arg.*, *fam.* ou *vulg.*, sans qu'ils soient toujours bien d'accord sur leur champ d'épandage» [Dictionnaire du français argotique et populaire 1977: 5].

Отсутствие четких границ между данными категориями обуславливает тенденцию к смене лингвистического статуса ЛЕ, совершающих переход из нейтрального пласта в разговорный, из разговорного – в просторечный, и даже из нейтрального – в просторечный, и наоборот, из просторечного в разговорный, из разговорного – в нейтральный, из просторечного – в нейтральный, что отмечается в исследовании на основе русского языка [Богданова 2012].

Французскими учеными также выявляется процесс перехода ЛЕ из разряда *argot* и *populaire* в *familier*, из *familier* в *non marqué*, а также выход маркированной ЛЕ из употребления: «certains vocables passent dans le langage populaire, puis dans le français courant. D'autres tombent en désuétude» [Dictionnaire de l'argot français et de ses origines 1990]. Данная тенденция прослеживается на примерах диахронического исследования лексикографических помет в словарях «Le Nouveau Petit Robert»

(2001) и «Le Petit Robert» (1977) [Devolder 2007: 122, 127], в словаре «Le Micro-Robert» [Corbin 1980], в исследовании маркеров и социальных коннотаций во французских словарях терминов культуры [Girardin 1987], в исследовании социальных и стилистических помет в одноязычном словаре [Corbin 1989]. Например, ЛЕ *débrayer* в значении «arrêter le travail» и *piger* – «comprendre», которые отмечены как *populaire* в словаре «Le Petit Robert» (1977), *familier* в «Le Nouveau Petit Robert» (2001), даются без помет в словаре «Le Petit Larousse» (2001) [Devolder 2007: 128]. Подобные процессы характерны и для других языков, см. сравнительное исследование лексикографических помет во французско-чешских словарях [Podhorná-Polická 2011].

Н.Ю. Нелюбова, проводя диахронический анализ лексикографических помет *familier, populaire, argotique* во французских словарях, выпущенных с 1950 года по настоящее время, приходит к выводу, что «в целом прослеживается явная тенденция к расширению сферы влияния разговорной лексики, широко употребляемой не только в повседневной речи, но и в литературе, т.к. достаточное количество единиц, ранее считавшихся разговорными, уже представлены в словарях как нейтральные» [Нелюбова 2011: 192]. Лишение сниженных единиц их пейоративного статуса под влиянием широкого использования современными писателями разговорно-просторечных и арготичных элементов в языке художественной литературы отмечает также А. Рей: «il n'était plus possible d'ignorer cet aspect de l'usage depuis que les écrivains s'étaient mis à l'exploiter, et qu'une grande partie de l'argot s'était banalisée dans l'expression orale» [Rey-Debove 1993: 8].

Исследования словарных помет в синхронии также выявляет ряд непоследовательностей в отнесении ЛЕ к той или иной категории. Сравнения помет в «Le Petit Larousse» (2001) и «Le Nouveau Petit Robert» (2002) показали, что отнесение ЛЕ к категории *familier* совпадает в обоих словарях лишь в 70% случаев [Devolder 2007: 117].

Лексикографическая тенденция к переходу ЛЕ из измерения социального в измерение стилистическое (*dimension diastratique et diaphasique* в принятой во французской традиции терминологии, предложенной Ф.Ж. Османом [Hausmann

1989: 650]), то есть к снижению частоты использования пометы *populaire* заменяемой пометой *familier* [Devolder 2007: 125], связана с достаточно деликатным, имплицитно возникающим вопросом социальной стратификации. Согласно М. Глатини, сопроводить слово пометой *populaire* значит признать существование менее статусной социальной категории, использующей это слово: «la question est d'autant plus délicate que, au moins pour les marques diastratiques, le jugement engage implicitement une conception de la société : affirmer qu'un mot est *populaire*, c'est, indirectement, affirmer l'existence d'une catégorie sociale moins appréciée à laquelle on rattache des emplois condamnés» [Glatigny 1998: 8].

Данное положение подтверждает определение помет *fam.* и *pop.*, отражающих стилистический и социальный аспект, во французско-русском словаре аргю, просторечия и фамильяризов под редакцией Т.Н. Громовой и Е.Ф. Гринёвой: «помета *fam.* указывает на то, что слово или выражение употребляются *при непринуждённом общении* в семье или с друзьями; помета *pop.* характеризует говорящего как *человека, принадлежащего к низким слоям общества, малообразованного* и выполняющего работу низкой квалификации» [Громова 2012: 3] (курсив наш. – Е.Л.).

Поэтому, чтобы помета *pop.* не служила маркером отнесения говорящего к определенной (не статусной) социальной группе, например, «не буржуа», но маркировала бы выбор другого стиля речи, в предисловии к словарю «Le Grand Robert» лексикографы намеренно отказались от отнесения к категории *populaire* слов, широко используемых обществом в различных ситуациях: «nous avons renoncé à qualifier de «populaire» des mots et des emplois que toute la communauté employait dans certaines circonstances de communication [...], c'est en effet que ces emplois ne sont nullement des marques d'appartenance sociale, par exemple non bourgeoise, mais bien des choix de discours» [Robert 1985]. Данную тенденцию можно отметить и в русских толковых словарях, так ЛЕ *давеча* в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой 1992 года дается с пометой *устар. и прост.* [Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой], а в словаре Т.Ф. Ефремовой 2000

года дается с пометой *разг.-сниж.* [Современный толковый словарь русского языка].

Стоит отметить, что в словарях также используются комбинированные функционально-стилистические лексикографические пометы и пометы, отражающие прагматический аспект, как, например, *прост. груб., прост. шутл., прост. неодобр., прост. пренебр.* [Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой]; *vulg. très fam., fam. et péj.* [Le Petit Larousse illustré 2001], *fam. et vulg., arg. fam., fam. et par plais., fam. et par euph., iron.* [Le Nouveau Petit Robert 2002], это объясняется тем, что разговорные и просторечные конструкции «никогда не бывают нейтральны с точки зрения своих модальных значений» [Шведова 2003: 10].

Необходимо подчеркнуть также наличие субъективного аспекта в работе лексикографа при маркировке лексики. В предисловии к своему словарю «Le Grand Robert de la langue française» А. Реу пишет, что выбор лексикографических помет – деликатный и спорный вопрос, поскольку одни носители языка считают общеупотребительными слова, которые лексикографы отнесли к техническим или научным терминам, другие продолжают употреблять слова, отнесенные к категории устаревших, все зависит от коммуникативной ситуации, от того, знаком ли предмет обозначаемый словом, а не от самого слова: «[...] cette notation généralisée des valeurs d'emploi est délicate et sujette à contestation : certains pourront trouver courants des termes que nous aurons considérés comme techniques ou scientifiques, d'autres emploieront encore (ou auront l'impression d'employer) des mots notés comme vieillis [...] cela dépend des situations de communication, du caractère familier de la chose et non plus du mot» [Robert 1985: 41].

В предисловии к своему словарю Т.Н. Громова и Е.Ф. Гринёва также отмечают, что фактически не существует объективных критериев для классификации разговорной лексики. Лексикографы основывали свой выбор помет на основе наличия общей пометы в несколько словарях и на мнениях информантов [Громова 2012: 3], что, разумеется, субъективно, но, как мы уже писали выше, существует в лексикографии.

Интересную точку зрения высказывает Т.Г. Винокур, подчеркивая, что словарь, будучи нормативным и описывая литературный язык, не может включать в себя нелитературный язык, то есть слова с пометой *просторечное*. Чтобы избежать противоречия в употреблении такого рода помет, автор предлагает обозначение пометой *прост.* грубую, вульгарную сниженность словоупотребления [Винокур 1988: 139-145]. «Как это ни парадоксально, пока что, т.е. с практической точки зрения, отказаться нужно было бы именно от того значения, которое касается ненормированно-нелитературных слов, т.е. истинного – с научной точки зрения. Оставив за этой пометой право обозначать гипертрофию грубой и вульгарной сниженности словоупотребления, мы могли бы освободить словник (хотя бы!) от тех статей, которые явно никак не соответствуют принципу литературно-нормативных задач лексикографии» [Там же: 144].

Таким образом, кажущаяся на первый взгляд четкой, граница этой «известной триады «разговорное – просторечное – областное», по словам М.Т. Дьячка, является мнимой: границы данных лексических групп размыты и зачастую вызывают сложности при соотнесении с ними лексем [Дьячок 2003].

Принимая изложенное выше во внимание, для удобства анализа материала в данном исследовании предлагается использовать обобщающий термин – *разговорно-просторечные единицы*, объединяющий лексемы, сопровождающиеся комбинированными функционально-стилистическими лексикографическими пометами и простыми пометами *разговорное* и *просторечное*, а также случаи отклонений от нормы на других языковых уровнях.

1.4 Разговорно-просторечные языковые единицы как стилистические маркеры художественного текста

Тексты художественных произведений могут использоваться как ценный материал для исследования разговорно-просторечных единиц по ряду причин. Прежде всего, «разговорная речь может взаимодействовать с разговорным типом письменно-литературного языка, представленного в художественных произведениях, наиболее полно отражающих реальную народную речь» [Большая

русская энциклопедия]. Кроме того, наблюдается параллелизм между разговорной речью и языком художественной литературы, выражающийся в общих принципах, лежащих в их основе: «свобода в построении языковых единиц» и конструкций, «свобода в выборе готовых языковых единиц из общенародного фонда данного языка» [Земская 2016: 7-8]. И, наконец, в художественных произведениях отмечается использование разговорно-просторечных единиц на фоне «единиц разного стилистического звучания» [Там же], что позволяет проследить особенности их функционирования в условиях стилистической полифонии.

Посредством изучения художественных текстов представляется возможным исследовать «отражение особенностей живой разговорной речи» [Ковалевская 2012: 26], ведь «понятие «язык художественной литературы» шире понятия «литературный язык» [Там же: 28]: автору в эстетических целях для создания художественных образов приходится «выходить за пределы литературного языка, воссоздавая социально-типическую речь носителей диалектов, просторечия, жаргонов» [Там же]. Изоморфизм разговорной речи и языка художественной литературы проявляется главным образом в словообразовании (индивидуальное словотворчество) и в синтаксисе («причудливый» порядок слов) [Земская 2016: 8].

Язык художественной литературы характеризуется большей открытостью для проникновения разговорно-просторечных элементов, диалектизмов, архаизмов, чем функциональные стили [Горшков 2006: 320]. Некоторые исследователи утверждают, что стилистическая неоднородность обуславливает невозможность признать функциональными стилями ни разговорную речь, ни язык художественной литературы [Земская 2016: 8].

Ученые говорят о многостильности языка художественной литературы как «в плане функционально-стилистическом [...]», так и «в плане художественно-эстетическом» [Бондалетов 1989: 219]. Кроме того, «отступления от нормы на уровне языковых единиц являются нормой организации художественного текста» [Горшков 2006: 359].

Выделяется *литературное просторечие*, находящееся на границе литературного и народно-разговорного языка [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Состав литературного просторечия весьма подвижен – это «особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской «сниженности», грубоватости, фамильярности» [Там же]. Туда включаются также диалектизмы, жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикреплённость, а также слова-реалии, которым нет номинаций в литературном языке. В литературном языке такие просторечия функционируют как стилистические средства для социально-речевой характеристики персонажей. Однако в их состав входят только те речевые элементы, которые закрепились в литературном языке вследствие их длительного использования в литературных текстах после отбора, семантической и стилистической обработки. Пометы в толковых словарях *прост.* и *обл.* означают, что соответствующее слово или фразеологизм относится к литературному просторечию [Там же].

Роль разговорно-просторечных единиц в художественных текстах отмечается многими исследователями. Ш. Балли писал, что «художественная речь почти всегда в какой-то мере отклоняется от нормы «хорошего слога», так как своими корнями уходит в глубь общенародного языка [...]», она «является в какой-то мере переработкой, часто бессознательной, разговорного языка» [Балли 2001: 219].

До XVII века французские писатели (например, Ф. Рабле, П. Ронсар) свободно включали в свои произведения диалектизмы, которые затем становились общеупотребительными [Клоков 2010: 24]. Однако к концу периода классицизма использование во французской художественной литературе элементов сниженного языка было прекращено, «диалектизмам была объявлена настоящая война» [Там же: 25]. Согласно пуристическим традициям, уподобляющим понятия «le parlé» и «le populaire», «le parlé» и «le fautif» (разговорный и просторечный, разговорный и ошибочный) [Blanche-Benveniste 1987: 11-21], во французской литературе не было места разговорному языку, просторечиям, аргю, архаизмам и диалектизмам. Так,

например, «Озорные сказки» («Contes drôlatiques», 1832) О. де Бальзака были плохо приняты современниками – как читателями, так и критиками, ввиду их вычурного языка, который сравнивали с творчеством Ф. Рабле [Delville 2010]. Для иллюстрации архаизированного языка повествования приведем ниже отрывок из этого произведения:

«– *N'estoyt Mallié, luy dit-elle ung soir qu'elle le trouvoyt plus beau que de coustume, ie vouldroys gagner vostre mal ; nous aurions ensemble les mesmes affres...*» [Balzac 1921: 187]

«– *Est-ce doncques bien mal ?*» [ibid.]

«*Aulcuns ont à l'Authheur reprouché de ne pas plus sçavoir le languaige du vieulx tepms que les lièvres ne se cognoissent à faire des fagots*». [ibid.: 217]

Интересно также отметить феномен моды, оказывающий влияние на нормативность языка литературы. Например, Ги де Мопассан использовал в своих новеллах элементы нормандского патуа и сниженной речи с целью художественной экспрессии, чтобы польстить экзотическим вкусам парижских читателей своего времени [Lozay 1982: 36]. Хотя исследователи творчества писателя указывают, что язык его персонажей не является чистым нормандским патуа: это гибридное наречие, включающее в себя диалектальные и просторечные черты других французских регионов [Butler 1962]. Отметим также, что литературная волшебная сказка предпросветительского периода, героями которой выступали представители низших классов общества, став модным явлением в аристократических салонах, вобрала в себя отнюдь несвойственные фольклору элементы аристократизма и роскоши [Викулова 2019].

Постепенное проникновение в художественный текст сниженных элементов начинается с работ реалистов (О. де Бальзак, Стендаль, Г. Флобер, П. Мериме) и натуралистов (Э. Золя, Г. де Мопассан, братья Гонкуры). Тем не менее в их произведениях разговорно-просторечные элементы встречаются лишь в диалогах [François 1975; Lozay 1982; Meizoz 2005] для языковой и социальной экспрессивной характеристики персонажей, тогда как образованный рассказчик (автор) как бы дистанцируется от других, не культурных и менее просвещенных героев: «[...] le

scripteur est tenu en principe de faire parler au narrateur, être de fiction tout comme les personnages, le langage de la Norme. Aussi toute intrusion du langage populaire, qui ne peut y figurer qu'à titre d'élément étranger, doit-elle être signalée pour qu'on ne risque pas de l'imputer au scripteur» [Rouayrenc 1994].

Приведем ниже два отрывка, наглядно иллюстрирующих вышеописанную тенденцию перехода от использования «языка народа» только лишь в прямой речи в классической французской литературе к широкому употреблению ненормативных единиц в словах самого рассказчика в литературе современной:

«Sur la fin de la cinquième année, Grandgousier, retour de la défaite des Canarriens, vint voir son fils Gargantua. Alors il fut saisi de toute la joie concevable chez un tel père voyant qu'il avait un tel fils et, tout en l'embrassant et en l'étreignant, il lui posait toutes sortes de petites questions puériles [...].

*– Il n'est, dit Gargantua, pas besoin de se torcher le **cul** s'il n'y a pas de saleté. Or la saleté n'y peut être si on n'a pas **chié**. Il nous faut donc **chier** avant de se torcher le **cul**». [Rabelais 1973: 139]*

Как видим, стилистически нейтральный текст, предваряющий диалог, представляет собой слова рассказчика, далее следует прямая речь, где главный персонаж, Гаргантюа, использует сниженную, вульгарную лексику.

Следующий пример приведен из отрывка романа «Их дети после них» («Leurs enfants après eux», 2018) современного французского писателя Н. Матье:

*«Et cette chanson, comme un virus, se répandait partout où il existe des fils de **prolo mal fichus**, des ados véreux, des rebuts de la crise, des filles mères, des **releuleuh en mob**, des fumeurs de **shit** et des élèves de **Segpa**». [Mathieu]*

В данном случае косвенная речь – размышления рассказчика (автора), изобилует арго, разговорными аббревиатурами, сокращениями, патуа (*releuleuh*).

Таким образом, до 1930-х годов во французской литературе было принято «разделение голосов» («cloisonnement des voix»), то есть стилистически маркированные элементы вводились в написанный на стандартном французском языке текст только в прямой речи [Meizoz 2005: 102], тогда как смешение голосов рассказчика и персонажа не принималось критиками-пуристами [Meizoz 2005: 101,

103]. Среди авторов, начавших широко использовать «язык народа» в прямой речи и повлиявших на последующее «обустнивание» («oralisation») голоса рассказчика, стоит отметить А. Барбюсса, автора романа «Огонь» («Le Feu», 1916) [Meizoz 2005: 102].

Писателем, продолжившим и развившим этот художественный прием, стал Л.Ф. Селин, объясняя это тем, что он пишет так, как говорит, будучи сам выходцем из народа: «[...] j'ai écrit comme je parle [...]. Et puis, je suis du peuple, du vrai [...]]» [Launay 1932]. Однако утверждение писателя о том, что используемый им народный язык, чьи арготичные элементы доказывают его живой характер, в отличие от мертвого письменного современного французского, ставится под сомнение литературным критиком Жоржем ле Кардоннелем. Он утверждает, что язык писателя искусственен, это отнюдь не тот язык, который он использует для общения с образованными соотечественниками: «que Monsieur Louis-Ferdinand Céline [...] ne vienne pas du moins prétendre qu'il entend écrire dans une langue populaire vivante, dont l'argot même prouve la vitalité tandis que la langue écrite d'aujourd'hui serait, selon lui, morte ; la sienne, produit de l'artifice, [...] n'est même pas vraiment la sienne, celle qu'il parle, avec les gens cultivés de son temps [...]]» [Cardonnel 1936: 6].

Как видим, использование ненормативного французского языка в художественной литературе всегда встречало резкую критику. Упомянув своего предшественника Ф. Рабле, отца французской литературы (le père des lettres françaises), который в свое время пытался ввести в литературу элементы «низкого» языка, Л. Селин пишет, что тот потерпел неудачу в демократизации языка, в привнесении в литературу истинного французского, уступив академическим предпочтениям широкой публики, делающей свой выбор в пользу «закостеневшего» языка Жака Амио (1513–1593), переводчика классических текстов, в частности произведений Плутарха, на французский язык: «non, c'est pas lui qui a gagné. C'est Amyot, le traducteur de Plutarquen [...]. Rabelais avait voulu faire passer la langue parlée dans la langue écrite : un échec. Tandis qu'Amyot, les gens maintenant veulent toujours et encore de l'Amyot, du style académique. Ça, c'est écrire de la m... : du langage figé» [Céline 1994].

В свою очередь, писатель-новеллист Б. д'Оревили (Barbey d'Aurevilly), отзываясь о художественном языке Э. Золя, утверждает, что он, как и его персонажи, говорит на извращенном языке, исказив и потеряв его среди гнусных аргю кабапе: «sa langue d'artiste, il l'a dégradée et perdue dans les argots les plus ignominieux des cabarets. Il a pris la langue du peuple. Dépravé par son sujet, il parle, en ce roman, comme les personnages qui y vivent» ([цит. по: [Bloy 1900]).

В предисловии к роману «Западня» («L'Assommoir», 1877) Э. Золя в ответ на критику в свой адрес замечал, что «язык народа», его живость, непредсказуемость и изобразительное богатство исследуются учеными, существуют словари этого языка, это настоящий клад для пытливых грамматистов, поэтому рассматривать его филологическую, историческую и социальную работу как преступление против словесности недопустимо – это первый правдивый роман о народе, пропитанный духом народа: «mon crime est d'avoir eu la langue du peuple [...]. Des dictionnaires de cette langue existent pourtant, des lettrés l'étudient et jouissent de sa verdeur, de l'imprévu et de la force de ses images. Elle est un régal pour les grammairiens fureteurs. N'importe, personne n'a entrevu que ma volonté était de faire un travail purement philologique, que je crois d'un vif intérêt historique et social [...]. C'est une œuvre de vérité, le premier roman sur le peuple, qui ne mente pas et qui ait l'odeur du peuple» [Zola 1877: 11].

В настоящее время во французской литературе достаточно широко представлены авторы, использующие в своих текстах элементы «низкого языка», в том числе аргю и патуа, например: Д. Эсно (D. Esnault), Р.К. Кено (R.K. Queneau), А. Пулай (A. Poulaille), Ш.Ф. Рамю (Ch.F. Ramuz), Ф. Дар (F. Dard), А. Будар (A. Boudard), Ж. Жене (J. Genet), Ж. Сандри (G. Sandry), Б. Жиро (B. Giraud), А. Саразен (A. Sarrazin), А. Зивес (A. Ziwès), Ж. Арно (G. Arnaud), А. Симонен (A. Simonin), Р. Фалле (R. Fallet), А. Шарьер (H. Charrière), А. Дре-Галу (псевдоним A.D.G.), Ж. Вотрен (J.Vautrin), Т. Жонке (T. Jonquet), Ф. Ген (F. Guène). Большая часть произведений приведенных выше писателей представляет собой детективный жанр, так называемый *polar* (*roman policier*).

Схожие процессы имели место и в русской литературе, для которой также не свойственно было широкое использование языка народа. Одним из первых писателей, кто «вложил в уста полу- или малообразованному повествователю свои истории», стал Н.В. Гоголь [Еекман 1986: 293]. В свою очередь, Н.С. Лесков, у которого «священники говорят по-духовному, нигилисты – по-нигилистически, мужики – по-мужицки» [Фаресов 1904: 273], виртуозно развил этот прием, получивший, однако, неблагоприятные отзывы современников за свою неестественность, чрезмерную вычурность, искусственность и эксцентричность: «и одной страницы не обойдется у него без каких-нибудь экивоков, иносказаний, выдуманных или бог весть откуда выкопанных словечек и всякого рода кунштштюков» [Скабичевский 1891: 288]. Следующим образом о лесковской манере письма отзывается публицист М.О. Меньшиков: «Неправильная, пестрая, антикварная манера делает книги Лескова музеем всевозможных говоров [...] тут встречаются все стихии, все элементы океана русской речи. Язык этот, пока к нему не привыкнешь, кажется искусственным и пестрым» [Меньшиков 1894: 164, 166].

Вопрос справедливости привлечения материалов художественного текста для анализа «говоримой» речи, поднимает, в частности, Н.Ю. Шведова в своей книге, посвященной различным типам синтаксических конструкций, характерным для русской разговорной речи. Основными аргументами против привлечения материалов художественных текстов выступает отсутствие интонации звучащей речи и намеренная обработка языкового материала писателем. И если против первого аргумента (отсутствие интонации) сложно найти возражения, поскольку пунктуация не всегда показывает реальное произнесение живого носителя, то по поводу второго аргумента Н.Ю. Шведова отмечает, что художественная обработка писателем материала состоит «не в изменении формы построения, не в отступлении от действующих правил языка, а в отборе и комбинировании материалов» [Шведова 2003: 25].

Т.Г. Винокур также подтверждает справедливость привлечения художественных текстов для исследования, указывая, что «диалоги и монологи

персонажей художественного произведения содержат квинтэссенцию типических черт живой разговорной речи, но их сгущение не только не противоречит истинной природе последней, но, наоборот, концентрирует ее функционально-стилистическую специфику» (цит. по: [Ковалевская 2012: 27]).

Аналогичную точку зрения высказывает О.Б. Сиротина, отмечая, что элементы разговорной речи, которые встречаются в художественном стиле, позволяют автору «приблизить свою речь к устному рассказу, средствами письменной речи создать впечатление устной речи» [Сиротина 1983: 73]. Однако для сближения с речью персонажей в художественной литературе чаще всего используются не столько разговорные, сколько просторечно-сниженные элементы [Там же: 73-74]. Например, расположение подлежащего после сказуемого позволяет создать фольклорно-повествовательную окраску, в частности, в сказовых произведениях [Там же: 73]. Разговорные элементы, а также бранная, сниженная лексика, диалектизмы выступают средствами речевой характеристики персонажей [Там же: 76].

Наиболее детальный стилистический анализ разговорных форм на материале художественных текстов, наравне с анализом индивидуальной речи, проводит Ю.С. Степанов. Он приходит к выводу о том, что стилистическое изучение художественной речи, в отличие от практической речи, дает возможность многоярусной интерпретации текста, так как практическая речь допускает интерпретацию одноярусную (или двухъярусную при наличии идиоматических выражений), а в художественном тексте даже банальные высказывания получают свое осмысление через включенность в более широкий художественный контекст [Степанов 2003: 44].

Таким образом, исследование разговорно-просторечных единиц на материале текстов художественных произведений представляется продуктивным и оправданным, позволяя изучить характерные черты живой разговорной речи.

1.5 Особенности текстов сказового жанра и их французских переводов

В данном разделе будут рассмотрены типологизирующие черты жанра «сказ», а также существующие переводы на французский язык сказовых произведений.

1.5.1 Определение понятия «сказовый жанр»

Сказ, являясь жанром текстов с ярко выраженной национальной окраской, занимает важное место в художественно-эстетическом пространстве русской культуры и литературы, выражает существенные стороны ее развития и является одним из показателей ее национального своеобразия [Мущенко 1978: 5].

В русской литературоведческой традиции сказ определяют как «особую семантико-стилистическую традицию русской прозы», берущую свое начало от литературы XIX века – произведений Н.В. Гоголя [Осьмухина 2007: 236]. Позже гоголевские традиции получили свое развитие в творчестве Н.С. Лескова. В дальнейшем в прозе начала XX века – 1910–1920 годов сказ представлен скорее сказовой стилизацией с элементами фольклора («Посолынь» А.М. Ремизова 1906). В первой половине XX века среди сказовых произведений стоит отметить цикл рассказов И. Бабеля «Конармия» и сказовые комические новеллы М. Зощенко.

Одним из первых теоретически разрабатывать проблематику сказа начал Б. Эйхенбаум («Иллюзия сказа», 1918; «Как сделана «Шинель» Гоголя», 1919) [Эйхенбаум 1924], который определил «установку на устную речь» как дифференцирующий признак этого жанра: «под сказом я понимаю такую форму повествовательной прозы, которая в своей лексике, синтаксисе и подборе интонаций обнаруживает установку на устную речь рассказчика» [Эйхенбаум 1987: 413].

Ю. Тынянов выделяет сказ «ремизовский, лирический» и сказ «юмористический», идущий от Н.С. Лескова и продолжающийся в творчестве М. Зощенко [Тынянов 1977].

В.В. Виноградов дает свое определение сказу: «это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествоющего типа,

это художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [Виноградов 1980: 49].

В отличие от Б. Эйхенбаума и В.В. Виноградова, рассматривавших сказ с позиций устной монологической речи, М.М. Бахтин пишет, что «[...] в большинстве случаев сказ есть, прежде всего, установка на чужую речь, а уж отсюда, как следствие, – на устную» [Бахтин 2000: 88].

Некоторые исследователи трактуют этот жанр как «двухголосое повествование, которое соотносит автора и рассказчика, стилизует под устно произносимый, театрально импровизированный монолог человека, предполагающего сочувственно настроенную аудиторию, непосредственно связанного с демократической средой или ориентированного на эту среду» [Мущенко 1978].

А.П. Квятковский сводит сказ к трем основным понятиям, отмечая при этом, что сказ в той или иной формах существует во всех литературах Востока и Запада: «1) название повествовательного произведения русского фольклора, выдержанного в форме бытового говора. 2) Речитативная манера исполнения сказителями русских былин. 3) Особая форма авторской речи, проводимая на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование» [Поэтический словарь 1966].

Согласно традиции, сложившейся в отечественном литературоведении, сказ представляет собой «особый тип повествования, ориентированный на [...] монологическую речь рассказчика, вышедшего из какой-либо экзотической для читателя [...] среды», в котором широко используются просторечие и диалектизмы [Литературный энциклопедический словарь 1987].

Для сказа характерна особая языковая фактура: используются «жаргонизмы, разного рода речевые «неправильности» (слова-паразиты, тавтология, экспрессивные междометия и звукоподражания, подчёркивающие спонтанность рассказа); фразы либо причудливо выворачиваются, либо нарочито упрощаются» [Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия 2006].

Следует, однако, отличать сказовый жанр от других литературных направлений, использующих разговорно-просторечные элементы в эстетической и стилистической функции. Данные элементы широко представлены в текстах, не являющихся по своей жанровой стилистике сказом, но дающих слово («la voix dite vulgaire») в литературе «человеку из народа» («un homme «du peuple») [Meizoz 2005: 104] (см. подробнее раздел 1.4).

Французский лингвист и переводчица К. Жери в предисловии к французскому изданию повести «Левша» Н.С. Лескова дает следующее определение термина «сказ»: «skaz – «conte» renvoie à un principe narratif volontiers archaïsant [...] où la fiction allégorique est considérée comme instrument d'interprétation du réel; «oral» définit une technique narrative [...] où l'accent est mis sur les marques syntaxiques et lexicales de l'oralité et sur les propriétés intonatives de la langue; «populaire» est une notion [...] d'une part censé caractériser socialement et culturellement le narrateur [...] d'autre part, il [...] justifie les deux premiers éléments du syntagme» [Géry 2002: 9].

Как видим, сказ в этой интерпретации представлен как устная форма повествования, характеризующаяся просторечным характером, отражающим социальную и культурную позицию рассказчика. С этой точки зрения, сказ выступает синонимом термина «сказка» – архаичный нарративный прием, где аллегория рассматривается как инструмент интерпретации реальности. Таким образом, нет прямой корреляции между русским понятием «сказ» и его французской трактовкой «устная народная сказка».

Английский ученый-славист Х. Маклин в своей статье «О стилистике сказа Лескова» определяет сказ как «stylistically individualized inner narrative placed in the mouth of a fictional character and designed to produce the illusion of oral speech», то есть трактует данное понятие как стилистически индивидуализированное внутреннее повествование от лица выдуманного рассказчика, предназначенное для создания иллюзии устной речи [Maclean 1954: 299].

Подтверждением того, что понятие «сказ» традиционно связано с русской литературной традицией, является заимствованный характер самого термина,

который передается на французский и английский языки путем транслитерации (*skaz*). Вместе с тем, как и А.П. Квятковский, Х. Маклин подчеркивает, что сказовая техника повествования не является ни новой в литературе, ни исконно русской: «формально сказ схож с «Кентерберийскими рассказами» в английской литературе» [ibid.]. По словам Х. Маклина, русским просто повезло с наличием отдельного термина для описания данного литературного явления [ibid.].

Оксфордский словарь литературных терминов определяет сказовый жанр как «своего рода сказку, в которой эпизод деревенской жизни рассказывается от первого лица в разговорном стиле» («a kind of folktale in which an episode of rustic life is recounted in the first person and in colloquial style») [Oxford Dictionary of Literary Terms].

Применительно к американской литературе использование сказовой техники в прозе начинается с XIX века, с творчества М. Твена («Приключения Гекльберри Финна», 1884), где повествование ведется от лица необразованного 14-летнего подростка [Там же]. Элементы сказа присутствуют и в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951). В романе шотландского писателя Дж. Клевана «До чего ж оно всё запоздало» («How Late It Was, How Late», 1994) на уровне языка сказовыми элементами выступают разговорная речь, обценная лексика и диалектизмы рабочих из шотландского города Глазго [Там же].

Близкими русскому сказу по своей стилистике являются архаичные, полные авторских неологизмов «Озорные сказки» О. де Бальзака [Эткинд 1986: 414].

Повесть Р. Роллана «Кола Брюньон» (1919), представляющую собой образец бургундской ментальности, произведение высокой степени национальной окрашенности, также можно классифицировать как текст, содержащий элементы сказовой стилизации. Стоит, однако, отметить, что, в отличие от романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533), в основе которого лежит народная сказка о великанах и который также является отражением галльской культуры (ср. высказывание В. Гюго о Ф. Рабле: «Rabelais c'est la Gaule», досл. пер.: «Рабле – это Галлия» [Boulenger 1925: 118]), стиль повести «Кола Брюньон» не является систематически архаизирующим [Baehr 1999: 6].

Более того, в отличие от «Озорных сказок» О. де Бальзака, характеризующихся стилистическим подражанием, полным искусственных элементов (*mimétisme stylistique plein d'artifices*), пародирующих Ф. Рабле, художественная концепция произведения Р. Роллана основана на использовании языка не в качестве самоцели (*non comme une fin en soi*) [ibid.: 7], а как средства языковой экспрессивности (*comme un moyen, comme une langue expressive*) [Rolland 1962]. Р. Роллан использует для характеристики своих провинциальных персонажей разговорный французский (*français oral*) своей эпохи, делая лишь небольшие вкрапления архаичной лексики [Baehr 1999: 7]. Таким образом, использование архаизмов, игры слов, «ученых» и просторечных слов, диалектизмов и неологизмов подчинено вышеупомянутому принципу экспрессивности.

Как видим, приведенные выше определения свидетельствуют о наличии хотя и не идентичных, но близких по своим жанрово-стилистическим и языковым особенностям произведений в западноевропейской литературе. Во Франции жанр, близкий к сказовому, развивался не как общефранцузский, а как региональный, поэтому несет на себе окраску конкретного региона, что обуславливает доминирование во французских текстах соответствующих стилистических приемов.

Анализ теории вопроса показал, что исследователи осуществляют классификацию сказовых произведений русской литературы следующим образом:

- произведения первой половины XIX века, в которых элементы сказа «встречаются лишь эпизодически, пятнами» [Лежнев 1966: 88]: «Повести Белкина» А.С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, которые «явились для русской литературы лабораторией новых повествовательных форм» [Мущенко 1978: 41];

- фольклорный сказ Н.С. Лескова, представителя литературы второй половины XIX века;

- проза первой трети XX века, где стремление предоставить слово для повествования народному рассказчику подводит автора к использованию

элементов сказовой речи [Мущенко 1978: 122]: «Посолонь» А. Ремизова, «Серебряный голубь» А. Белого, произведения Е. Замятина, «Конармия» И. Бабеля, «Донские рассказы» М.А. Шолохова;

- отдельно стоящий жанр сказовой комической новеллы М. Зощенко, отраженный в его фельетонах и рассказах первой половины XX века.

Данную классификацию, однако, следует признать условной. Так, дискуссионным является отнесение к жанру «сказ» произведений А. Платонова. Одни исследователи полагают, что повествование А. Платонова – это и не стилизация и не сказ, в отличие от нарратива М. Зощенко, И.Э. Бабеля [Михеев 2015: 286], и причислять его к сказу можно лишь весьма условно, так как в прозе А. Платонова позиция автора скрыта от читателя [Михеев 2001].

Т. Сейфрид полагает, что «Платонов отходит от «сказовой» традиции в том смысле, что ослабляет комическую заостренность на самом факте языковой невежественности персонажа, поскольку в его повести отсутствует [...] стилистически ортодоксальный авторский голос, который обычно и указывает на факт лингвистической ошибки» [Сейфрид 1994: 315]. Другие исследователи отмечают, что в произведениях А. Платонова, в частности в романе «Чевенгур», есть много элементов от русской сказки как с точки зрения содержания, так и с формальной стороны, а также присутствуют элементы лесковской прозы [Михеев 2015: 38].

Таким образом, А. Платонов создает свой особый нарратив – «консоавторство», нечто промежуточное между сказом-стилизацией и объективным повествованием» [Богомолова 2012: 178]. С.И. Красовская также пишет об особом «метажанре» А. Платонова, куда входят элементы притчи, анекдота, рассказа-сказания, житийного рассказа [Красовская 2005].

Проблематика сказового жанра исследуется в том числе зарубежными учеными. Французской ассоциацией по изучению русской культуры («Collectif d'études et de recherches sur les civilisations slaves») в мае 2006 года был организован международный colloquium, посвященный творчеству Н.С. Лескова. В рамках colloquiuma сказ получил лингвистическое и литературоведческое освещение.

Появляющиеся новые переводы сказовых текстов на иностранные языки и переиздания уже существующих текстов демонстрируют интерес переводчиков к этому жанру. Например, в 2002 году К. Жери был выполнен новый перевод на французский язык рассказа «Левша» Н.С. Лескова, получивший приз за перевод (le Prix de traduction «Halpérine-Kaminsky Découverte 2003»), вручаемый ассоциацией «La Société des Gens de Lettres de France». В 2015 году К. Жери также был выполнен перевод «Леди Макбет Мценского уезда». В 2011 году С. Бенеш (S. Benesch) была заново переведена на французский «Конармия» И. Бабея. В том же году вышел перевод А.-М. Татси-Боттон (А.-М. Tatsis-Botton) рассказа А. Ремизова «Чертик». В 2006 году Ж.-Б. Годон (J.-B. Godon) выполнил переводы произведений Е. Замятина «Алатырь» и «На куличках», которые впоследствии были отмечены специальным призом за перевод («le Prix Russophonie 2007»).

В последние десятилетия появилась серия диссертаций зарубежных исследователей, в которых анализируется проблематика сказового жанра в произведениях русских писателей, а также передача его особенностей при переводе. Среди них укажем следующие работы: Т.А. Ardin «Les particularités stylistiques de la langue littéraire d'Andreï Platonov», 1991, l'Université Stendhal (Grenoble); К.Н. Thresher «Narration in selected short works by Nikolaj Gogol: an investigation into multiple narrative modes and the presence of Skaz», 1992, University of Wisconsin; R. Hodel «Betrachtungen zum «skaz» bei N.S. Leskov und Dragoslav Mihailović», 1992, Universität Bern; С. Géry «La création verbale dans le Skaz, conte oral populaire, de N. S. Leskov», 1997, Lyon 3; J. Hicks «Mikhail Zoshchenko and the poetics of "Skaz"», 2000, University of London; V. Lévy «Zoščenko, successeur de Gogol et Leskov : autour de la question du skaz», 2000, Paris, INALCO; R. France «Mikhail Zoshchenko's «Michel Siniagin» : a critical study and translation», 2001, University of Glasgow; H. Kosáková «Aspekty skazu (k literárněteoretickému uvažování B.M. Ejchenbauma)», 2012, Univerzity Karlovy; J.F. Matlock Jr. «Leskov into English on translating Соборяне (Church folks)», 2013, Columbia University.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время жанр сказа продолжает вызывать интерес исследователей. Однако если в отечественном

языкознании основное внимание уделяется анализу жанрово-стилистических и языковых характеристик сказовых произведений, то во французской лингвистике акцент делается на возможности передачи при переводе языковых особенностей сказовых произведений, с учетом того, что во французской литературе «сказ» как отдельный жанр не сложился в том виде, в каком он существует в русской литературе, и, следовательно, «незнаком носителям французской культуры» [Буженинов 2014: 17].

1.5.2 Языковые особенности текстов жанра «сказ»

Языковые особенности сказа отражены в определении Б.О. Кормана, который называет сказом рассказ «ведущийся в резко характерной манере, воспроизводящий лексику и синтаксис носителя речи и рассчитанный на слушателя» [Корман 1972: 32].

Лингвистический анализ сказа можно найти и в работе Н.А. Кожевниковой, которая вслед за Б.М. Эйхенбаумом и В.В. Виноградовым выделяет «устность» в качестве главного дифференцирующего признака сказа [Кожевникова 1971].

Оксфордский словарь литературных терминов выделяет как типологизирующую черту разноуровневые разговорные элементы в языке рассказчика: сленговые и диалектные термины, инвективы, солецизмы, малапропизмы (лексико-стилистические ошибки, замена одного слова другим, сходным по звучанию, но неуместным по смыслу), произвольные паузы в речи, то есть признаки того, что нарратив следует понимать как разговорный, а не письменный [Oxford Dictionary of Literary Terms].

Устный язык в сказе подвергается обработке, стилизации, так упрощение и гиперболизация языковых черт устной речи способствуют идентификации, стереотипизации, созданию «местного колорита» или эффекта действительности («local color», or effet de réel) [Fludernik 2009: 96].

Будучи жанром высокой степени национальной и локальной окрашенности, ориентированным на устную речь, сказ обладает набором языковых особенностей, представляющих трудность для передачи в тексте перевода, ведь «по-настоящему

непереводимым в переводе оказываются не столько слова-реалии, сколько определенные отклонения от языковой нормы» [Михеев 2006: 398].

Исследователи отмечают сложность в переводе на английский язык аффиксальных эмотивных образований, играющих важную стилистическую роль, передавая сказовую разговорность в самобытных уральских сказах П.П. Бажова [Нестерова 2019а].

С целью выявления различий национальных менталитетов русских и французов А.Э. Буженинов рассмотрел лексико-семантические переводческие трансформации [Буженинов 2014] и синтаксические переводческие трансформации [Буженинов 2010] при передаче на французский язык особенностей сказа П.П. Бажова: безличных и бессоюзных предложений, вводных слов, риторических конструкций, синтаксического параллелизма, парцелляции, отсутствия в тексте оригинала причастных и деепричастных оборотов, различных тропов, диалектизмов и просторечных слов.

Сложности передачи лесковского сказа на французский язык, которые, по сути, являются отражением языковых особенностей данного жанра, отмечает К. Жери: глубоко национальный характер повестей, отражённый в использовании выражений, свойственных устной речи народа, диалектизмов географических и социальных; авторских неологизмов, игры слов; звуковых каламбуров, имеющих в определенном контексте символический смысл [Géry 2002: 61-63].

Для сказа Н.С. Лескова также характерно обильное использование варваризмов (англицизмов, итальянизмов, германизмов и в особенности галлицизмов) и неологизмов (на основе варваризмов), подвергаемых фонетическим трансформациям, русифицируемых с помощью суффиксов, в комбинациях с русскими лексемами, следуя принципам народной этимологии [Géry 2002: 35]. Сочетание в речи всех языковых регистров, используя исторические (от архаизмов до недавних заимствований) и социальные (от народных диалектов до книжного стиля) составляющие, позволяет создать лингвистическую полифонию, характеризующую сказовый стиль лесковской прозы [Géry 1998: 263].

Е. Эткинд писал, что «понять сегодня лесковский стиль можно благодаря Зощенко, этому Лескову XX века» [Эткинд 1986: 414-415], рассказы которого «в новой форме возрождают комический сказ» [Эйхенбаум 1987: 422]. Для того чтобы облегчить французскому читателю восприятие этого экзотического для него жанра, снять «барьер неприятия» текста, переводчики иногда делают зачин. Известно, например, что в начало некоторых переводов рассказов М. Зощенко они намеренно добавляют два-три предложения, чтобы ввести читателя в курс событий [Фененко 2006].

Трудность для перевода сказа также представляют просторечия, являющиеся важной речевой характеристикой персонажей и несущие в себе особую стилистическую функцию. Так, в рассказах М. Зощенко просторечие через язык героев, простых обывателей, помогает создать эффект комического. До относительно недавнего времени писатель считался «непереводимым», «слишком русским» для восприятия его творчества иностранным читателем [Davidenkoff 1987: 8]. Подобную точку зрения высказывал, в частности, С. Довлатов: «Зощенко, я думаю, непереводим. Он создает переводчикам удвоенные трудности. Ставит перед ними двойную задачу. Во-первых, как стилист. И еще как выразитель специфической отечественной реальности. Наконец, у Зощенко свой особый язык. Как выразить на английском его гениальные языковые «погрешности»? [Довлатов 1990].

Между тем, существующие переводы рассказов М. Зощенко на иностранные языки [Электронная база IdRef (Identifiants et Référentiels)] дают возможность убедиться в успешности передачи «непереводимого в переводе» [Влахов 2006], к которым можно отнести перечисленные выше сказовые элементы.

Языковое своеобразие А. Платонова изучалось с разных точек зрения, в частности, с точки зрения концептуализации картины мира [Радбиль 2017; Михеев 2003] и с точки зрения лингвистики и литературоведения [Красовская 2005; Михеев 2001, 2012, 2006, 2015; Радбиль 2006; Стернин 1999; Tsvetkov 1983; Зализняк 2008].

Переводчик А. Платонова на французский язык Л. Мартинез в своем предисловии к «Чевенгуру» указывал на своеобразие языка писателя, не имеющего аналогий ни с предыдущей литературной традицией, ни среди его современников: «la langue de Platonov est des plus étranges. Elle n'a pas d'antécédents dans la tradition littéraire ni d'équivalents parmi les écrivains de la même génération [...] L'avènement des temps nouveaux, avec leur lexique, leur jargon, leur mots d'ordre, leur reconstruction rigoureuse et puérile de l'univers, y laisse évidemment sa trace et vient y alourdir ou y dénaturer le parler des humbles, frères ou enfants de l'auteur» [Martinez 1996: 4].

На сложность передачи языка А. Платонова указывал и его переводчик на английский язык Р. Чандлер, отмечая, что перевод А. Платонова на обычный английский представляется весьма легкой задачей, однако отнюдь непросто найти такой убедительно странный язык, «неправильность которого имела определенную правильность» («a language whose wrongness has a certain rightness») [Chandler 2002: 10].

Изучение поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки» проводилось с разных точек зрения: предметом исследования становилась ее интертекстуальность [Брыкина 2009; Безруков 2004], эстетика, мифологизм, лингвистические особенности [Веселова 2001]. Среди языковых элементов, характерных для сказового жанра, в поэме можно отметить наличие эмоционально-окрашенной, экспрессивной, инвективной, разговорной лексики, эллиптических синтаксических конструкций, разговорных средств и приемов выразительности. Интересной деталью является то, что в статье «Le voyageur enchanté, de Moscou à Pétouchki», посвященной данной поэме, первая часть названия «Le voyageur enchanté...» является одним из переводов на французский язык наряду с «Le Pèlerin enchanté» названия повести Н.С. Лескова «Очарованный странник». В данной статье журналист Я. Шенкман характеризует текст Ерофеева как «непереводимый»: «trop russe, trop d'alcoolisme, de quête de Dieu, de citations des classiques russes» [Shenkman 2013].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проведенный обзор основополагающих теоретических работ позволяет сделать следующие выводы.

1. В отечественном и романском языкознании трактовки понятий *просторечие* и *разговорная речь* (*français populaire / français familier*) имеют определенный ряд сходств и отличий. Разговорная речь представляет собой средство повседневной коммуникации (*conversation courante*) как в устной, так и в письменной форме, располагается в классификациях между просторечием и языком обиходно-бытового общения (*français courant*), от которого отличается большей стилистической сниженностью, характеризуется системностью и нормативностью, в отличие от просторечия, арго и диалектов, хотя и имеет с ними много общего. Особенности разговорной речи являются ситуационно-коммуникативная обусловленность, спонтанность, субъективность и эмоциональность.

Если разговорный язык представляет собой стилистический регистр, то просторечие – социальный, его элементы используются в речи малообразованного населения. Понятие «просторечие» имеет пейоративную коннотацию, его элементы табуированы в письменной речи и неприемлемы в формальной устной речи. Просторечие выходит за рамки литературно-правильного языка (*bon usage*), занимает положение между разговорной речью и арго, но не входит в состав арго и диалектов, хотя и пополняется их элементами. Являясь некодифицированной формой речи, оно характеризуется несистемным, наддиалектным характером.

2. Дискуссионными продолжают оставаться вопросы о том, кого считать носителями просторечия, и каким образом выделять определенный набор его языковых дифференцирующих черт. Это объясняется, во-первых, отсутствием «классического» носителя просторечия, поскольку просторечные элементы встречаются в речи разных слоев населения, как образованных, так и не получивших системного образования, для которых просторечие является основным языком устной, а также письменной коммуникации. Во-вторых, трудности представляет выделение системных разноуровневых отклонений от

литературного языка, хотя попытки выявить особенности фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики неоднократно предпринимались.

3. Явления разговорной речи и просторечия представляют собой сложные социолингвистические феномены, неоднородные по своему составу. Сферы использования просторечия и разговорной речи, будучи не четкими в своих собственных границах, кроме того, частично перекрываются и налагаются друг друга, что делает дискуссионным вопрос лексикографической маркировки лексических единиц. Размытость границ двух категорий обусловлена двумя факторами. Во-первых, постепенным переходом лексики из категории просторечия в категорию разговорной речи, то есть переходом из социального измерения в стилистическое, и, как следствие, отказом лексикографов использовать помету *populaire*, описывающую лексему свойственную речи человека необразованного, вышедшего из неблагоприятной социальной среды, и предписывающую не использовать данную ЛЕ в более высоких социальных кругах (что не всегда справедливо, принимая во внимание социальную подвижность носителей просторечия и разговорного языка, а также использование просторечий в стилистической функции образованными носителями). Во-вторых, усилением тенденции к расширению сферы употребления просторечия и разговорных элементов, чему, в частности, способствует более широкое использование стилистически сниженных единиц в произведениях художественной литературы XX века.

4. Основными критериями выделения французских языковых единиц, относящихся к просторечию и разговорной речи, являются лексикографические стилистические пометы. Однако в связи с их разнообразием и неоднородностью, обусловленными естественными процессами перехода лексики из одной функционально-стилистической категории в другую, представляется целесообразным объединить французские просторечные и разговорные языковые явления на разных уровнях языка (лексическом, грамматическом, фонетическом, стилистическом и идиоматическом), обозначив их общим термином *разговорно-просторечные единицы*.

5. Разговорно-просторечные единицы в художественной литературе играют важную стилистическую и эстетическую роль, позволяя создать впечатление живой разговорной речи, передавая местный колорит, являясь средством речевой и социальной характеристики персонажей, транслируя типологизирующие черты носителей нелитературного языка. Проникновение функционально и стилистически окрашенных единиц в художественные тексты прошло долгий и сложный процесс, сталкиваясь с критикой и непониманием современников, сначала получив отражение в прямой речи героев (в диалогах), а затем и проникнув в речь рассказчика (автора). Несмотря на невозможность изучить интонации разговорной речи, художественные тексты представляют репрезентативный материал для исследования разговорно-просторечных единиц, являясь концентратом типических черт живого разговорного языка.

6. Обзор теоретических работ, посвященных сказовому жанру, позволяет сделать вывод о том, что сказ представляет собой особый жанр художественных произведений с ярко выраженной национальной / локальной окраской, отражающий художественно-эстетическое своеобразие русской ментальности в литературе. Имитация устной монологической речи как основная типологизирующая характеристика сказа обуславливает особую языковую и стилистическую фактуру художественных текстов. Термин «сказ» транслитерируется на французский язык (*skaz*), что свидетельствует о его исконной связи именно с русской литературной традицией, хотя во французской литературе существуют свои близкие по стилистике и языковому оформлению жанры, отражающие национальный менталитет и имитирующие устную речь рассказчика, вышедшего из «народа». Отсутствие сказа как отдельного, самостоятельно сложившегося, жанра во французском литературном пространстве, а также его языковые особенности (стилизация под устную речь) обуславливает сложность передачи русского сказового нарратива на французский язык.

Перечисленные выше теоретические положения лежат в основе практического анализа материала, результаты которого будут представлены во второй и третьей главах настоящей работы.

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА РЕНОМИНАЦИИ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ

В данной главе представлены результаты анализа способов реноминации разговорно-просторечных единиц во французских переводах текстов сказового жанра. Цель данного этапа анализа – проследить (на примере разговорно-просторечных единиц) особенности порождения французского текста, поэтому тексты переводов изучаются на фоне французских нарративов, близких по стилистике к жанру «сказ» или содержащих элементы сказового жанра. Такой подход позволит выявить сходства и различия в передаче разговорно-просторечных элементов в речи персонажа-выходца из народа, которой присущи сниженность, грамматическая неправильность или афазический характер («vulgar, non-grammatical or slightly aphasic speech») [Schmid 2009: 789].

2.1 Материал и методика исследования

Исходя из целей и задач нашего исследования, в качестве материала для анализа были отобраны произведения согласно следующим двум критериям.

1. Тексты, относящиеся к жанру «сказ» или включающие сказовые элементы, как наиболее ярко репрезентирующие национальную ментальность и культурный колорит и отличающиеся языковым и стилистическим новаторством. Например, в произведениях А. Платонова исследователи отмечают смешение советизмов, речевых клише со стихийным языком неграмотного населения, которое затем трансформируется через призму языковой игры [Санджи-Гаряева 2004]. А. Платонов использует широкий спектр стилистических средств выразительности: метонимию, плеоназм, метафору, переосмысленные фразеологизмы, аллюзии [Михеев 2012]. Язык писателя «сочетает в себе элементы тавтологии и вычурности, то есть «суконного» языка и языка образного, канцелярские обороты речи и высокие церковнославянские речения, неграмотную, спонтанную речь простонародья и высоко поэтическую речь» [Михеев 2003], «стандартные языковые словосочетания разлагаются на части, разрушаются и

переосмысливаются, по примеру «народной этимологии» или каламбура» [Михеев 2003]. В «Чевенгуре» широко используется просторечие как средство характеристики персонажа и средства образности речи повествователя [Радбиль 2006: 89], различные «сочетаемостные аномалии» (синонимические подстановки, анаколуф / силлепс, рассогласование категориальных признаков, ресемантизация идиом, склеивание двух конструкций в одну) [Зализняк 2008: 161]. Однако практически отсутствуют неологизмы, свойственные языковым экспериментаторам той эпохи [Там же].

2. Тексты, относящиеся к жанру «сказ» или включающие сказовые элементы с самыми актуальными на настоящий момент переводами на французский язык, выполненными во второй половине XX века.

Согласно указанным выше критериям, в качестве материала для исследования были отобраны следующие произведения:

– повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник» (N.S. Leskov «Pèlerin enchanté»), которая впервые переведена В. Дерели (V. Derély) на французский язык в 1892 году. Последний на данный момент перевод, представляющий материал нашего анализа, выполнен А. Оран (A. Ogran) и А. Люстерник (H. Lusternik) в 1959 году;

– роман А. Платонова «Чевенгур» (A. Platonov «Tchevengour») переводился на французский язык дважды: первый перевод выполнен С. Лёб (S. Lœb) в 1972 году, второй, послуживший материалом нашего исследования, перевел Л. Мартинез (L. Martinez) в 1996 году;

– переводы на французский язык рассказов М. Зощенко (M. Zochtchenko «Contes de la vie de tous les jours: nouvelles satiriques soviétiques des années 1920»), выполненные М. Давыденковым (M. Davidenkoff) в 1987 году;

– переиздание 1990 года перевода поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки» (V. Erofeiev «Moscou-sur-Vodka»), впервые переведённой на французский язык А. Сабатье (A. Sabatier) и А. Пинго (A. Pingaud) в 1976 году и в 1977 году изданной на французском языке в Париже (в России поэма была опубликована лишь в 1988–1989 годах).

Отметим, однако, что среди литературоведов нет четкого мнения относительно жанровой принадлежности этого произведения. Некоторые исследователи отмечают, что текст «Москва – Петушки» представляет собой сказовую стилизацию в постмодернизме [Авраменко 2008: 116]. Так, каждая из глав имеет свою жанровую принадлежность: «встречаются главы – рассказы, сказы, истории, загадки, сны» [Безруков 2004: 115] (курсив наш. – Е.Л.). Сам автор, В. Ерофеев, определяет жанр как поэму, несмотря на прозаический язык произведения. Отмечается сходство «Москвы – Петушков» с «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя и рассказами М. Зощенко [Чудакова 2011]. В рецензии французского издателя перевода поэмы указывается, что автор смешивает остроту языка Н.В. Гоголя и гротескность Ф. Рабле [Erofeiev 2015].

Таким образом, выделенный корпус переводных художественных текстов сказового жанра или сказовой стилизации представлен произведениями, ярко репрезентирующими русскую национальную ментальность и культурный колорит и содержащими большое количество разговорно-просторечных единиц.

В качестве материала для сравнения с текстами переводов мы привлекли художественные произведения, написанные французскими авторами: новеллы Ги де Мопассана «Le lapin», «Un normand», «Aux champs», «La bête à Maît' Belhomme», «L'âne», «Coco, coco, coco frais !», «Les dimanches d'un bourgeois de Paris», «Ce cochon de Morin», «Le vieux», «L'ivrogne», «Les sabots» и повесть Р. Роллана «Colas Breugnon». Выбор данных текстов обусловлен схожей с жанром «сказ» тематикой и сюжетом (реалистический план повествования, представляющий собой зарисовки из жизни крестьян) и лингвистическим оформлением – стилизация социально маркированной устной речи.

В основе нашего анализа лежит понимание переводного художественного текста как:

– репрезентата «чужой» языковой картины мира, транслируемой сквозь призму «своей», основными характеристиками которого являются коммуникативная направленность и эстетическая ценность [Пищальникова 2018: 278]. Мы разделяем мнение о том, что картина мира «никакой, кроме как языковой,

быть не может, потому что именно язык формирует, фиксирует и транслирует новые смыслы» [Пищальникова 2019: 17];

– особой формы диалога языков и культур – канала межкультурной эстетической коммуникации, которая отражает взаимодействие не только различных картин мира, но и художественных моделей мира, создаваемых автором оригинального произведения и автором их перевода, ведь именно в процессе сопоставления иностранных языков с родным языком и иностранных культур с родной культурой обнаруживается и признается вся глубина и сложность проблем, присущих межъязыковому и межкультурному общению [Ter-Minasova 2017: 11];

– формы проявления взаимодействия и взаимовлияния языков, участвующих в процессе перевода. Сквозь призму художественного текста хорошо видно, что «за словами разных языков – разные миры» [Ter-Minasova 2008];

– продукта реноминации, в процессе которой осуществляется повторная номинация средствами другого языка понятий и явлений художественной действительности, представленной в тексте оригинала, с сохранением содержания последнего. За счет этого переводной художественный текст выходит «за рамки собственного определения как «вторичного» и приближается к понятию «первичный» [Николаев 2016: 114-115]. Художественный текст, обладая «выраженной сильной субъективностью» [Баринова 2007: 17], является текстом «наибольшей первичности», в отличие от научных и технических переводов [Там же].

Анализ выделенных переводных художественных текстов проводился с позиций теории реноминации, согласно которой реноминация заключается «в назывании («отображении») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата» [Кретов 2011: 154]. В процессе реноминации происходит создание в тексте перевода «таких новых номинаций, которые были бы эквивалентны номинациям чужих реалий» в тексте оригинала [Там же: 155]. Данный процесс осуществляется на уровне текста и направлен на поиск переводчиком реноминативных форм, обеспечивающих «получение

содержательно и импрессивно эквивалентного *текста* в культуре языка перевода» [Там же: 156]. Следует отметить, что для художественного текста первостепенной является именно эквивалентность воздействия на подсознание читателя как оригинального, так и переводного текстов, то есть эквивалентность впечатления, характеризующая отношение «текст – читатель» [Стернин 2018], или так называемая *импрессивная эквивалентность* [Фененко 2002].

Целесообразность и продуктивность использования данного подхода применительно к анализируемому материалу объясняется тем, что положения теории реноминации позволяют проанализировать способы и средства передачи «непереводимых», безэквивалентных единиц языка, которыми изобилуют сказовые произведения, будучи текстами высокой степени национальной окрашенности, а также выявить степень их интегрированности и адаптированности в «чужом» языковом универсуме.

За единицу анализа мы принимали контекстное употребление разговорно-просторечной единицы: это может быть одно предложение (узкий контекст) или целый отрывок из художественного текста (широкий контекст), так как именно в контексте актуализируется стилистическая составляющая исследуемых единиц.

В процессе анализа мы выделяли разговорно-просторечные единицы различных уровней: фонетического, морфологического, синтаксического, лексического, идиоматического и стилистического (тропы и фигуры), в соответствии с которыми мы будем проводить описание материала.

2.2. Фонетические средства реноминации разговорно-просторечных единиц

В данном разделе представлены средства реноминации разговорно-просторечных единиц на фонетическом уровне, который «во многих типологиях остается «за кадром» [Гарбовский 2004: 386]. В ходе анализа мы ориентировались на графические звукоизобразительные приемы передачи отклонений от фонетической нормы, так как, работая с письменными источниками, невозможно

иным способом выделить такие признаки разговорной речи, как громкость, грубая, агрессивная интонация, если это не указано в авторских ремарках.

Примеры отклонения от произносительной нормы в анализируемых текстах не многочисленны, что связано со спецификой данного языкового уровня: избыточность особенностей говорения, переданных графически, с помощью текста, может затруднить как сам процесс чтения, так и понимание прочитанного. Предметом нашего анализа послужили контексты (см. Приложение 1), содержащие примеры разговорного и просторечного произношения; случаи протяжного произношения слов, обусловленного ситуативной реакцией говорящего; звуковых каламбуров; рифмованных присказок; примеры измененного произношения звуков в пении; некорректного произношения слов, несвойственных лексикону персонажа.

Проведенный анализ показал, что реноминация особенностей разговорно-просторечного произношения в переводном тексте осуществляется путем графически зафиксированных отклонений от нормированного французского произношения. Среди таких отклонений мы выделили следующие:

Элизия гласной в субъектных местоимениях, например, в местоимении второго лица единственного числа *tu*:

... *t'es tombé sur une grosse motte de glaise qui a descendu la pente à la manière d'un traîneau.* [Leskov]

«*T'as un passeport au moins ?*» [Leskov]

T'as raison... [Zochtchenko]

T'as enlevé ? [Zochtchenko]

T'as toujours des parents ? [Platonov]

– *Alors, plutôt que de te pendre toi-même, viens avec nous, peut-être que t'iras à la potence d'une autre manière.* [Leskov]

В приведенных примерах присутствует характерный маркер французского разговорного произношения – выпадение гласной *и* в местоимении *tu*, всегда присутствующей в литературной норме.

Элизия гласной в анализируемых французских текстах отмечена и в случае с субъектным местоимением первого лица *je*. Ср.:

Moi, j'lui répons... [Erofeiev]

Alors, quand je vous ai entendu parler de la littérature j'me suis dit : «Va donc t'asseoir avec eux...» [Erofeiev]

Moi, c'est pareil : dès que j'ai un peu bu, j'cours vers lui et j'lui dis... [Erofeiev]

Синкопа – одно из проявлений разговорной французской речи на фонетическом уровне, которое отражается графически с помощью апострофа в середине слова. Под синкопой в данном исследовании мы понимаем выпадение гласной в середине слова [Canault 2017: 93] с целью отличить данный фонетический процесс от элизии – выпадения гласной в конечной позиции, например:

– *M'sieur, donne-moi un kopeck...* [Platonov]

Tout de suite ! Les v'là, vos dents !... [Erofeiev]

Une fois, le v'là qui m'attrape par le mollet et me demande... [Erofeiev]

V'là le front de retour ! [Platonov]

Во всех приведенных выше контекстах разговорное произношение передается за счет синкопы гласной *o* во вводной конструкции *voilà*.

Синкопа оказывается наиболее частотной в разговорных диминутивных вокативах, например:

Mes p'tits pères... [Zochtchenko]

– *Ma p'tite dame, je viens de vous acheter un ticket...* [Zochtchenko]

Tu vois, ma p'tite Dacha, jusqu'où elle t'a menée, la recherche de ton moi ! [Erofeiev]

Ошибка в произношении слова, отраженная графически через ошибочное его написание, например:

Je vis comme un simple surjet... [Platonov]

Ср. правильное написание слова *sujet*.

Парцелляция – графический прием передачи интонационной экспрессии разговорной речи, например, отрывистого или протяжного произношения слов или звуков в тексте:

«*O-ô-ô, hanap de mes aïeu-eu-eux... O-ô-ô, laisse-moi te contempler à la lumière des étou-â-â-les nocturnes*». [Erofeiev]

В приведенном контексте протяжное произношение звуков в пении передается путем разбивки слов на слоги и звуки (слоговой и звуковой парцелляцией). Примечательно, что в тексте отражен фонетический облик некоторых слов, отличающийся от нормативного написания гласных (ср. в тексте оригинала: *зве-о-о-озд* = в тексте перевода: *étou-â-â-les*, стандартное написание *звезд – étoiles*).

– *Tr-r-rès curieux*. [Erofeiev]

Звуковая парцелляция графически передает ироничную интонацию героя.

Ономатопея или звуковое подражание, придающее экспрессивность художественному контексту:

Depuis-mars, Hou-hou-hou ! Je-pleurais, c'était moche... [Erofeiev]

Звукоподражательной единицей в данном примере является *hou-hou-hou* (у-у-у), используемая для передачи пения в сочетании с парцелляцией.

Звуковой каламбур – один из характерных фонетических приемов сказовых текстов.

Il déclare : – Di-ca-ti-li-ca-tipé, je suis le magnétiseur. [Leskov]

Калькирование фонетического варваризма (ср. в оригинале: *Отвечает: – Ди-ка-ти-ли-ка-тине: я магнетизер.* [Лесков]) привело к так называемой деварваризации, то есть к возвращению иноязычного элемента в стихию своего языка [Федоров 2002: 288]. В тексте перевода тем не менее сохраняется функция деварваризированного элемента: впечатление бессмысленности произносимого, поскольку данные ЛЕ представляют собой набор случайный французских звуков.

Выделенные выше отклонения от фонетической нормы типичны для оригинальных французских произведений, близких по своей стилистике к жанру «сказ». В качестве иллюстрации использования в стилистических целях

отклонений от языковой нормы на уровне фонетики во французской художественной литературе приведем примеры из следующих текстов. Ср.:

«COLAS BREUGNON»:

«*Un ra-pla-pla de tambour, un lus-tu-flu de flûte...*

...sciant, coupant, rabotant, rognant, chantournant, chevillant, limant, tripotant, triturant la matière belle et ferme qui se révolte et plie...

...rond de façons et du bedon, plus de la première jeunesse, cinquante ans bien sonnés, mais râblé...

Je dis: – ... Res-pon-sa-bi-li-té ? Eh bien, je la prends, moi». [Rolland]

«LE LAPIN»:

«– *V'là qu'on a volé un lapin, l'gros gris.*

– *V'là trois s'maines que Polyte couche avec elle, vu qu'il n'a pas d'abri, ce maraudeur.*

– *Le v'là.*

– *Je l'tiens ! Je l'tiens !*

Eune nuit, vu qu'j'avais d'z'idées, j'rentrai, l'aute semaine, et j'les y trouvai, qu'i n'étaient point dos à dos. J'foutis Polyte coucher dehors ; mais c'est tout, vu que je savais point mon droit. C'te fois-ci, j'les vis point. Je l'sais par l's autres. C'est fini, n'en parlons pu. Mais si j' les r'pince... nom d'un nom, si j' les r'pince. Je leur ferai passer l'goût d'la rigolade, maît' Cacheux, aussi vrai que je m'nomme Severin». [Maupassant]

«UN NORMAND»:

«*Alors, faisant de ses mains un porte-voix, il mugit de nouveau : «Mé-li-e-e !*

Qué qu'y a ?» [Maupassant]

«AUX CHAMPS»:

«– *J'dis qu'c'est point méprisable.*

– *C'te rente de douze cents francs, ce s'ra promis d'avant l'notaire ?*

– *Cent francs par mois, c'est point suffisant pour nous priver du p'tit ; ça travaillera dans quéqu'z'ans c't'éfant ; i nous faut cent vingt francs.*

– *Qué qu't'en dis, l'homme ?*

– *J’t’ai pas vendu, mé, j’t’ai pas vendu, mon p’tiot. J’vends pas m’s éfants, mé. J’sieus pas riche, mais vend pas m’s éfants*. [Maupassant]

«LA BÊTE A MAIT’ BELHOMME»:

«*Mais Belhomme se mit à gémir : – Oh ! gniau... gniau... gniau... à me trifouille dans l’fond... Oh ! misère !...*» [Maupassant]

Как видим, передавая фонетические особенности разговорной речи, французские авторы используют слоговую и звуковую парцелляцию, звуковой каламбур и рифму, синкопу, элизию гласных и согласных, фонетическое стяжение детерминативов и знаменательных слов, графическое маркирование связывания, написание неправильного фонетического облика слова.

Эти приемы практически полностью совпадают с реноминативными средствами, использованными в переводном тексте жанра «сказ»: элизией гласной в субъектных местоимениях первого и второго лица единственного числа, выпадением гласной в середине слова (синкопой), ономотопеей, графической передачей неправильного / растянутого произношения звуков через ошибочное написание слов и слоговую / звуковую парцелляцию, рифмованными контекстами и фонетическими каламбурами.

2.3 Грамматические средства реноминации разговорно-просторечных единиц

В данном разделе мы рассмотрим реноминацию во французском переводном тексте разговорно-просторечных единиц морфологическими и синтаксическими средствами. По словам Ш. Балли, тенденции разговорной речи реализуются не только с помощью лексических (прямых) средств выразительности, но и с помощью «специфических синтаксических средств» [Балли 2001: 354], поскольку «подлинное единство разговорного языка обнаруживается в косвенных выразительных средствах – они охватывают всю область распространения разговорной речи и обнаруживаются во всех ее проявлениях» [Там же: 366].

2.3.1 Морфологические средства реноминации разговорно-просторечных единиц

Анализ передачи разговорно-просторечных единиц во французском переводном тексте показал, что их реноминация с помощью морфологических средств носит ограниченный характер (см. Приложение 1). В нашем материале отмечены следующие случаи.

Реноминация путем редупликации – прием, который используется с целью экспрессивного усиления во французской разговорной речи:

...l'un, en veste de travail, et très-très bête ; l'autre, très-très malin dans un beau pardessus. [Erofeiev]

В этих примерах абсолютная редупликация прилагательных *bête* (тупой) и *malin* (умный), отражающая высокую степень интенсивности признака, передается во французском тексте редупликацией наречия *très-très* (очень-очень). Кроме того, используются антитеза и синтаксический параллелизм, усиливающие экспрессивную окраску высказывания.

Реноминация путем диминутивизации – прием употребления уменьшительных форм:

... et la respiration ne se dépose pas sur le petit miroir quand on le rapproche de la petite bouche. [Zochtchenko]

... pour visiter l'agglomération déserte, sur de fringants petits chevaux finnois. [Leskov]

Assieds-toi, qu'il dit, dans le couloir, sur la petite cantine. [Zochtchenko]

Использование диминутивов является достаточно частотным во французских разговорных вокативах:

– *Sauve-nous, petit.* [Zochtchenko]

Реноминация путем функциональной транспозиции – прием использования имени собственного в функции нарицательного, ср.:

Prends une Natacha, frère, choisis celle qui te plaira. [Лесков]

Les Tartares répliquent qu'il n'y a pas de grâce, que je suis un Ivan, un prisonnier russe. [Лесков]

Переход имени собственного в нарицательное, то есть в деоним, реноминируется во французском тексте «своими» грамматическими средствами, то есть через добавление неопределенного артикля *un / une* к имени собственному. В контексте художественного произведения данная грамматическая конструкция передает пренебрежительное отношение говорящего к главному герою.

Выделенные морфологические отклонения от литературной речи в текстах переводов соответствуют типичным приемам передачи разговорно-просторечных черт французского языка, о чем свидетельствуют оригинальные французские тексты, ср.:

«AUX CHAMPS»:

«– *Vous voulez que j’vous vendions Charlot ?*

– *J’voulions point vendre not’ éfant !*» [Maupassant]

«UN NORMAND»:

«*j’vas cogner, prends garde !*

J’vas vous dire.

j’nous mettons à boire un cou

j’vas vous donner une botte de paille». [Maupassant]

«L’ANE»:

«– *Eh bien, qué que j’en faisons à c’t’heure ?*

J’étions embusqué à l’Éperon quand quéque chose nous passe dans le premier buisson à gauche, au bout du mur.

j’allons rigoler à la nuit tombée». [Maupassant]

«COCO, COCO, COCO FRAIS !»:

«*Grand merci, mon petit homme, cela vous portera bonheur*». [Maupassant]

«COLAS BREUGNON»:

«*Qui veut voir un roi sans royaume, un Jean sans terre, un heureux coquin, qui veut voir un Breugnon de Gaule...*

Vous imaginez-vous un Breugnon qui ne sent plus, un Breugnon qui ne crée plus, un Breugnon qui ne rit plus, et qui ne fait plus feu des quatre fers à la fois ?

Elle m’aimait, m’aimait, à l’en faire périr.

Voilà le beau gilet qui devient rouge, rouge, et Rouge-Gorge crie : « J'en ai assez, assez ! mon habit est brûlé ! » [Rolland]

В приведенных выше отрывках элементами, отклоняющимися от нормы на уровне морфологии, выступают ошибки в спряжении глаголов (отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым), неправильное согласование времен, диминутивные формы, функциональная транспозиция, редупликация.

Таким образом, на морфологическом уровне во французском переводном тексте реноминация отклоняющихся от нормы единиц осуществляется средствами «своего» языка, такими как функциональная транспозиция, деминутивизация (использование уменьшительных форм и вокативных диминутивов) и абсолютная редупликация.

Выявленные средства реноминации разговорно-просторечных единиц в переводном французском тексте позволяет разделить точку зрения о том, что, несмотря на существенную роль морфологических особенностей разговорной речи в языках флективных, малая вариативность фонем и узкий диапазон замены грамматических значений показывают, что морфологический аспект не является доминирующим для формирования специфики разговорного языка аналитического, в отличие от лексики и синтаксиса, которые составляют основу разговорных типологизирующих черт [Скребнев 1985: 75].

2.3.2 Синтаксические средства реноминации разговорно-просторечных единиц

Рассмотрим реноминацию разговорно-просторечных единиц посредством синтаксических конструкций, характерных для французского разговорного языка. Одной из типологизирующих черт разговорной речи, отмеченной Ш. Балли, является эмоциональность выражения мысли, которая не всегда может быть передана только словами [Балли 2001: 351], поскольку «роль слов в высказывании уменьшается пропорционально увеличению роли чувства» [Там же: 351] (разрядка автора. – Е.Л.).

Схожее наблюдение высказывает Ю.М. Скребнев, говоря о разговорной лексике как о важном, но не доминирующем аспекте формирования разговорной специфики, приводя в пример сравнение двух текстов: первого, состоящего из разговорной лексики, но с книжными синтаксическими конструкциями, который оказывается в итоге нереален для живого, бытового разговора; и второго, состоящего из нейтральной лексики, но построенного по правилам разговорного синтаксиса, представляющего собой абсолютно естественный пример диалогического общения [Скребнев 1985: 75-76]. Кроме того, именно на материале изучения синтаксиса можно вывести закономерности межъязыкового сходства частных тенденций и моделей для разработки общей теории разговорной речи, тогда как изучение разговорной лексики позволяет выявить лишь общие межъязыковые тенденции [Там же: 77].

Прибегая к внелексическим средствам, в частности к средствам разговорного и эмотивного синтаксиса, французским писателям удается отразить в художественных текстах интонации и экспрессивность разговорного языка в речи героев. Согласно В.Г. Гаку, следует отличать эмотивность от смежных понятий экспрессивности и оценки, поскольку «эмотивность отражает психологическое состояние говорящего» [Гак 1986: 137], тогда как экспрессивность приравнивается к степени интенсивности проявления чувств говорящего. Эмотивность, таким образом, представляет «одно из средств реализации экспрессивности» [Там же], то есть систему синтаксических структур, «закрывающих в себе потенцию эмоциональности» [Турбина 2013: 5].

Рассмотрим подробнее средства реноминации разговорных синтаксических конструкций, отмеченные в проанализированных переводных текстах (см. Приложение 1).

Реноминация путем сегментации структуры предложения представляет частотный способ передачи разговорной стилистики. Принимая во внимание твердофиксированный порядок слов во французском языке, любое отклоняющееся от нормы расположение компонентов предложения несет дополнительную аффективную нагрузку [Шигаревская 1970: 137].

Французскому разговорному синтаксису свойственны простая и сложная (двойная) сегментация. Отметим, что в работах разных ученых данное понятие интерпретируется по-разному в зависимости от положения (препозиции или постпозиции) выделяемого сегмента. А. Блинкенберг трактует антиципацию как препозицию выделяемого сегмента по отношению к глагольной части, а постпозицию – как репризу (цит. по: [Шигаревская 1970: 32]). Другие исследователи, наоборот, понимают под антиципацией постпозицию, а под репризой – препозицию, так как местоимение, указывая на предмет или явление, только повторяет его и не несет в себе лексического значения [Там же: 33]. По терминологии Ш. Балли, антиципация – это прием, когда личные местоимения «предвосхищают или, наоборот, подхватывают тот или иной член предложения» [Балли 2001: 359].

Ф. Брюно использует термин «реприза» для обоих типов сегментации (цит. по: [Шигаревская 1970: 33]). Н.А. Шигаревская относит к сегментации предложения с эмфатическими оборотами «*c'est...qui (que)*», «*ce qui (que)...c'est*» [Шигаревская 1970: 32], а также конструкции с указательными и относительными местоимениями [Там же]. Некоторые исследователи называют их дислокацией или синтаксической избыточностью («*la tournure de dislocation, que les grammairiens appellent parfois «redondance syntaxique»*») [Blanche-Benveniste 2000: 37].

В нашей работе все типы сегментации с использованием местоимений мы будем называть обобщенным термином «местоименные репризы». Например:

...et c'est moi qui paie les pots cassés... [Zochtchenko]

Et le voilà qui commence à se fâcher... [Leskov]

...or c'est moi qui mangeais du fricot et fumais des cigarettes. [Platonov]

В приведенных примерах используются эмфатические обороты «*c'est...qui*»; «*et...voilà qui*», а также относительное придаточное с эмоционально окрашенным противительным значением, построенное по типу «*et + существительное / местоимение + qui / que*» и относящееся к категории «собственно-эмотивных предложений» [Шигаревская 1970: 153]. Кроме того, употребляются устойчивое сочетание *payer les pots casser* (расхлебывать) и ЛЕ *fricot* (еда) с пометами *familier*,

маркирующими «устойчивую эмоциональную окраску слова» [Свиридонова 2010: 3].

C'est de la merde, tes p'tits genoux. [Zochtchenko]

В данном контексте сегментация осуществляется путем препозиции определения. Пример также содержит ЛЕ *merde* (к черту!) с пометой *familier* и синкопу гласной в диминутиве *p'tits genoux*.

К сегментации относятся псевдопридаточные структуры [Дмитриева 2018: 62] или, в терминологии Н.А. Шигаревской, сепаратизированные придаточные предложения, вводимые союзами с усилительным значением [Шигаревская 1970: 150-151];

Puisqu'il est interdit de voyager à l'œil, sans ticket... [Zochtchenko]

В контексте также используется стилистически маркированное устойчивое сочетание *à l'œil* (задаром).

Отметим, что сепарированные придаточные во французском языке представляют собой эмотивные предложения, выступая вторыми репликами диалога, несут аффективный оттенок, выражая реакцию собеседника на предыдущее высказывание [Шигаревская 1970: 152].

Анализ позволил выявить приемы реноминации с помощью разговорных восклицательных конструкций:

Ce qu'elle était superbe ! [Leskov]

Восклицательная конструкция «*ce que*», имеющая словарную помету *familier*, наряду с конструкцией «*qu'est-ce que*» с пометой *très familier*, используется в разговорной речи вместо соответствующих литературной норме восклицательных наречий *comme*, *combien* и местоимения *que* [Grevisse 2016: 553; Шигаревская 1970: 138].

C'est qu'elle est fameusement bonne, la terre là-bas ! [Platonov]

В данном восклицательном предложении с целью усиления аффективности высказывания используется выделительная конструкция «*c'est...que*», а также используется местоименная реприза (*elle, la terre*).

Для передачи разговорной речи в текстах переводов используется такая экспрессивная синтаксическая конструкция, как *парцелляция*, например:

Qu'est-ce que tu me donneras ? Tu auras ton salaire. Je te donnerai un rouble. [Platonov]

Où sont-ils ? Quelle adresse ? Quels bains ? Des bains ordinaires. Ceux à dix kopecks. [Zochtchenko]

Реноминация путем местоименной репризы, тяготеющей к плеоназму, является весьма частотным приемом французской разговорной речи, например:

Elle est forte, cette pièce. [Zochtchenko]

– *Qu'est-ce qu'ils avaient, vos pieds ?* [Leskov]

Des « Baisers », il y en a pour tous les goûts. [Erofeiev]

Seulement notre tristesse à nous, ils ne la comprennent pas... [Erofeiev]

В последнем примере присутствует двойная сегментация: местоименная реприза (*notre tristesse, la*) и усиление притяжательного местоимения постпозиционным тоническим (*notre tristesse à nous*).

En quoi elle est brave, cette femme, derrière son comptoir ? [Erofeiev]

Помимо местоименной репризы (*elle, cette femme*) в данном примере признаком разговорной речи выступает отсутствие инверсии в вопросительном предложении.

Реноминация посредством опущения компонента предложения может осуществляться следующими способами.

а) Опущение подлежащего. Частотными в переводных французских текстах являются случаи реноминации посредством опущения подлежащего *il* в безличных конструкциях, что является маркером разговорной речи [Шигаревская 1970: 124]. Отметим, что М.К. Морен и Н.Н. Тетеревникова относят однокомпонентное отрицание и выпадение безличного *il* к фонетике [Морен 1970: 17], в то время как К.А. Долинин рассматривает их в разделе морфологических вариантов разговорной речи [Долинин 1987: 192], указывая, однако, на возможность отнесения данных феноменов к фонетическим, так как ослабление и выпадение этих двух

компонентов связано с их безударной позицией и информационной избыточностью и характерно для быстрой, небрежной речи [Там же: 192].

Faut comprendre. [Leskov]

Faut que je me sauve. [Zochtchenko]

– *Faut bien vivre pour quelque chose !* [Platonov]

Faudra inventer autre chose. [Zochtchenko]

Faut bien vivre pour quelque chose ! [Platonov]

Faut voir comment je lui ai bâti ça ! [Platonov]

Je répons : – Faut croire que oui. [Leskov]

Зачастую опущение подлежащего *il* сопровождается опущением первого компонента отрицательного или ограничительного оборота – частицы *ne*, например:

...*faut pas démolir la porte.* [Zochtchenko]

– *Y a pas de mal...* [Zochtchenko]

...*y a en pas.* [Zochtchenko]

Y a que le pain maintenant est en vente libre... [Platonov]

Y a pas de quoi rire, je dis. [Zochtchenko]

Puisque, je dis, c'est une conférence, faut le dire. [Zochtchenko]

В последних двух примерах разговорным элементом на уровне синтаксиса также выступает отсутствие инверсии в словах автора (ср. правильное *dis-je*).

Alors ? Y a combien de livres, là ? [Zochtchenko]

В данном контексте помимо опущения подлежащего *il* присутствует усилительная частица *alors*.

б) Опущение первого компонента отрицания частицы *ne*, что связано как с фонетическими особенностями и ритмикой французской фразы, так и с синтаксическими особенностями – наличием двусторонней связи элемента отрицания *pas* как со сказуемым, так и с дополнением [Шигаревская 1970: 46].

Опущение частицы *ne* может иметь место не только в рассмотренных выше безличных конструкциях, ср.:

N'aie pas peur, je vais pas me battre avec toi. [Zochtchenko]

...j'en peux **plus**. *Baissez le rideau*. [Zochtchenko]

C'est rien. [Zochtchenko]

Bon, l'époux de Madame s'est tiré une balle dans la tête. Mais pourquoi cette précipitation et des œufs sans queue ? C'est pas juste ! [Zochtchenko]

В последнем примере помимо опущения первого компонента отрицания *ne* разговорный эмотивный синтаксис выражается парцелляцией.

La locomotive, elle supporte pas un seul grain de poussière... [Platonov]

В данном случае помимо опущения первого компонента отрицания *ne* на уровне синтаксиса элементом разговорной речи выступает местоименная реприза (*la locomotive, elle*).

в) *Эллипс (эллипсис) членов предложения* представляет собой прием разговорной речи, который является достаточно частотным во французском тексте. Встречается он и в нашей выборке, ср.:

Nous autres ? [Platonov]

Используется безглагольное эллиптическое предложение, представляющее собой оборот с пометой *familier*. Ср. также:

Tantôt ils n'arrêtaient pas de sonner et puis maintenant, personne [Zochtchenko].

Le sommeil – sans parasites. [Zochtchenko]

В этом примере использовано опущение сказуемого, что является отклонением от нормативного французского языка.

К эллиптическим конструкциям относят слова-предложения, представляющие собой реплики диалога, куда входят наречия, прилагательные, причастия, междометия, а также предикативы *oui, si, non*, которые могут сопровождаться характерным для разговорной речи приемом повтора [Шигаревская 1970: 154, 164], а также усилительными элементами *ça, que, mais, alors* [Там же: 156-157, 164] и междометиями *ah, oh, eh*, например:

Eh oui ! [Platonov]

В данном случае используется сочетание междометия *eh* с утвердительным предикативом *oui*, что передает эмоциональную окраску, подчеркивающую неожиданный характер содержания высказывания [Шигаревская 1970: 159].

Реноминация с помощью частиц и междометий, являющимися важными функциональными регуляторами речевого взаимодействия. Представляя собой «"речевые рефлексы" — вербальную реакцию говорящего на различные параметры ситуации общения» [Кустова 2008: 56], частицы и междометия «выражают отношения между идеями скорее эмоционально, чем логически» [Балли 2001: 360]. Н.А. Шигаревская относит предложения-междометия к эмотивному синтаксису французского языка [Шигаревская 1970: 136]. Конструкции с частицами к синтаксису также относит Н.Ю. Шведова, так как частицы не вносят в предложение никакого лексического значения, а лишь модальное, проявляющееся при взаимодействии частицы с другими членами предложения, неразрывно связанное с синтаксической формой. Зачастую изъятие частицы ведет к разрушению синтаксического построения [Шведова 2003: 18-21]. Отметим различие категории частиц в русском и французском языках. В русском языке частицы, рассматриваемые вне контекста, лишены всякого лексического значения [Шведова 2003: 97-98], они образуют особый тип слов, вносящих в предложение дополнительные экспрессивные значения. Во французском языке такая часть речи, как собственно частицы, отсутствует, потому стоит говорить о «функциональных частицах» или о «словах в функции частиц», обладающих в определенном лексико-синтаксическом окружении «субъективной модальностью» [Шигаревская 1970: 63]. Термином частицы (*particules*) во французской грамматике обозначаются разнообразные языковые единицы: наречия, союзы, предлоги, функциональные префиксы, междометия, а также короткие слова служебного характера [Там же: 64].

Проиллюстрируем реноминацию с помощью частиц и междометий несколькими примерами:

– *Que non.* [Leskov]

Используется эллиптический отрицательный предикатив с усилительной частицей *que*.

– *personnel technique, quoi.* [Zochtchenko]

В этом примере мы видим использование усилительной частицы *quoi* в постпозиции.

Voyez : la dernière fois, à mon arrivée, on me dit qu'il dort quoi... [Erofeiev]

В данном контексте используется междометие *voyez*, представляющее собой форму глагола *voir* (видеть) и частица *quoi* в постпозиции, использующаяся с целью вызвать участие у собеседника («pour établir une connivence avec l'interlocuteur à propos de l'identification de ce dont il s'agit») [CNRTL].

Приведем еще несколько примеров использования в текстах перевода междометий и частиц с различными модальными значениями:

Et comment donc ! [Platonov]

Используются эмфатическая частица *et* и частица *donc*, выражающая удивление и усиливающая восклицание.

– *Va donc où ça te chante.* [Platonov] (раздражение)

Hélas ! Il m'en coûtait de voler... [Leskov] (сожаление)

– *Soit, pour ne pas te contrarier.* [Leskov] (утверждение с оттенком уступки)

Dis-moi un peu ! (вызов, шутливая угроза)

Разговорно-просторечный характер таких междометий подтверждается словарной пометой *familier*, например:

– *Ben, là-bas...* [Leskov]

– *Ah, zut ! fichus, mes vingt kopecks : c'est Tchepkoun qui aura le dessus.* [Leskov]

– *Dame...c'est sans doute lui qui a eu peur de moi.* [Zochtchenko]

Использование частиц и междометий может выступать как речевая характеристика персонажа. Например, в рассказе М. Зощенко «Les proches» («Родные люди») ответные реплики героя главным образом построены на междометиях:

– *Eh ben, voilà, dit le fils.* / – *Eh bien, vas-y, la mère.* / – *Et voilà.* / – *Ah bon...* [Zochtchenko]

Реноминация посредством разговорной формы указательного местоимения *ça* (ср. французская литературная норма *cela* (это)).

Отмечая высокую частотность этого разговорно-просторечного приема, Н.А. Шигаревская относит к особенностям французского синтаксиса

– использование местоимения *ça* вместо субъектных местоимений третьего лица единственного числа *il / elle* для обозначения не-лица [Шигаревская 1970: 118];

– соотнесение местоимения *ça* с одушевленными лицами, имеющее стилистическую функцию: выражение пренебрежения, уничижения, снисходительности [Там же: 119];

– использование местоимения *ça* в безличных предложениях вместо субъектного местоимения *il* [Там же: 127];

– использование местоимения *ça* вместо указательного местоимения *ce* в сочетании с глаголом *être* [Там же: 128].

В нашем исследовании выделены следующие случаи реноминации посредством местоимения *ça*:

Comment ça continue ? [Zochtchenko]

Ça a l'air très naturel. [Zochtchenko]

– *Pose-ça, dis-je, en arrière !* [Zochtchenko]

– *Où ça ?* [Erofeiev]

... *ça va être gênant.* [Zochtchenko]

Ça ne serait pas l'heure de s'asseoir dans la salle ? [Zochtchenko]

В последнем примере разговорная стилистика контекста отражается через разговорную форму местоимения *cela* вместо *ce*, которое в нормативном французском используется только с глаголом *être*.

Далее приведем примеры, в которых местоимение *ça* заменяет одушевленные объекты:

Ça pue encore le fumier et ça voudrait monter sur une locomotive ! [Platonov]

Местоимение *ça* заменяет подлежащее *il*.

Ça hache et ça coupe, et pour quelle raison... [Platonov]

Ça заменяет подлежащее *ils*.

...*et les femmes, ça aime le temps, parce que c'est craintif.* [Platonov]

Ça заменяет существительное *les femmes*.

Приведем далее контекст, в котором местоимение *ça* заменяет личное субъектное местоимение, номинирующее неодушевленный объект:

Ça peut aussi sonner la nuit... [Zochtchenko]

В данном случае *ça* заменяет местоимение *il* (речь идет о телефоне).

Реноминация с помощью неопределенно-личного местоимения on в значении субъектного личного местоимения первого лица множественного числа *nous* (мы) достаточно частотна в переводном французском тексте и характерна для французской разговорной речи [Шигаревская 1970: 120]. Отметим, что данная особенность некоторыми исследователями относится к морфосинтаксической категории [Скребнев 1975: 96], ср.:

Le jour de la fête de mon épouse on s'est traîné au cinéma, voir un drame... [Zochtchenko]

On est rentré. [Zochtchenko]

Voilà comment on s'est séparé. [Zochtchenko]

Passe, fillette, nous aussi on est à jeun. [Platonov]

В последнем случае в тексте также присутствует местоименная реприза (*on, nous*).

On s'est assis dans le théâtre, on a suivi la fin de l'opéra. Et puis on est rentré. [Zochtchenko]

В этом примере отметим также синтаксический параллелизм и парцелляцию.

Autrefois on vivait sans chichis, en militaires, tandis qu'à présent on joue à la diplomatie... [Leskov]

В данном контексте также присутствуют ЛЕ *chichis*, которое имеет помету *familier*, и метафора *jouer à la diplomatie* (играть в дипломатию).

Отсутствие инверсии в вопросительных конструкциях является маркером разговорной французской речи, а также прямой порядок слов в вопросительном предложении без вопросительного слова [Шигаревская 1970: 73], например:

– *Et vous avez travaillé pour lui ?* [Leskov]

В приведенном примере в вопросительном предложении отсутствует обязательная в литературном французском языке инверсия и используется

разговорный порядок слов по модели «SVO» (подлежащее-сказуемое-дополнение). Кроме того, в начале предложения используется эмфатическая частица *et*.

Où c'est qu'y a des trous ? [Platonov]

Мы видим употребление просторечной формы вопросительной конструкции *c'est qu'y* (ср. нормативный вариант: *est-ce qu'il y a*).

Les ouvriers se mettent à réfléchir : c'est quoi ça ? [Zochtchenko]

C'est quoi, ça, dit-il... [Zochtchenko]

В двух приведенных выше примерах используется разговорная форма оборота *qu'est-ce que c'est que cela ?* (что это такое?).

Отдельно рассмотрим пример с отсутствием инверсии в повествовательном предложении:

Aussi je lui ai donné un petit peu de regain... [Platonov]

В данном случае отсутствует обязательная в нормативном французском инверсия подлежащего после употребления в начале предложения союза *aussi* со значением следствия.

Реноминация путем использования ошибочной формы глагола во вводной конструкции «*c'est*» является характерной для разговорной французской речи, ср.:

...c'était quels bains ? [Zochtchenko]

C'est les anges qui m'y font penser... [Erofeiev]

В переводном тексте используется глагол *être* в форме 3 лица единственного числа, что является маркером разговорной речи, поскольку грамматически правильная форма глагола при именной части сказуемого во множественном числе должна быть также во множественном числе (*c'étaient; ce sont*). Рассогласование глагола *être* в презентативных конструкциях характерно для разговорной сниженной речи (*la langue parlée non soignée*), особенно когда совпадает фонетическая форма глагола в единственном и множественном числе (*c'était / c'étaient*), и часто используется в художественной литературе для воспроизведения особенностей просторечия (*usage populaire*) [Grevisse 2016: 1259].

Отметим также, что наряду со стилистическими средствами других языковых уровней, разговорный синтаксис играет важную роль в социально-речевой

характеристике героев произведений. Например, в переводе рассказа «Режим экономии» М. Зощенко мы встречаем фразу, произносимую уборщицей:

On est pas au salon ! [Zochtchenko]

Маркером разговорной речи выступает опущение первого компонента отрицания *ne*. Затем, в конце произведения, эту же фразу произносит рассказчик:

On n'est pas au salon ! [Zochtchenko]

Как видим, наличие двух компонентов отрицания меняет стилистику высказывания, демонстрируя более высокий уровень рассказчика по отношению к персонажу-уборщице (ср. в оригинале оба раза используется предложение *Ne в гостиной!* [Зощенко]).

Анализ французских текстов, близких по стилистике к текстам сказового жанра, позволяет выявить аналогичные приемы экспрессивного синтаксиса грамматически неправильной устной речи. Приведем в качестве примера следующие отрывки:

«LE LAPIN»:

«– *Faut vé ça.*

– *Faudra voir chez la femme au berqué Severin, dit-il.*

– *Pour l'connaitre, non, je l'connais point, vu que j'l'ai pas vu voler.*

– *Le connaissez-vous, le voleur ?*

– *Oùsqu'il est vot'beurre ?*

– *Mon beurre ?*

– *Oui, vot'beurre.*

– *Mais dans l'pot.*

– *Alors, oùsqu'il est l'pot ?*

– *Qué pot ?*

– *L'pot à beurre, pardi !*

– *Le v'là.*

– *Mais... mais... mais oui». [Maupassant]*

«LA BÊTE A MAIT' BELHOMME»:

«*C'est ben mé qu't'appelles ?*» [Maupassant]

«LES DIMANCHES D'UN BOURGEOIS DE PARIS»:

«**On** y est très bien servi, et **ça** n'est pas cher.

Il faut qu'on sache : tel jour, à telle heure, le gouvernement passera par telle rue.

De cette façon **on** y va et **on** est satisfait.

– **Ça** me gênerait rudement si **ça** mordait.

– **Ça** ne serait peut-être pas digne.

...et ajoutez : Superbe !!! Extraordinaire !!! Délicieux d'exécution !!!»

[Maupassant]

«UN NORMAND»:

«– A n'est pas contente après moi, **voyez-vous**, parce qu'hier je m'suis trouvé dans les quatre-vingt-dix.

Mais les Saints, voyez-vous, ça n'passe jamais. »

Tant qu'j'aurai pas atteint le mètre, y a pas de mal.» [Maupassant]

«L'ANE»:

«– Aie **pas** peur, ma sœur, embarquons-le...

– *Y en a et y en a pas, c'est possible.*» [Maupassant]

«AUX CHAMPS»:

...*c'est pas des choses qu'on d'mande à une mère, ça !*

«**Ah ! mais non !** Ce s'rait abomination.

– *J'vas vous donner ça.*

Les casseroles, voyez-vous, ça tient compagnie !

Ah ben non, pour sûr.» [Maupassant]

«CE COCHON DE MORIN»:

«**Eh bien, voyons, si je vous embrassais, moi, maintenant, qu'est-ce que vous feriez.**» [Maupassant]

«COLAS BREUGNON»:

«– **C'est-y que tu m'attendais ?**

C'est-y que vous voulez rire, ou bien qu'on va-t-en guerre ?» [Rolland]

В приведенных выше примерах из оригинальных французских текстов разговорными элементами на уровне синтаксиса выступают: опущение

подлежащего *il* в безличных конструкциях типа *il faut / il y a*, опущение первого компонента отрицания частицы *ne*, сегментация, эллиптические реплики в диалогической речи героев, отсутствие инверсии в вопросительных предложениях, частицы и междометия, безличное местоимение *on* в значении *nous*, выделительные конструкции и разговорные вопросительные конструкции, использование разговорной формы местоимения *cela*, использование местоимения *ça* вместо указательного местоимения *ce* с глаголом *être*, использование местоимения *ça* вместо субъектных местоимений для обозначения не-лица, соотнесение местоимения *ça* с одушевленными лицами, рассогласование глагола *être* с именной частью сказуемого, эмотивные восклицательные предложения.

Таким образом, проанализированные примеры из переводных текстов демонстрируют, что реноминация разговорно-просторечных синтаксических конструкций осуществляется средствами французского языка, типичными для французских текстов, сопоставимых по стилистике с жанром «сказ».

Вместе с тем, не отмечены способы реноминации с использованием так называемых собственно-эмотивных конструкций, которые не имеют «нейтральных» структурных эквивалентов [Шигаревская 1970: 136, 153]. Это конструкции с глаголами *parler* и *penser* в настоящем времени во втором лице с прямым порядком слов или с инверсией, передающие эмоциональное отрицание или экспрессивное утверждение [Шигаревская 1970: 146]; конструкции с предлогом *de* в сочетании с существительным или прилагательным с неопределенным артиклем (*être d'un / d'une...*) [Шигаревская 1970: 143]. Представляется, что причины этого обусловлены не столько жанрово-стилистическими особенностями сказовых текстов, сколько предпочтениями переводчиков.

2.4 Лексические средства реноминации разговорно-просторечных единиц

Рассмотрим реноминацию во французском переводном тексте посредством лексических единиц (см. Приложение 1). Как показывает анализ, большинство из

использованных в переводном тексте ЛЕ имеют высокую степень экспрессивности, которая проявляется уже на уровне словаря в наличии у ЛЕ соответствующих стилистических помет (*familier, populaire, péjoratif, régional* и др.). При этом мы принимаем во внимание, что некоторые ЛЕ в одних словарях даются без стилистических и функциональных помет, тогда как в других данные ЛЕ маркированы, например:

*C'est qu'elles sont **bigotes** !* [Platonov]

ЛЕ *bigot* (ханжа) дается без помет с словарях «Larousse» и «Le dico Robert en ligne», тогда как в словаре «CNRTL» данная ЛЕ сопровождается пометой *péjoratif*.

Мы также учитываем, что в разных словарях одна и та же ЛЕ сопровождается разными функционально-стилистическими пометами, например:

*Alors tous les Tartares qui assistaient à ce marché se mettent à **vociférer**, à baragouiner dans leur jargon.* [Leskov]

ЛЕ *vociférer* (вопить) сопровождается пометой *familier* в словаре «Le dico Robert en ligne» и пометой *vieilli* в словаре «CNRTL».

В процессе анализа были выявлены следующие случаи реноминации.

а) Реноминация с помощью ЛЕ, сопровождающихся в словарях пометой *familier* (разговорное). Например:

– ***Pardi**, tu ne peux pas savoir.* [Leskov]

В этом примере используется междометие *pardi* (ещё бы!; чёрт возьми!) с пометой *familier*.

Ср. также другие примеры, содержащие ЛЕ с этой же пометой:

*...les **types se marrent**.* [Zochtchenko]

ЛЕ *type* (тип, субъект) с пометой *familier*, глагол *se marrer* (смеяться) с пометой *familier*.

*...et on le mit au **violon**.* [Zochtchenko]

ЛЕ *violon* с пометой *familier* (тюрьма, полицейский участок).

*... d'où vient que je sois plus triste que tous les **noceurs réunis** ?* [Erofeiev]

ЛЕ *noceur* (кутила, гуляка).

*...c'est n'importe quel mélange **fifty-fifty**...* [Erofeiev]

Используется англицизм *fifty-fifty* (пятьдесят на пятьдесят), который дается во французском словаре с пометой *familier*.

Et la péronnelle... [Leskov]

ЛЕ *péronnelle* с пометой *familier* (глупая болтунья).

Buvez un peu plus mollo. [Zochtchenko]

ЛЕ *mollo* с пометой *familier* (потихоньку, осторожно).

...le premier marmot venu sait cela. [Erofeiev]

ЛЕ *marmot* с пометой *familier* (мальчуган).

Et là elle me flanqua un gnon sur la joue gauche ! [Erofeiev]

ЛЕ *gnon* (оплеуха) с пометой *familier*.

– *Que veux-tu, fiston...* [Zochtchenko]

ЛЕ *fiston* (сынок, сынишка) с пометой *familier*.

б) Реноминация с помощью ЛЕ, которые сопровождаются во французском словаре пометой *populaire* (просторечное).

Как уже отмечалось, в различных словарях одна и та же лексема может сопровождаться различными стилистическими маркерами. Тем не менее было отмечено, что в словаре «Le dico Robert en ligne» составители предпочитают использовать помету *familier* или *très familier* для единиц, которые в других словарях, например, «Larousse» и «CNRTL» даются с пометой *populaire* (Ср.: ЛЕ *gueuler: familier* – «Le dico Robert en ligne», *populaire* – «Larousse», «CNRTL»).
Нами выделены следующие примеры с подобными ЛЕ:

Là, les loufiats ont commencé à harceler... [Zochtchenko]

ЛЕ *loufiat* (официант, побегушка) дается с пометой *populaire* во всех трех словарях [Le dico Robert en ligne, Larousse, CNRTL].

On a presque arraché la dernière cafetière... [Zochtchenko]

ЛЕ *cafetière* (башка) дается с пометой *populaire* в словаре «Larousse», с пометой *argotique* в словаре «CNRTL» и с пометой *familier* в словаре «Le dico Robert en ligne».

в) Реноминация с помощью ЛЕ, которые сопровождаются во французском словаре пометой *régional* (областное).

В ходе анализа в переводном тексте были выделены единичные примеры, содержащие ЛЕ с пометой *régional*.

Ici, qui dit boue, dit paix, une fois la route ressuyée, la guerre recommence ! [Platonov]

ЛЕ *ressuyer* (высохнуть) с пометой *vieux ou régional*.

Pour sûr, que j'me rappelle... [Erofeiev]

Устойчивое сочетание *pour sûr* с пометой *vieilli, régional ou populaire*.

з) Реноминация с помощью ЛЕ, которые сопровождаются во французском словаре пометой *argotique* (арго).

Nous, on tape le carton depuis ce matin ! [Zochtchenko]

ЛЕ *carton* (игральная карта), входящая в состав ФЕ *taper le carton* (резаться в карты), дается в словаре «CNRTL» с пометой *arg. et pop.* и относится к категории *argot commun*, элементы которого используются носителями языка независимо от их принадлежности к определенной социальной группе («qui est pratiqué, indépendamment de toute appartenance à un groupe social») [François 1975: 7]. В художественной литературе *argot commun* наряду с другими элементами «сниженного» языка используются в стилистических целях.

Случаи употребления ЛЕ с пометой *argotique* являются единичными в нашем материале, поскольку употребление арго в художественной литературе как кодированного языка общения преступников («langage cryptique des malfaiteurs») [Le Nouveau Petit Robert 2002: 118] свойственно литературе детективного жанра [François 1975: 15] (хотя арго достаточно редко употребляется в литературе вообще [ibid.: 25]). В сказовой литературе, героем которой является представитель простого народа (*peuple*), а не представитель криминальной среды (*pègre*), используется *langue populaire / familière*, а не *argotique*.

д) Реноминация с помощью ЛЕ, которые сопровождаются в словаре несколькими пометами и отличаются, следовательно, наиболее высокой степенью экспрессивности, например:

... et baragouinaient entre eux dans un charabia incompréhensible. [Leskov]

Существительное *charabia* (тарабарщина) с пометами *vх, pop., péj.* (устар., простор., уничижит.) в словаре «CNRTL» и с пометой *familier* в словаре «Le dico Robert en ligne» и глагол *baragouiner* (плохо говорить на каком-либо языке, говорить ломаным языком) дается без помет в словаре «Le dico Robert en ligne» и с пометой *gén. péj.* (в основном уничижительно) в словаре «CNRTL».

...*c'est un **cossard*** [Platonov]

ЛЕ *cossard* (лодырь) дается с пометами *familier, vieilli.*

*Ils n'étaient pas mécontents de **jaboter**...* [Platonov]

ЛЕ *jaboter* (болтать, судачить) приводится в словаре с пометами *familier, vieilli.*

Стилистически маркированные ЛЕ, участвующие в процессе реноминации во французском переводном тексте, являются типичными для французских текстов, близких по стилистике к сказовому жанру. Об этом свидетельствуют контексты из произведений французских авторов, в которых используются разговорно-просторечные лексические единицы.

«UN NORMAND»:

«*J'aime bien à n'point m'éloigner du **fricot**.*

Gueule plus ; j'suis dans les quatre-vingt-dix

*Te voilà, **salaud, cochon, bougre d'ivrogne !**»* [Maupassant]

«AUX CHAMPS»:

«– ***Manants, va !**»* [Maupassant]

«COLAS BREUGNON»:

«– *Je viens ; et **cestuy-là, Gueurlu aussi viendra.***

*Puis, au fond, mon œil vagabond dénicha Perrin le Queux, en **biaude bleue, raide empesée**...*

Aga, Glodie, aga Margot l'agasse, avec son gilet blanc sur le bord de son nid...

– ***Faquins ! Je sers Dieu, non pas vous...**»* [Rolland]

«L'ANE»:

«– *C'est possible, mais pas pour toi, t'es trop **chien**».* [Maupassant]

«LE VIEUX»:

«*Les gens de journée loués pour le repiquage des cossards vinrent en groupe considérer l'ancien qui tardait à s'en aller*» [Maupassant]

В приведенных выше примерах мы видим использование лексических единиц, которые сопровождаются во французских словарях пометами *familier, populaire, vieilli, péjoratif, injurieux, régional*.

Таким образом, на лексическом уровне в переводных текстах отмечается тенденция стилизации речи персонажей путем ее социальной маркированности, то есть использования лексических средств, типичных для французской разговорной речи и просторечия. Благодаря разнообразию маркированной лексики в тексте перевода сохраняется характерная для сказового нарратива стилистическая полифония.

2.5 Идиоматические средства реноминации разговорно-просторечных единиц

Под идиоматическими единицами в данном исследовании мы понимаем фразеологизмы, поговорки и крылатые выражения, то есть единицы, обладающие фразеологическим значением. Некоторые исследователи к идиоматическим единицам относят также производные слова, как комплексные знаки, обладающие «фразеологичностью значения» [Полянчук 2020].

Экспрессивно-образные сочетания слов используются в художественных текстах с целью отражения нравственных ценностей, религиозных воззрений, материального быта и многовекового опыта. Устойчивые сочетания гораздо «лучше, чем отдельно взятые слова, показывают своеобразие народного менталитета, дух народа, его мировидение и мировосприятие» [Алефиренко 2018: 9]. Функционируя как яркие экспрессивы социально-речевой характеристики персонажей – представителей простого народа, фразеологические образования и поговорки передают национальную самобытность, создавая особый колорит и художественную образность произведения, выступая как репрезентаты этнической картины мира, детерминированной совокупностью этнических констант, ценностей

и стереотипов, репрезентируемых в речевой деятельности [Пищальникова 2020: 10].

Фразеологизмы делятся по функционально-стилистической окраске на нейтральные, книжные и разговорные, сопровождаясь соответствующими пометами в словарях [Кравцов 2008: 21]. Что касается пословиц и поговорок, то будучи характерными для разговорной живой речи, они зачастую могут включать в свой состав разговорно-просторечные единицы разных языковых уровней.

Крылатые выражения, выступая как стилистическое средство в художественном тексте, представляют собой «устойчивые, афористические, обычно образные выражения, вошедшие в речевое употребление из определённого фольклорного, литературного, публицистического или научного источника, а также изречения выдающихся исторических деятелей, получившие широкое распространение» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990].

Крылатые слова занимают особое положение среди идиоматических выражений, с одной стороны, будучи воспроизводимыми и устойчивыми, они схожи с фразеологизмами, с другой стороны, предикативная грамматическая структура роднит их с пословицами. Крылатые выражения, однако, не обладают характерной для пословиц функцией «нравоучения» и имеют индивидуально-авторское происхождение. Несмотря на то, что крылатые выражения не делятся на функционально-стилистические категории, применительно к нашему материалу они выступают как элементы разговорной речи персонажей, что позволяет их рассматривать в данном исследовании наравне с другими разговорно-просторечными единицами.

2.5.1 Особенности реноминации фразеологизмов

В процессе анализа мы принимаем во внимание, что в лингвистике существует две фразеологические концепции. Одна предполагает узкое понимание объекта изучения фразеологии как семантически преобразованных устойчивых сочетаний, соотносимых со словом [Жуков 2006; Сидоренко 1987; Телия 1996; Бабкин 1977]. Вторая – широкое понимание фразеологизмов как сочетаний,

соотносимых не только со словом, но и с предложением [Кунин 1996; Ларин 1977; Шанский 1996; Райхштейн 1981].

Под фразеологическими единицами (далее ФЕ. – Е.Л.), а также фразеологизмами, устойчивыми сочетаниями и выражениями мы будем понимать относительно устойчивые, воспроизводимые в речи, отдельно оформленные, содержащие хотя бы один переосмысленный компонент языкового знака, обладающие целостным (или частично целостным) значением сочетания слов [Кравцов 2014: 12]. Исходя из данного определения, объектом анализа выступают только фразеологические сращения, единства и сочетания, содержащие разговорно-просторечные элементы разных языковых уровней. Анализ реноминации паремий будет представлен в следующем разделе, анализ крылатых выражений будет представлен в разделе 2.8.

По мнению исследователей, отличия просторечного и литературного языков проявляются в первую очередь на фразеологическом уровне, а на морфологическом уровне, наоборот, отличия представляют собой единичные случаи [Дьячок 2003], поскольку «свойственная разговорной речи страсть преувеличивать, как и следовало ожидать, порождает множество идиоматических выражений» [Балли 2001: 337]. Кроме того, «носители некодифицированных форм языка (жаргонов, диалектов) более склонны использовать фразеологизмы (фактически речевые клише), чем носители литературного языка» [Дьячок 2003].

В ходе анализа были выделены следующие средства реноминации ФЕ во французских переводных текстах.

а) Реноминация с помощью устойчивых сочетаний французского языка с пометами *familier, populaire, vieilli, régional* отмечена в следующих примерах:

Sans vous nous n'aurions pas deviné la façon de nous caler les joues ! [Platonov]

Устойчивое сочетание *se caler les joues* (уплетать за обе щеки) сопровождается в словаре пометой *populaire*.

...vous commencerez par en mettre plein la vue au maréchal de la noblesse... [Leskov]

Используется устойчивое сочетание *en mettre plein la vue* (впечатлить) со словарной пометой *familier*. Ср. также:

Voyant que l'accident tournait au vinaigre... [Zochtchenko]

Tourner au vinaigre (принимать плохой оборот).

...encore heureux qu'il n'y eût plus un chat ! [Erofeiev]

Il n'y eût plus un chat (нет ни души).

Mais pour l'instant, on a d'autres chats à fouetter. [Erofeiev]

Avoir d'autres chats à fouetter (иметь дела поважнее, своих дел по горло).

...ou je tombe dans les pommes. [Erofeiev]

Tomber dans les pommes (упасть в обморок).

...ne t'avise pas d'aller courir à droite et à gauche... [Erofeiev]

Courir à droite et à gauche (бегать, где попало).

– *C'est une autre paire de manches !* [Platonov]

Une autre paire de manches (это совсем другое дело).

Qu'est-ce que tu as à faire cette gueule ? [Platonov]

Faire la gueule (быть недовольным, в плохом настроении).

On se fait plutôt du mauvais sang. [Zochtchenko]

Se faire du mauvais sang (огорчаться).

Пометой *familier* отмечены в словаре и другие сочетания, например, *à l'œil* (за спасибо), *par pif* (с носа), *il y a lurette* (давненько), *bayer aux corneilles* (зазеваться), *mettre le paquet* (сделать все возможное), *pour des prunes* (за гроши), *une tête à claques* (мерзкий тип), *sans rime ni raison* (бессмысленно),

Некоторые сочетания имеют в словаре и другие пометы, например:

– *Laissez tomber vos trucs à la con.* [Zochtchenko]

À la con (дурацкий) дается в словаре с пометами *vulgaire / péjoratif*.

A jurer comme un charretier ? [Erofeiev]

Jurer comme un charretier (ругаться как ломовой извозчик) с пометой *péjoratif*.

Une fille au poil, dis-je. [Zochtchenko]

Au poil (то, что надо) сопровождается в словаре пометами *populaire / familier*.

– *Pour sûr que oui...* [Zochtchenko]

Pour sûr (конечно, разумеется) сопровождается пометами *vieilli, régional* или *populaire*.

Рассмотрим далее реноминацию ФЕ с вариативностью компонентов, которая демонстрирует относительную устойчивость ФЕ, подтверждающуюся тем, что «в рамках узуального употребления, закреплённого во фразеологическом словаре, возможны их модификации, прежде всего лексические» [Кравцов 2014: 13]. Ср.:

Tu te fous de tout comme de ta première chemise. [Zochtchenko]

Здесь использовано устойчивое сочетание, имеющее несколько стилистико-функциональных вариаций: *se moquer, se soucier, se ficher, se foutre de qqch. (ou de qqn) comme de sa première chemise* (быть до фонаря). В тексте употреблен вариант ФЕ с глаголом *se foutre* с пометой *vulgaire*. Приведем еще один пример:

Et il vivait tout à fait comme les derniers chiens. [Zochtchenko]

В данном примере при характеристике злоупотребляющего спиртными напитками персонажа используется измененная ФЕ *vivre comme un chien* (вести разгульную жизнь, погрязнуть в разврате), которая передает отрицательную оценочность.

Стоит отметить, что наряду со стилистически маркированными устойчивыми сочетаниями во французском тексте использованы и стилистически нейтральные (немаркированные) ФЕ.

б) Реноминация с помощью немаркированных устойчивых сочетаний выявлена в следующих примерах:

...et chacun tuait le temps à sa façon... [Erofeiev]

Tuer le temps (убивать время).

Je sais parfaitement que vous voulez m'attraper par surprise [Zochtchenko].

Attraper par surprise (застать врасплох).

Sitôt dit, sitôt fait. [Zochtchenko]

Sitôt dit, sitôt fait (сказано – сделано).

– ***Apparemment qu'elle n'est pas rose.*** [Leskov]

La vie n'est pas rose (жизнь – не сахар).

Bon, il l'a avalé, c'est tout. [Zochtchenko]

В последнем примере категоричность заявления передается через устойчивое сочетание *c'est tout* (вот и всё), а также используется синтаксическая сегментация.

Кроме перечисленных выше, в переводных текстах встречаются следующие ФЕ, не имеющие в словарях специальных помет: *voir de ses yeux* (видеть собственными глазами), *à volonté* (вволю), *de bonne grâce* (любезно), *gagner sa vie* (зарабатывать на жизнь), *un petit peu* (чуть), *avoir le bras long* (иметь влияние), *pour rien* (напрасно), *un point c'est tout* (и точка!), *rire au nez* (рассмеяться в лицо), *fixer les yeux* (пристально смотреть), *faire un saut* (забежать к кому-либо).

Выделенные выше особенности использования устойчивых сочетаний характерны и для оригинальных французских текстов, близких по стилистике к жанру сказа. Приведем несколько примеров из французских текстов, содержащих ФЕ.

«COLAS BREUGNON»:

«*Ils font un saut de carpe.*

– *Je vous donne ma recette pour rien...*

Tous les braves ont pris les jambes à leur cou.

Enfin, nous arrivâmes (l'on finit toujours par arriver), comme la moutarde après dîner.

Puis, de fil en aiguille, voilà que l'on babille,

Mais les gens, sans pitié, me riaient tous au nez.

Je lui lançai mon bonnet, je criai : – Foutez-moi le camp !

Pourquoi le vin ne ferait-il semblablement le va-et-vient entre la terre et notre sang.

– *Bien, mon Colas, disais-je, tu l'as échappé belle !*» [Rolland]

«CE COCHON DE MORIN»:

«*Elle rit plus fort, toutes les dents au vent.*» [Maupassant]

«LES DIMANCHES D'UN BOURGEOIS DE PARIS»:

«– *Nom d'un petit bonhomme ! Quel garde-manger !...*» [Maupassant]

«UN NORMAND»:

«*Nom d'un tonnerre, ça s'peut bien !...*» [Maupassant]

«L'ANE»:

«– *Chacun son coup, ma vieilli...*» [Maupassant]

В приведенных выше контекстах писатели используют маркированные и стилистически нейтральные, узуальные и авторские ФЕ.

Таким образом, при передаче ФЕ во французских переводных текстах используются преимущественно собственные фразеологические средства. Реноминация осуществляется как с помощью стилистически маркированных устойчивых выражений, так и посредством стилистически нейтральных.

2.5.2 Особенности реноминации паремий

Будучи способными «к воссозданию круга наиболее важных для народной культуры понятий» [Алефиренко 2018: 270], паремии используются в текстах сказового жанра для придания стилистической образности тексту и передачи национально-культурного колорита.

В современной лингвистике открытым продолжает оставаться вопрос как о статусе самой паремии, так и о науке паремиологии. Дискуссионными представляются критерии разграничения паремий, афоризмов, притч и фразеологизмов, с которыми паремии соотносятся по ряду признаков. В.М. Мокиенко, в частности, указывает на то, что паремии являются источником фразеологии (цит. по: [Алефиренко 2018: 241]). Одни исследователи, разделяющие широкие взгляды на фразеологию, причисляют паремии к фразеологизмам [Виноградов 1977; Кунин 1996; Ларин 1977; Шанский 1996], другие выносят их в отдельную категорию [Алефиренко 2018; Кравцов 2014; Амосова 2010; Жуков 2006; Мокиенко 2011; Пермьяков 1988; Тарланов 1999].

В нашем исследовании мы разделяем второй подход, относя фразеологизмы и паремии к разным категориям, так как каждая из них обладает своим уникальным набором функциональных особенностей, а также структурных и семантических характеристик [Алефиренко 2018: 243].

Не менее спорным является вопрос о различении самих пословиц и поговорок. В нашем исследовании мы будем опираться на следующие

определения: пословица представляет собой «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; [...] выражает суждение» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990], не зависящее от внешнего контекста и обладающее подтекстом [Алефиренко 2018: 248]. Поговорка же, в отличие от пословицы, имеет «только буквальный план» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990], то есть «не обладает семантической независимостью от внешнего контекста» и служит для украшения и разнообразия речи [Алефиренко 2018: 249].

Необходимо отметить, что во французских толковых словарях, в частности в «CNRTL», «Larousse», «Littré» и «Le dico Robert en ligne» [CNRTL, Larousse, Littré, Le dico Robert en ligne], слово *parémie* не фигурирует, хотя нам удалось его найти в других источниках, например, в некоторых статьях [Anscombe 2000; Wozniak 2010; Muñoz 1992] и в электронном словаре «Cordial», который дает понятию «*parémie*» следующее определение: законченное высказывание, как поговорка, аксиома, изречение (максима) («*énoncé plein, comme un proverbe, un axiome, un adage*») [Cordial]. Вместо термина *паремия* во французском языке принято использовать понятие *proverbe*, которое сочетает в себе признаки пословиц и поговорок, – это истина, полученная через опыт, мудрый практичный народный совет для всех социальных групп, выраженный в лаконичной, образной форме («*vérité d'expérience, ou conseil de sagesse pratique et populaire, commun à tout un groupe social, exprimé en une formule elliptique généralement imagée et figurée*») [Le dico Robert en ligne]. Во французской лингвистике есть также термин «*dicton*», обозначающий народную мудрость, выраженную в образной форме и принявшую форму поговорки в том или ином регионе («*sentence exprimant une vérité d'expérience sous une forme imagée, généralement d'origine populaire, et passée en proverbe dans une région donnée*») [CNRTL]. Таким образом, из-за различия терминологии в русской и французской лингвистике в нашем исследовании при анализе пословиц и поговорок применительно к тексту перевода мы будем использовать термин *паремия*, сочетающий в себе обе категории.

Поскольку все паремии являются стилистически маркированными единицами, характерными для разговорной речи, мы рассмотрим реноминацию двух групп паремий, выделенных в нашем материале: индивидуально-авторских, или окказиональных, и зафиксированных словарями, или узуальных.

Согласно Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, «в лексическом фонде любого языка очень легко найти эквиваленты для пословиц другого языка, так как открытия «мудрости народов» повсюду одинаковы» («it is normally easy to find a matching equivalent proverb because the «sagesse des nations» has made the same observations everywhere» [Vinay 1995: 275].

Наш анализ подтверждает вышесказанное: из общего числа проанализированных единиц в большинстве случаев переводчики использовали «свои» французские паремии, или устойчивые сочетания, для передачи русских пословиц и поговорок.

а) Способы реноминации окказиональных паремий.

Juste de quoi manger et puis ceinture jusqu'à la prochaine. [Platonov]

«Свое» измененное устойчивое сочетание *se mettre, se serrer la ceinture* (надеть, затянуть пояс, в значении не есть досыта, лишать себя основных благ) с пометой *fig. et populaire* реноминирует авторскую поговорку (ср. в оригинале: *Поел – и рот завязал.* [Платонов]).

– *L'homme n'en fait qu'à sa tête, si on ne la lui coupe pas, manifesta Pioussia.* [Platonov]

«Свое» устойчивое сочетание *n'en faire qu'à sa tête* (думать своей головой, решать по-своему) с пометой *familier*, которое имеет во французском языке преимущественно отрицательную коннотацию (словарь дает в качестве дефиниции глагол *désoibéir* (не повиноваться, послушаться) и выражение *être entêté* (быть упрямым) [Langue française] и выражение *couper le tête* (отрубить голову, в значении убить) реноминируют авторскую паремию (ср. в оригинале: – *Пока человека не кончишь, он живет дуром...* [Платонов]).

б) Способы реноминации узуальных паремий.

Ma foi, un essai ne coûte rien, Mitri Ivanovitch. [Platonov]

Как видим, реноминация осуществлена с помощью «своего» устойчивого выражения, которое во французском языке входит в состав некоторых паремий, например, *la politesse ne coûte rien et achète tout* (досл.: вежливость ничего не стоит, но может купить многое) (ср. в оригинале: *Что ж, испыток не убыток...* [Платонов]). Кроме того, в тексте перевода реноминируется разговорный элемент фразеологического уровня: устойчивое выражение *ma foi* (право же, честное слово) с пометой *familier*. Приведем еще пример:

...mais qui se fait brebis, le loup le mange. [Leskov]

В приведенном примере «своя» французская паремия реноминирует русскую поговорку (ср. в оригинале: *...однако, видно, назвавшись груздем, полезешь и в кузов...* [Лесков]). В процессе реноминации переводчику удалось сохранить художественно-стилистическую окраску подлинника, адаптировав «чужую» лингвокультурную реалию под «свою».

Рассмотрим далее пример, в котором узуальная паремия сопровождается авторскими окказионализмами:

Assez pêché en eau trouble ! En chasse, maintenant. [Erofeiev]

В данном контексте реноминация осуществляется с помощью «своей» французской, идентичной по семантике тексту оригинала паремией *pêcher en eau trouble* (ловить рыбку в мутной воде). Окказионализм *en chasse, maintenant* (досл.: теперь на охоту) реноминирует окказионализм текста оригинала *пора ловить человекoв*. Ошибочное употребление ЛЕ *человекoв* во множественном числе находит отражение в другом месте контекста в тексте перевода: эллиптическая конструкция, представленная опущением вспомогательного глагола и местоимения *on* (ср. правильное *on a assez pêché*).

Следует также отметить свойственную паремиям вариативность, то есть изменение слов, входящих в их состав, или же опущение / замену одной из частей, объясняющуюся тем, что паремия, представляя явление живого народного языка, «додумывается» и «досоздается» постоянно [Алефиренко 2018: 294]. Деформация пословиц используется в игровых, пародийных целях, подчиняясь художественной

и эстетической задаче писателя, что нашло свое отражение и в текстах французских переводов, например:

...deux têtes ne pensent pas toujours mieux qu'une. [Platonov]

В данном контексте «своя», подвергнутая лексической трансформации, паремия *deux têtes valent mieux qu'une* (досл.: две головы стоят больше, чем одна), реноминирует лексически измененную пословицу текста оригинала (*...один ум хорошо, а второй лишний.* [Платонов]).

Кроме того, паремия может быть подвергнута усечению. Принимая во внимание устойчивый характер пословицы и знакомство с ней читателя, последний таким образом оказывается вовлечен в расшифровку и восстановление первоначального варианта паремии [Балляр 2009: 51], например:

Tout leur est pain bénit... [Erofeiev]

Элементы «своей» паремии *c'est pain béni* (досл.: святой (освященный) хлеб) реноминируют часть пословицы текста оригинала (ср.: *Им все божья роса...* [Ерофеев]), которая, в свою очередь, имеет несколько лексических вариантов.

Аналогичные примеры употребления паремий отмечаются и во французской литературе. Наиболее репрезентативным в плане паремиологии является произведение Р. Роллана «Кола Брюньон». В тексте содержатся как узуальные паремии, так и авторские, передающие посредством лаконичных высказываний житейскую мудрость простого народа.

«Qui bon vin boit, Dieu voit.

Celui est bien mon oncle qui le ventre me comble.

Conclusion : tout est bon, les loups et les moutons.

Œil un autre œil voit, et non soi.

En l'absence du seigneur, se connaît le serviteur.

Les jeux des princes plaisent à ceux-là qui les font...

– Petite brebiette toujours semble jeunette.

Ce qui est grief à supporter est, après, doux à raconter.

À la fraise on connaît la bête.

Enfants sont richesse de pauvres gens.

Il ne faut pas, monsieur, péter plus haut que son cul.

Le mal s'en va-t-à pied, mais il vient à cheval.

On crie toujours le loup plus grand qu'il n'est.

– Les murs ont des oreilles.

Aide-toi, le roi t'aidera». [Rolland]

Подводя итог анализу паремий, отметим, что, так как по своей природе паремия является не «индивидуальным речевым актом, а цитированием коллективного высказывания» [Балляр 2009: 43], представляет собой часть «коллективной памяти языкового сообщества» [ibid.: 39], обобщает совокупность «коллективного знания» [ibid.: 41], то для сохранения функций паремии оправданным выглядит использование в процессе реноминации выражений, типичных для коллектива принимающей культуры. Такой прием снимает непонимание читателя, столкнувшегося бы в случае прямого перевода с экзотичным для него словоупотреблением. Особенно это значимо для переводов текстов сказового жанра, богатых фольклорными образованиями.

В проанализированном материале «свои» паремии и устойчивые сочетания использовались в основном при передаче узуальных паремий, за счет чего достигается лингвокультурная адаптация к художественно-эстетической действительности переводного текста.

2.6 Стилистические средства реноминации разговорно-просторечных единиц (тропы и фигуры)

Под фигурами или приемами выразительной речи будем понимать «акт использования (например, повтор) или образования (например, поэтическая этимология, прономинация) номинативной единицы в целях усиления выразительности речи» [Москвин 2007]. Под тропом мы понимаем стилистическое средство, определяющееся через три составляющих: «1) знаковость (троп – это номинативная единица); 2) двуплановость (семантический критерий); 3) декоративность (функциональный критерий, предполагающий ограничение сферы использования тропов художественной речью [...])» [Москвин 2007].

Анализ реноминации стилистических приемов и средств на материале художественных текстов представляет особый интерес, так как именно на стилистическом уровне «произведение переходит из одного языка в другой в качестве однородного образования. Именно стиль представляет структурное единство литературных коммуникатов» [Попович 1980: 93]. Применительно к нашему исследованию реноминации разговорно-просторечных единиц отметим, что «[...] **абсолютно все выразительные приёмы и средства по своему назначению напрямую связаны либо с выполнением, либо с нарочитым несоблюдением требований к речи**, что делает возможной функциональную классификацию [...]» [Москвин 2007]. (Курсив и выделение Москвина В.П. – Е.Л.).

Для разговорной речи характерны следующие виды средств и приемов выразительности: бытовые эвфемизмы, которым свойственно «ограничение кругом представлений из области физиологии и анатомии человека», а также употребительность «по преимуществу в разговорной речи» [Ларин 1977: 113]; разговорные метафоры и синекдохи; различного рода повторы, использующиеся для подчеркивания нарочито однообразной речи; фигуры краткой речи (эллипс, зевгма) и неполной речи (апозиопеса); фигуры алогичной речи (оксюморон и каламбурная зевгма, силлепс); приемы нарочито неправдоподобной речи (гипербола и литота) [Москвин 2007].

На основе выделенных примеров (см. Приложение 1), были выявлены следующие приемы реноминации средств выразительности.

Метафора:

– *Tu es en jachère, Maria Dmitrievna ?* [Platonov]

В данном контексте используется метафора, характеризующая небеременную женщину, выраженная через сельскохозяйственный термин *en jachère* – оставаться незасеянным (о земле), под паром.

Pogankine lui aussi craignait Varia, car ses cuillerées se firent plus claires [Platonov].

В приведенном примере используется метафора *ses cuillerées se firent plus claires* (содержимое ложки стало жиже).

– *Le vrai fond de bouteille !* [Zochtchenko]

Используется метафора *fond de bouteille* (доньшко бутылки) для описания безвыходности положения.

Метонимия:

...je n'ai pas regardé ta pellicule. [Zochtchenko]

В приведенном примере используется метонимия *regarder la pellicule* (смотреть кино).

Je me tournai vers le gilet à moustaches. [Erofeiev]

С помощью метонимии *le gilet à moustaches* (жакетка с черными усами) автор описывает одетого в жакетку усатого мужчину.

Синекдоха:

On va bientôt nous emmener dans les villages, pour apprendre à lire à l'enfance... [Platonov]

Combien de feux y a-t-il dans le village ? [Platonov]

В приведенных выше примерах в тексте перевода отмечаем использование синекдохи *apprendre à l'enfance* (учить детство) и *feux* (огни, в значении дома).

Тавтология:

Je suis un proche parent de sang. [Zochtchenko]

Используется тавтология *proche parent de sang* (ближайший кровный родственник).

Анафора:

...tous les deux le même gilet, le même béret brun, la même moustache... [Erofeiev]

В данном примере анафора *le même* (тот же самый) усиливает экспрессивность высказывания героя. С этой же целью используются и другие реноминативные стилистические средства, в том числе:

Энифора:

Je ne pouvais tout de même pas aller à Pétouchki sans bonbon. Pas question d'aller à Pétouchki sans bonbon. [Erofeiev]

Плеоназм:

La semaine, après le travail, il mangeait et il bouffait. [Zochtchenko]

Manger et bouffer (есть и жрать).

...car la chambrette n'est pas grande... [Zochtchenko]

В данном примере плеоназм выражен посредством уменьшительного суффикса в ЛЕ *chambrette* (комнатушка), а также прилагательного *n'est pas grande* (небольшая).

Лексический повтор:

– *Souviens-toi, souviens-toi, mon nom, c'est Sotykh.* [Platonov]

Лексический каламбур:

«*Je vous remercie, mon très peu cher, d'avoir eu le courage de me résister*». [Leskov]

Très peu cher (премного-малозначащий).

Катахреза:

...et le gamin, écrasé de chagrin, en cligna même des deux aisselles à la fois. [Erofeiev]

Cet homme dépérissait littéralement et personnellement. [Zochtchenko]

В приведенных выше примерах используется катахреза – «тропеическое сочетание в одной синтагме двух или нескольких несовместимых, но не контрастных слов» [Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка... 2009: 153]: *cligner des deux aisselles* (моргать подмышками), *dépérir littéralement et personnellement* (пропадать буквально и персонально).

Импоссибилия:

Et même ma mémé sourde-muette me criait depuis ses fourneaux. [Erofeiev]

Стилистический троп, являющийся «описанием неестественного положения вещей (нарушение картины мира, онтологической нормы и неестественного поведения людей (нарушения этологической нормы)» [Энциклопедический словарь-справочник... 2009: 136]: *ma mémé sourde-muette me criait* (моя глухонемая бабушка мне кричит).

Сравнение:

Mon âme est aussi vaste que le ventre du cheval de Troie. [Erofeiev]

Le ventre du cheval de Troie (как живот у троянского коня).

Градация:

Canaille, sacrilège, misérable, maudits larbins ! [Platonov]

Для передачи состояния эмоциональной взволнованности героя используется градация, в сочетании с ЛЕ, сопровождающимися в словарях различными стилистическими пометами: *vieilli, familier, péjoratif*.

Гипербола:

C'est pas des êtres humains, c'est une catastrophe ! [Platonov]

В приведенном контексте используются также разговорные элементы синтаксического уровня: глагол *être* в форме единственного числа вместо множественного, опущение отрицательной частицы *ne*.

Эвфемизм:

Je ne peux pas lui montrer ce genre de tableaux nébuleux dès son tendre âge. [Zochtchenko]

Используется эвфемизм *montrer ce genre de tableaux nébuleux* в значении «показывать умершего человека». Ср. также:

...qu'il «fit un tour à Gerbeville». * [Zochtchenko]

Эвфемизм *faire un tour à Gerbeville* строится на названии города и представляет собой переводческий неологизм на основе ЛЕ *gerbe* (рвота) с пометой *familier*, графически выделенный кавычками и сопровождающийся метатекстовой сноской: *«Le russe dit «faire un tour à Riga» dans le sens de vomir».

Tiens, dira-t-on, il est allé lâcher des vents. [Zochtchenko]

Используется эвфемизм *lâcher des vents* (выпустить ветры) с пометой *familier*. Кроме того, на синтаксическом уровне используется междометие *tiens* (вот как! ага! какво!).

Анадиплосис и хиазм:

– *Dis-moi, Mitrich, qu'est-ce que tu fabriquais ici pendant que j'étais au bout du wagon, plongé dans mes pensées sur mon sentiment, sur mon sentiment pour la femme de mes pensées ?* [Erofeiev]

Используются анадиплосис – повтор элементов в контактной позиции на стыке предложений или частей предложения [Бойчук 2014] и хиазм – «стилистическая фигура, состоящая в перекрестном повторении одних и тех же элементов (слов или членов предложения) в двух смежных словосочетаниях или предложениях» [Энциклопедический словарь-справочник... 2009: 345].

Сочетание нескольких приемов выразительной речи:

Mais oui, Vénitchka, mais oui, étonna une voix dans les airs, si douce, si tendre et caressante. [Erofeiev]

В данном контексте разговорными элементами в переводном тексте являются лексический повтор *mais oui* (ну да! конечно!), представляющий собой усилительную частицу и предикатив, градация в сочетании с анафорой *si douce, si tendre et caressante* (такой мягкий, нежный, ласкающий).

Аналогичные стилистические приемы встречаются во французских текстах, близких по стилистике к жанру «сказ». Приведем несколько контекстов из французских художественных произведений, содержащих подобные средства и приемы выразительности:

«COLAS BREUGNON»:

«Sain comme un chou cabus.

Je fus comme un coq en pâte, les premiers jours

Mais je restai de bronze.

Le premier, Roitelet, toujours vif et remuant comme un petit Poucet, et fier comme Artaban...

Les maisons sur la route bâillaient, portes ouvertes...

Travailler après boire, boire après travailler, quelle belle existence !...

Telle bouillie bouillante, Roitelet le promène d'un coin de bec à l'autre ;

Lorsque j'y pense, j'en ai froid dans le dos». [Rolland]

«AUX CHAMPS»:

«– *C'est-i té, m'n éfant ? C'est-i té, m'n éfant ?*

Mais v'là que d'fraîcheur en chaleur et d'chaleur en fraîcheur...

– *Nom de Dieu, de Dieu, de Dieu, de Dieu ! hurlait le brigadier fou de joie, tandis que Lenient s'assurait de l'homme*. [Maupassant]

«L'IVROGNE»:

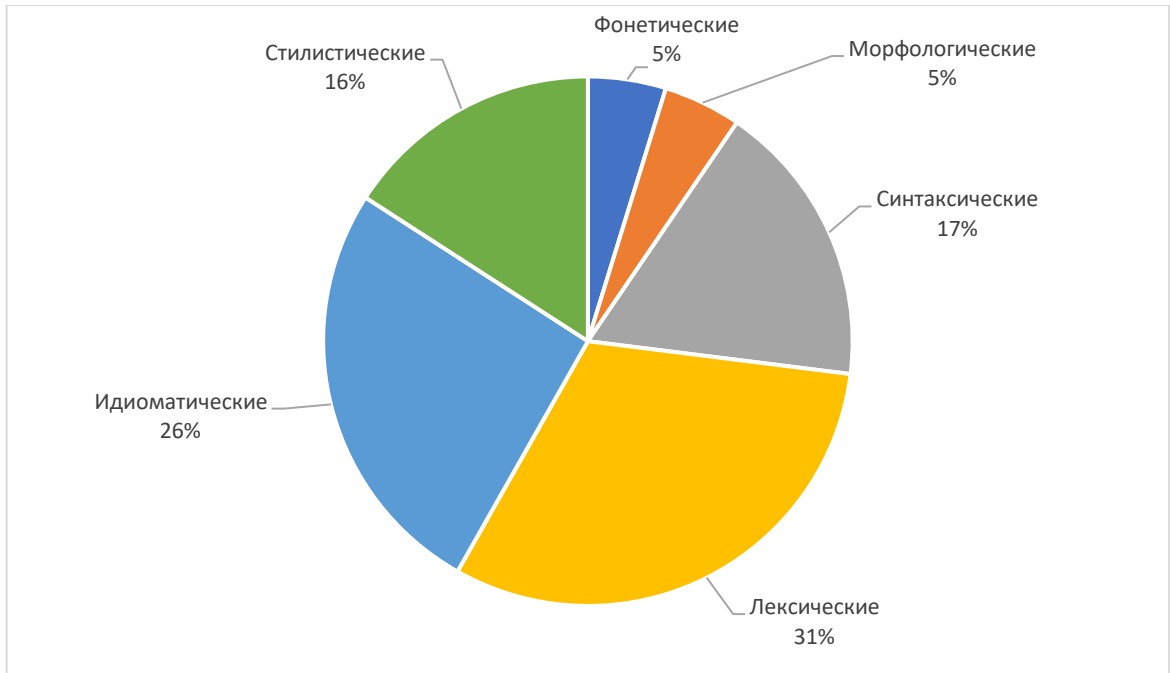
«*C'est pas un soir à rentrer, sans rien d'chaud dans le ventre*». [Maupassant]

В приведенных выше примерах средствами и приемами выразительности выступают: сравнение, метафора, олицетворение, тавтология, лексический повтор, синтаксический параллелизм, хиазм, гиперболо.

Таким образом, реноминация в переводных текстах на стилистическом уровне осуществлялась при помощи тропов и фигур, используемых во французских текстах, близких по стилистике к сказовому жанру, в разговорной речи персонажей.

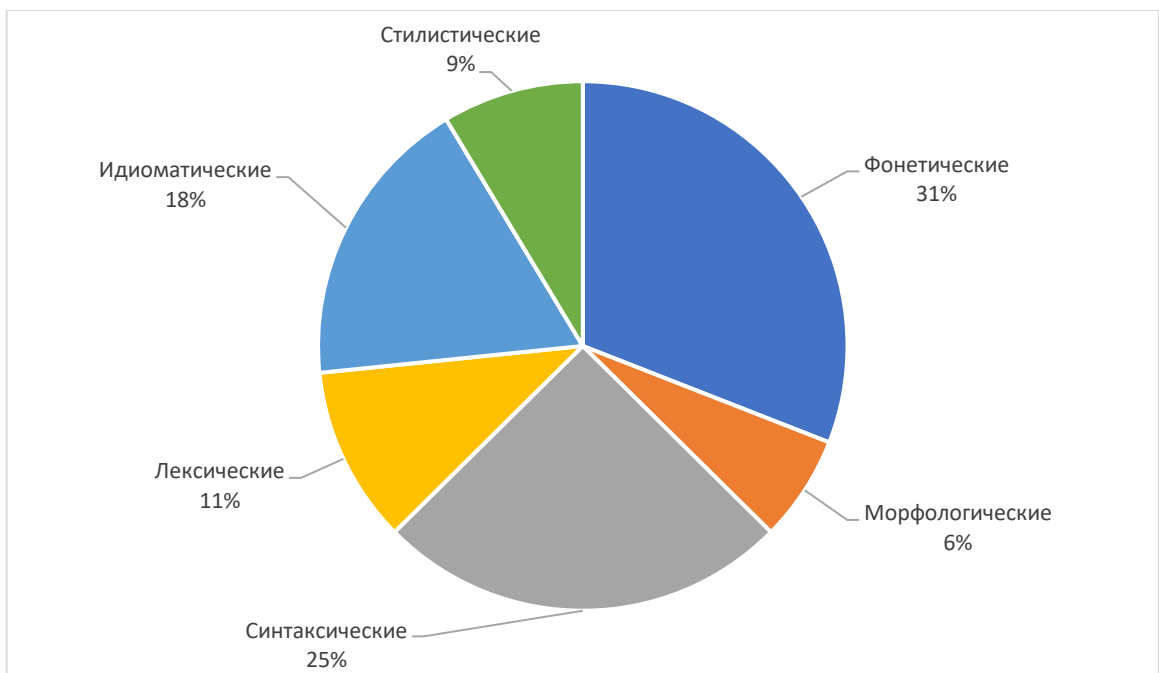
Подводя итог, представим количественный анализ разноуровневых средств реноминации во французском переводном тексте (см. Диаграмму 1, с. 113).

Диаграмма 1. – Средства реноминации разговорно-просторечных единиц во французских переводных текстах жанра «сказ»

Для оригинальных французских текстов наиболее характерными являются следующие разговорно-просторечные средства (см. Диаграмму 2).

Диаграмма 2. – Средства номинации разговорно-просторечных единиц во французских текстах, близких по стилистике к жанру «сказ»

Таким образом, хотя реноминация разговорно-просторечных единиц осуществляется в текстах перевода с помощью средств французского языка, их употребительность в переводных и в оригинальных французских художественных текстах оказывается различной.

В переводных текстах наиболее употребительными оказываются лексические (31%) и идиоматические (26%) средства, далее идут синтаксические (17%) и стилистические (тропы и фигуры) средства (16%), фонетические средства представлены незначительно (5%).

Во французском тексте доминируют фонетические (31%) и синтаксические (25%) средства, далее располагаются идиоматические средства (18%), тогда как лексические и стилистические (тропы и фигуры) средства занимают достаточно скромное место (11% и 9% соответственно).

Морфологические средства не занимают значительного места ни в текстах перевода, ни в оригинальных текстах (5% и 6% соответственно).

2.7 Комплексные средства реноминации разговорно-просторечных единиц

В процессе анализа было выявлено, что для большинства контекстов (в том числе узких, представленных одним предложением) характерно сочетание разговорно-просторечных единиц разных уровней языка, то есть реноминация осуществляется **комплексными средствами**. При этом повышается стилистическая маркированность текста. Нами выделены примеры, в которых разговорно-просторечный характер передается с помощью единиц, относящихся к двум, трем или четырем языковым уровням. Используемые при этом способы реноминации мы обозначаем, соответственно, как двухуровневые, трехуровневые и четырехуровневые. Выделенные в процессе анализа комбинации языковых уровней представлены ниже в Таблице 6.

Таблица 6. – Комплексные средства реноминации разговорно-просторечных единиц

Средства реноминации по языковым уровням	Примеры	Разговорно-просторечные единицы
ДВУХУРОВНЕВЫЕ		
фонетические + лексические	– <i>Tu me rendras bien service, l’ami, car t’es sans papiers, tu vas encore m’attirer des embêtements.</i> [Leskov]	Элизия + ЛЕ <i>fripouille</i> (жулик, прохвост) с пометой <i>familier</i>
	... <i>j’mе précipite vers lui et je gueule...</i> [Erofeiev]	Элизия + ЛЕ <i>gueuler</i> (горланить) с пометой <i>familier</i>
	<i>Un p’tit vieux tout moche aimerait savoir...</i> [Zochtchenko]	Элизия + ЛЕ <i>moche</i> (уродливый) с пометой <i>familier</i>
	<i>Mes p’tits potes...</i> [Zochtchenko]	Элизия + ЛЕ <i>potes</i> (друг, товарищ) с пометой <i>familier</i>
	<i>Elle leva la main et s’écria : « – Vingt-deux ! V’là les contrôleurs » !</i> [Erofeiev]	Синкопа + ЛЕ <i>vingt-deux</i> (внимание! шухер!) с пометой <i>familier</i>
фонетические + морфологические	<i>Suffisait que je boive un peu, j’remettais ça...</i> [Erofeiev]	Элизия + разговорная форма местоимения <i>cela (ça)</i>
	<i>Il m’a envoyé promener le p’tit gars.</i> [Zochtchenko]	Синкопа + диминутив
	<i>Ce p’tit nez ressemble franchement au vôtre.</i> [Zochtchenko]	
	« <i>V’la-les-p’tits-diaboltins</i> »... [Erofeiev]	
фонетические + синтаксические	« <i>T’as pas un rrouble ?</i> » <i>qu’elle me dit.</i> « <i>Dis, t’as pas un rrouble</i> » ? [Erofeiev]	Элизия + повторения начального согласного звука + опущение частицы <i>ne</i> + отсутствие инверсии в вопросительном предложении + использование разговорной безинверсионной конструкции, вводящей слова автора (<i>qu’elle me dit</i> вместо <i>me dit-elle</i>)
	– <i>J’suis trop pressé, qu’il dit, pour me trémousser sur tes genoux.</i> [Erofeiev]	Элизия + использование разговорной безинверсионной конструкции, вводящей слова автора (<i>qu’il me dit</i> вместо <i>me dit-il</i>)
	« <i>Que non.</i> » « <i>Si c’est non, t’iras en prison.</i> » [Leskov]	Элизия + рифма + разговорная усилительная частица <i>que</i> в сочетании с отрицательным предикативом
фонетические + фразеологические	<i>T’es habitué aux plastrons, pas vrai ?</i> [Zochtchenko]	Элизия + безличный оборот <i>pas vrai</i> (неужели, не правда ли) с пометой <i>familier</i>

	<i>A-la-fin-du-mois-d'août J'ai-passé-l'arme-à-goche...</i> [Erofeiev]	Парцелляция + графическое изображение фонетического облика ЛЕ <i>goche</i> (ср. правильное <i>gauche</i>) + ФЕ <i>passer l'arme à gauche</i> (протянуть ноги) с пометой <i>familier</i>
фразеологические + морфологические	<i>Après ça, nous en avons bu à tire-larigot.</i> [Leskov]	ФЕ <i>à tire-larigot</i> (много, до отвала) с пометой <i>familier</i> + разговорная форма местоимения <i>cela</i> (<i>ça</i>)
лексические + морфологические	<i>...ce petit pochard de bonne famille me commande...</i> [Leskov]	Диминутив + ЛЕ <i>pochard</i> (пьянчужка) с пометой <i>familier</i>
	– <i>Mon petit pote chéri, et s'il n'en reste aucun ?</i> [Zochtchenko]	Диминутив + ЛЕ <i>pote</i> (друг, товарищ) с пометой <i>familier</i>
лексические + синтаксические	– <i>Une chatte, tu parles d'un trésor ! que je dis.</i> [Leskov]	Отсутствие инверсии в словах автора + сегментация (<i>une chatte, un trésor</i>) + ЛЕ <i>trésor</i> (сокровище), с пометой <i>au fig.</i> (в переносном значении)
	– <i>Ah là, là, fiston, faut pas te fier à ces femmes !</i> [Platonov]	Междометие <i>ah là, là</i> + опущение подлежащего <i>il</i> и частицы <i>ne</i> + ЛЕ <i>fiston</i> (сын, сынишка) с пометой <i>familier</i>
	<i>Qu'est-ce qu'il ronfle, le saligaud ! C'est quand même un brave type !</i> [Platonov]	Разговорная восклицательная конструкция <i>qu'est-ce que</i> (ср. нормативное <i>que, comme, combien</i>) + местоименная реприза (<i>il, le saligaud</i>) + ЛЕ <i>saligaud</i> (сволочь, мерзавец) и <i>type</i> (субъект, мужчина) с пометами <i>familier</i>
	– <i>??? Qu'est-ce que c'est que cette histoire ?</i> [Erofeiev]	Несколько вопросительных знаков в начале предложения (отступление от пунктуационной нормы) + ЛЕ <i>histoire</i> (история) с пометой <i>familier</i>
	<i>Eh, toi: le connard ! dit l'homme doucement. Enlève-moi ce manteau. Et dare-dare. Si tu mouftes un mot, je t'enfoce la caboche, et couic ! Pigé, salopard ? Enlève !</i> [Zochtchenko]	ЛЕ <i>connard</i> (дурак, балда) с пометой <i>très familier</i> ; <i>dare-dare</i> (живо) с пометой <i>familier</i> ; <i>moufter</i> (возражать, протестовать) с пометой <i>familier</i> ; <i>caboche</i> (башка, физиономия) с пометой <i>familier</i> ; <i>piger</i> (улавливать, сечь) с пометой <i>populaire / familier</i> ; <i>salopard</i> (негодяй, мерзавец) с пометой <i>familier</i>

		(<i>injurieux</i>) + парцелляция + междометя <i>eh; couic</i> (конец!, крышка!)
	<i>ce coquin d'Allemand.</i> [Leskov]	ЛЕ <i>coquin</i> (шельма, мошенник, мерзавец) с пометой <i>péjoratif</i> + конструкция эмотивного синтаксиса (<i>ce</i> + существительное + предлог <i>de</i>)
	<i>Les gars n'ont qu'à inventer l'occasion et en tirer avantage.</i> [Platonov]	ЛЕ <i>gars</i> (парни) с пометой <i>familier</i> + ограничительная конструкция <i>ne...que</i>
	<i>Y a qu'à payer les sous.</i> [Zochtchenko]	Опущение подлежащего <i>il</i> + ограничительная конструкция <i>ne...que</i> + ЛЕ <i>sous</i> (деньги) с пометой <i>familier</i>
	<i>Mais quand même le cinoche, c'est mieux.</i> [Zochtchenko]	ЛЕ <i>cinoche</i> (киношка) с пометой <i>familier</i> + сегментация
	<i>Et moi, itou.</i> [Zochtchenko]	ЛЕ <i>itou</i> (тоже) с пометой <i>familier, vieilli</i> + эллиптическое предложение-реплика
	<i>Tous, on les butera !</i> [Platonov]	Местоимение <i>on</i> вместо <i>nous</i> + местоименная реприза (<i>tous, on</i>) + ЛЕ <i>buter</i> (убить) пометой <i>familier</i>
	<i>On ne radine pas sur le poids, nous.</i> [Zochtchenko]	Местоимение <i>on</i> вместо <i>nous</i> + местоименная реприза (<i>on, nous</i>) + ЛЕ <i>radine</i> (скупиться) с пометой <i>familier</i>
	<i>Il sanglote carrément, cet homme.</i> [Zochtchenko]	Местоименная реприза (<i>il, cet homme</i>) + ЛЕ <i>carrément</i> (совершенно, определенно) с пометой <i>familier</i>
	<i>Parbleu, que je dis, grand-mère Féodossia me l'a raconté plus d'une fois.</i> [Leskov]	Отсутствие инверсии в словах автора + ЛЕ <i>parbleu</i> (ещё бы!, на кой чёрт!, чёрт возьми!) с пометой <i>familier, vieilli</i>
лексические + фразеологические	<i>Là, parmi les clients, je rencontre une espèce de galvaudeux, un bon à rien.</i> [Leskov]	ЛЕ <i>galvaudeux</i> (негодяй, бездельник, беспутный человек) с пометой <i>populaire</i> + ФЕ <i>une espèce de</i> (что-то вроде), использующееся в пейоративной функции + ФЕ <i>un bon à rien</i> (никудашный, пустой)
	<i>Elle était soûle comme une grive...</i> [Erofeiev]	ЛЕ <i>soûle</i> (пьяный) с пометой <i>familier</i> + ФЕ <i>comme une grive</i> (пьян в стельку, пьян в доску, в дым) с пометой <i>familier</i>
	<i>Ils se foutent du tiers comme du quart...</i> [Platonov]	ФЕ (<i>se moquer</i>) <i>du tiers comme du quart</i> (решительно не обращать внимание) + ЛЕ <i>se foutre</i> (наплевать) с пометой <i>vulgaire</i>

	<i>...un gâcheur, à tous les coups...</i> [Platonov]	ЛЕ <i>gâcheur</i> (халтурщик) с пометой <i>familier</i> + ФЕ <i>à tous les coups</i> (всякий раз, неизменно) с пометой <i>familier</i>
	<i>Le public est con – il n’y verra que du feu.</i> [Zochtchenko]	ЛЕ <i>con</i> с пометой <i>familier</i> + ФЕ <i>n’y voir que du feu</i> (прохлопать, ни о чем не заподозрить) с пометой <i>familier</i>
лексические + стилистические	<i>Je me suis emmerdé à mourir...</i> [Zochtchenko]	ЛЕ <i>s’emmerder</i> (подыхать со скуки) с пометой <i>familier</i> + гипербола <i>à mourir</i> (смертельно)
синтаксические + морфологические	<i>...je peux pas me batter à cause de ça.</i> [Zochtchenko]	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + опущение частицы <i>ne</i>
	<i>– Ça te regarde ?</i> [Leskov]	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + прямой порядок слов в вопросительном предложении
	<i>Dites, citoyenne, comment ça se passe chez vous au niveau des pannes de plomberie et aux toilettes ? Ça marche ? – Oui, répond-elle, ça marche.</i> [Zochtchenko]	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + прямой порядок слов в вопросительном предложении + эллиптические реплики в диалоге
	<i>Ça au moins, tacher de le comprendre !</i> [Erofeiev]	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + местоименная реприза (<i>ça, le; aux autres, leur; ça, ce; ça, ça; toi, te</i>)
	<i>Aux autres aussi, ça leur arrive, je le sais...</i> [Erofeiev]	
	<i>Ça, c’est bien vrai...</i> [Platonov]	
	<i>Ça s’appelle manger, ça ?</i> [Zochtchenko]	
	<i>Toi, ça t’est égal...</i> [Platonov]	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + сегментация
	<i>Ça fait combien pour nous, les trois gâteaux ?</i> [Zochtchenko]	
	<i>C’est à cause de ça qu’a souffert Vassili Stépanych Konopatov...</i> [Zochtchenko]	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + выделение подлежащего с помощью конструкции (<i>c’est</i>) ... <i>que / qui</i>
	<i>Moi qui n’ai jamais vu ça...</i> [Leskov]	Частица <i>et</i> + междометие <i>ben</i> с пометой <i>familier</i> + разговорная форма местоимения <i>ça</i> с глаголом <i>être</i> вместо используемого в стандартном французском указательного местоимения <i>ce</i>
	<i>– Et ben, ça n’est pas...</i> [Platonov]	
<i>Ça les choque, qu’ils disent.</i> [Zochtchenko]	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + отсутствие инверсии в словах автора	

	<p><i>Pas vrai ! Dis-moi un peu ! Alors comme ça, c'est à cause du réchauffement ? C'est vraiment gentil, ça !</i> [Platonov]</p>	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + эллиптические восклицательные и вопросительные предложения + частица <i>un peu</i> + местоименная реприза (<i>ça, ce</i>) + усилительный постпозиционный повтор местоимения <i>ça</i> + отсутствие инверсии в вопросительном предложении
	<p><i>Or, alentour c'est merveilleux ce que ça sent bon.</i> [Zochtchenko]</p>	Разговорная форма местоимения <i>ça</i> + разговорная восклицательная конструкция <i>ce que</i> (ср. нормативное <i>que, comme, combien</i>)
синтаксические + фразеологические	<p>– <i>Ne prends pas la mouche, voyons ... Ce qu'on en dit, c'est pour ton bien.</i> [Erofeiev]</p>	Устойчивое сочетание с пометой <i>familier</i> + частица
синтаксические + стилистические	<p><i>Y a plus qu'à baisser le rideau !</i> s'écria Kopionkine. [Platonov]</p>	Опущение подлежащего <i>il</i> + опущение частицы <i>ne</i> + использование ограничительного оборота (<i>ne</i>) ... <i>que</i> + метафора <i>baisser le rideau</i> (спустить занавес)
	<p><i>...elle avait épousé l'autre...son mari, par contrainte...c'était une méchante marâtre qui l'avait forcée...mais elle n'avait jamais pu l'aimer, son mari. Quant à l'autre... le cavalier de remonte, quoi...elle l'aimait et lui était...dévouée malgré elle.</i> [Leskov]</p>	Парцеллированные предложения + апозиопеза + лексический повтор (<i>son mari</i>) + местоименные репризы (<i>l'autre, son mari; le, son mari; l'autre, le cavalier</i>) + усилительная частица <i>quoi</i>
	<p><i>Le contrôleur n'était pas de ma famille, mais même lui m'a dit: je vous en prie, Timofëï Vassiliévitch, on va pas faire des comptes – asseyez-vous donc ! Et il m'a conduit à destination. Il n'était pas de la famille. Juste un ami du pays. Et toi alors ... ton oncle germain ... tu n'auras pas l'argent !</i> [Zochtchenko]</p>	Апозиопеза + парцелляция + лексический повтор (<i>n'était pas de la famille</i>) + местоименные репризы (<i>le contrôleur, lui; toi, tu</i>) + местоимение <i>on</i> в значении <i>nous</i> + опущение первого компонента отрицания <i>ne</i> , частицы <i>donc, et, alors</i>
	<p><i>Et ils me répondent : «C'est-y possible, Ivan Sévérianytch (on m'appelait dans le siècle Ivan Sévérianytch, monsieur Fliaguine), c'est-y possible que tu veuilles qu'on le débriide» ?</i> [Leskov]</p>	Синтаксический параллелизм + анафора + разговорная, устаревшая вопросительная конструкция <i>c'est-y</i> (ср. нормативный вариант: <i>est-ce que c'est</i>)
	<p><i>«Eh bien, comment ça va, presque semi-respectable Ivan Sévérianytch ?» Il m'appelait pour rire presque semi-respectable, mais vous verrez qu'il me respectait vraiment... [Leskov]</i></p>	Лексический каламбур <i>presque semi-respectable</i> + апозиопеза + междометие <i>eh bien</i>

	« <i>Mon amour, mon trésor, mon joyau précieux !</i> » <i>Et de me pendre à son cou...</i> [Leskov]	Градация + анафора + апозиопеза + использование инфинитивного предложения, вводимого предлогом <i>de</i> и частицей <i>et</i> (конструкция, свойственная литературному стилю)
фразеологические + стилистические	– <i>Je fais un tour dans le froid pour des beaux yeux de l'Etat...</i> [Platonov]	Метафора + синекдоха <i>l'Etat</i> (государство) + устойчивые сочетания <i>faire un tour</i> (прогуляться, пройтись), <i>pour des beaux yeux</i> (бескорыстно) с пометой <i>familier</i>
	<i>A cet instant je le haïssais, je le haïssais si fort que je ne me voyais moi-même avec la tête qui tournait. Et après, rien à faire, je l'aimais à nouveau, je l'aimais tellement que je m'en réveillais la nuit...</i> [Erofeiev]	Синтаксический параллелизм + анадиплосис + анафора + ФЕ <i>rien à faire</i> (ничего не поделаешь)
фразеологические + морфологические	<i>On n'a pas de ravitaillement pour la journée et il est là à chasser les mouches de l'été passé !</i> [Platonov]	Калька авторского неологизма-идиомы (<i>пугать летних мух</i> в значении ничего не делать) + местоимение <i>on</i> в значении <i>pous</i> .
ТРЕХУРОВНЕВЫЕ		
фонетические + стилистические + фразеологические	– <i>Parce que je ne suis pas une tête à thé, mais une tête brûlée...</i> [Leskov]	Рифма + игра слов + ФЕ <i>tête brûlée</i> (сорвиголова, горячая голова) с пометой <i>familier</i>
фонетические + синтаксические + фразеологические	– <i>T'en as donc marre de la vie ?</i> [Leskov]	Элизия + частица <i>donc</i> + ФЕ <i>en avoir marre</i> (надоело, достало) с пометой <i>familier</i>
фонетические + лексические + синтаксические	– <i>T'es donc vivant, petiot ?</i> [Leskov]	Элизия + частица <i>donc</i> + ЛЕ <i>petiot</i> (кроха, малыш) с пометой <i>familier</i>
лексические + синтаксические + фразеологические	<i>La seule chose dure, au cinoche, c'est d'entrer dans la salle. C'est pas du gâteau.</i> [Zochtchenko]	ФЕ <i>c'est pas du gâteau</i> (это вам не пустяки) с пометой <i>familier</i> + ЛЕ <i>cinoche</i> (киношка) с пометой <i>familier</i> + опущение частицы <i>ne</i>
	<i>Il en a des trucs à faire, Monsieur tout-le-monde !</i> [Zochtchenko]	ФЕ <i>avoir à faire</i> (быть занятым) и <i>monsieur tout-le-monde</i> (обыкновенный, средний человек) + ЛЕ <i>truc</i> (штука, вещь) с пометой <i>familier</i> + местоименная реприза (<i>il, monsieur</i>)

лексические + стилистические + фразеологические	– <i>Emmène ton monstre, dit-il, chez les chiens de ma chienne ! Tant pis, dit-il, pour la pelisse en raton. Que le diable l’emporte...</i> [Zochtchenko]	Тавтология + апозиопеза + ЛЕ <i>monstre</i> с пометой <i>au fig.</i> + стилистически нейтральная ФЕ <i>tant pis</i> (тем хуже) + авторская ФЕ <i>chez les chiens de ma chienne</i> (досл. к собакам от моей суки), которое является аллюзией на ФЕ <i>garder à qqn un chien de sa chienne</i> (оставить для кого-либо щенка от своей суки), означающее готовить кому-либо месть (<i>lui ménager une vengeance</i>) [CNRTL] + ФЕ <i>que le diable l’emporte</i> (черт с ним) с пометой <i>familier</i>
лексические + фонетические + фразеологические	<i>T’exagères, espèce de connasse.</i> [Zochtchenko]	Элизия + ЛЕ <i>connasse</i> пометой <i>très familier</i> + разговорная конструкция <i>espèce de</i> (ну и + оскорбительное слово) с пометой <i>familier, péjoratif</i>
	« <i>Je te fais la nique, salaud à tête de bique</i> ». [Leskov]	Рифма + ФЕ <i>faire la nique</i> (сделать жест презрения) с пометой <i>familier</i> + ЛЕ <i>salaud</i> с пометами <i>familier, injurieux</i> + ЛЕ <i>bique</i> с пометой <i>familier</i>
	... <i>c’est parti le boulot, sans trêve ni repos.</i> [Zochtchenko]	Рифма + ФЕ <i>c’est parti</i> (началось) + ЛЕ <i>boulot</i> (работа) с пометой <i>familier</i> .
лексические + фонетические + стилистические	<i>Si tu cries, si tu bouges t’es foutu.</i> [Zochtchenko]	Элизия + ЛЕ <i>foutu</i> (пропавший, погибший) с пометой <i>familier</i> + анафора (<i>si tu...</i>)
лексические + синтаксические + морфологические	<i>Alors, bien sûr, ça a été la pagaille dans le tram.</i> [Zochtchenko]	ЛЕ <i>pagaille</i> (путаница, хаос, бардак) + ЛЕ <i>tram</i> (разговорная усеченная форма от <i>tramway</i>) с пометой <i>familier</i> + частица <i>alors</i> + разговорная форма местоимения <i>cela</i>
	<i>Seuls, on a la frousse</i> ... [Platonov]	использование местоимения <i>on</i> вместо <i>nous</i> + ЛЕ <i>frousse</i> (страх) с пометой <i>familier</i> + синтаксическая сегментация
	<i>Mais la petite lampe à pétrole, qu’il dit, faut pas la laisser choir.</i> [Zochtchenko]	Отсутствие инверсия в словах автора + диминутив + опущение подлежащего <i>il</i> в безличной конструкции + опущение частицы <i>ne</i> + ЛЕ <i>choir</i> (ронять, бросать) с пометой <i>familier</i>
лексические + синтаксические + стилистические	<i>Mon mari, qu’elle dit, il mène une vie déréglée, tu le sais bien, tandis que celui-ci, il a... des moustaches fines et patati et patata, il s’habille avec soin et me</i>	Парцеллированные предложения + апозиопеза + местоименные репризы (<i>mon mari, il; celui-ci, il</i>) + ЛЕ <i>patati et patata</i> (и тому подобное, и прочая ерунда) с пометой <i>familier</i>

	<i>respecte, mais je ne peux pas être heureuse, malgré tout, parce que cette enfant me manque. [Leskov]</i>	
синтаксические + стилистические + морфологические	« <i>C'est tranquille et ça ressemble assez au régiment : on est vêtu, nourri, logé, surveillé de près par ses supérieurs et il y a de la discipline.</i> »	Перечисление + разговорная форма местоимения <i>cela</i> + <i>on</i> вместо <i>nous</i>
ЧЕТЫРЕХУРОВНЕВЫЕ		
лексические + синтаксические + фразеологические + стилистические	<i>Et qu'on se fourre pas en prime une toque de mouton sur le crâne. [Zochtchenko]</i>	ЛЕ <i>se fourrer</i> (засовывать запикивать) с пометой <i>familier</i> + ЛЕ <i>crâne</i> (череп, башка) с пометой <i>familier</i> + частица <i>et</i> + ФЕ <i>en prime</i> с пометой <i>souvent ironique</i> (часто с ироничное) + метонимия <i>sur le crâne</i> (досл. на череп)
	<i>...tout cela est tellement important que je transcris leurs paroles en nobles italiques, et ce que nous disons, nous, en vilaines pattes de mouche, car ce ne sont, à tout prendre, que des balivernes. [Erofeiev]</i>	Антитеза <i>en nobles italiques / en vilaines pattes de mouche</i> + эпитет <i>vilaines</i> (плохой, мерзкий) + ФЕ стилистически немаркированная <i>pattes de mouche</i> (каракули) + ФЕ стилистически немаркированная <i>à tout prendre</i> (в конечном счете) + ЛЕ <i>balivernes</i> (вздор, рассказы) с пометой <i>familier</i> + местоименная реприза (<i>ce que nous disons, nous</i>) + ограничительный оборот <i>ce ne sont que</i>
лексические + синтаксические + фонетические + стилистические	« <i>Quels mômes ? Qu'est-ce que tu me chantes avec tes mômes ? T'en as pas de mômes !</i> » [Erofeiev]	Эллиптические вопросительные и восклицательные парцелированные предложения + лексический повтор ЛЕ <i>mômes</i> (ребёнок, малыш) с пометой <i>familier</i> + эпифора + ЛЕ <i>chanter</i> (зд. говорить вздор, нести, плести) с пометой <i>familier</i> + элизия + опущение частицы <i>ne</i>
лексические + синтаксические + морфологические + стилистические	<i>Il jase là comme un grand, c'est pas plus gros qu'une lente et ça trouve un moyen de faire reproche à son père ! [Platonov]</i>	Местоимения <i>ce</i> и <i>ça</i> заменяют одушевленный объект (мальчика) + опущение частицы <i>ne</i> + сравнение <i>c'est pas plus gros qu'une lente</i> (он не больше вши) + ЛЕ <i>jaser</i> (болтать, судачить) с пометой <i>familier</i>

Как видим, реноминация в проанализированных примерах носит многоуровневый характер и осуществляется комплексно: сочетанием разговорно-просторечных единиц двух, трех и четырех языковых уровней. Отметим, однако, что приведенные комбинации языковых уровней являются релевантными для проанализированного нами материала. Их нельзя считать исчерпывающими, поскольку в других произведениях могут содержаться сочетания элементов других языковых уровней. Ср., например, следующий отрывок из новеллы Ги де Мопассана «Les sabots»:

«J'aime pas prend' mon café tout seul, nom de D... Si tu n'veux pas t'mett' à en prendre itou, tu vas foutre le camp, nom de D... Va chercher une tasse et plus vite que ça». [Maupassant]

В данном примере используются разговорно-просторечные единицы фонетического (элизия), лексического (ЛЕ *itou*), фразеологического (ФЕ *foutre le camp, et plus vite que ça, nom de Dieu*), синтаксического (опущение частицы *ne*) и стилистического (эпифора *nom de D...*) уровней.

Подводя итог анализу, отметим, что употребление комбинированных разговорно-просторечных средств характерно для контекстов, в которых отражена интенсивность эмоционального состояния персонажей – гнев, возмущение, недовольство, взволнованность, раздражение, негодование, крайняя степень удивления, недоверие к собеседнику, эмоциональное потрясение и т.п. Использование в переводном тексте разноуровневых разговорно-просторечных единиц в целом соотносится с закономерностями их функционирования во французских текстах, близких по стилистике к сказовому жанру, и процесс реноминации осуществляется за счет типичных для оригинальных французских текстов разноуровневых разговорно-просторечных единиц.

2.8 Сохранение маркеров «чужой» лингвокультуры в процессе реноминации в переводном французском тексте

Проведенное исследование позволило выявить контексты, в которых сохранились как языковые, так и культурные элементы текста оригинала. Это,

прежде всего, примеры, содержащие варваризмы, представленные лексическими единицами и единицами фонетического уровня (звуковые каламбуры, содержащие варваризмы и примеры контаминированной речи).

В процессе их анализа мы учитываем, что вопрос классификации заимствованной лексики является спорным из-за отсутствия четких критериев ее систематизации. При описании заимствованных ЛЕ используются различные термины: варваризм, заимствование, экзотизм и иноязычное вкрапление. Например, «Словарь лингвистических терминов» определяет как варваризм слово, образованное не по правилам, действующим в данном языке [Словарь лингвистических терминов 2004: 70]; либо «иноязычное слово, употребляемое при описании чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта (реалий) для придания изложению местного колорита» [Там же], сюда входят англицизмы, галлицизмы и т. д.; либо «иностранный язык (выражение), не получивший права гражданства в общем языке и бытующий лишь в некоторых специфических социальных его разновидностях» [Там же]. Часть этого определения подходит и под трактовку экзотизма.

С другой стороны, «Лингвистический энциклопедический словарь» рассматривает варваризм как заимствованное слово, получившее более или менее регулярное употребление, в отличие от иноязычного вкрапления, сохраняющего свой иноязычный облик [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 158]. Немного другую трактовку дает «Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов» – это «не полностью освоенное или совсем не освоенное заимствованное слово, сохраняющее фонетическое или графическое оформление, имеющее синонимы активного употребления в заимствующем языке» [Энциклопедический словарь-справочник... 2014: 31]. Стоит также отметить, что под термином «варваризм» в русской и французской лингвистической традиции подразумеваются разные явления. Под варваризмами (*barbarisme*) во французском словаре понимаются только ЛЕ с грамматическими ошибками или с ошибками в употреблении: ср.: *barbarisme* – «faute contre le langage soit dans la forme, soit dans le sens du mot (mot créé ou altéré, dévié de son sens, impropre» [CNRTL].

Применительно к нашему исследованию мы трактуем варваризм как иноязычное слово или выражение, сохраняющее свой иностранный облик, фонетическое или графическое оформление и не обязательно имеющее синонимы в заимствующем языке.

Основное количество варваризмов пришлось на перевод повести Н.С. Лескова, в которой галлицизмы используются преимущественно в прямой речи и являются важнейшим художественным средством речевой характеристики персонажей и отраженной в произведении эпохи. Количество галлицизмов в тексте напрямую зависит от социального окружения героя: как только странник оказывается в обществе людей, стоящих выше его по положению, текст начинает пестрить варваризмами. Единичные случаи использования варваризмов были отмечены в переводах произведений М. Зощенко, где их функция скорее сатирическая, и в поэме В. Ерофеева, где варваризмы представлены латинизмами.

В некоторых случаях варваризмы были реноминированы во французском тексте с использованием форм языка-источника. Ср. примеры передачи англицизмов, германизмов и тюркизмов:

– *Good bye, quoui, gardez un œuil !* [Zochtchenko]

Английское заимствование сопровождается французским устойчивым сочетанием *garder un œuil* (беречь себя) с пометой *familier*, в сочетании с усилительной частицей *quoui* в позиции после существительного, характерной для разговорной речи.

Ce cher Allemand rua la tête : bitte-dritte, semble-il dire, je vous en prie, prenez tout, quels scrupules, comme s'il y avait des regrets. [Zochtchenko]

Использованный в тексте оригинала несуществующий германизм *bitte-dritte* калькируется *bitte-dritte*, с сохранением стилистической функции варваризма – иронично-пренебрежительное отношение к персонажу-немцу, которое поддерживается другими языковыми средствами: разговорно-фамильярным обращением *ce cher Allemand*. Ср. также:

...c'est pourquoi le khan Djangar y règne en maître. Il a, paraît-il, ses propres cheikhs, cheikhs-zadés, petits zadés, marnais, derviches et uhlands, dont il fait ce qu'il veut et qui sont heureux de lui obéir. [Leskov]

... car il passait pour le plus vaillant batyr de la région... [Leskov]

Во французском тексте присутствуют транслитерированные ЛЕ *cheikhs, marnais, derviches, uhlands*, представляющие собой именованя тюркских титулов как светских, так и религиозных, ЛЕ *batyr* (батырь или бахадур, тюрк. – храбрец, богатырь [Большая советская энциклопедия]), а также используется каламбур *cheikhs-zadés, petits zadés*. Ср. также:

Am - stram - gram - bourébouré - rotterdam - ferfluchtour - mine - good-bye-mister! [Leskov]

Фонетический каламбур, в состав которого входят галлицизмы и германизмы (ср. в оригинале: *Парле- бьен- комса -шире- мир- ферфлюхтур -мин -адью -мусью!* [Лесков]), реноминируется фонетическим каламбуром на основе французской детской считалки с некоторыми трансформациями (ср. стандартный вариант считалки *am, stram, gram [...] bour et bour et ratatam*). В тексте сохранены германизмы, а также добавлены англицизмы, заменяющие галлицизмы (*адью-мусью – good-bye-mister*). Таким образом, в переводном тексте отмечается соответствие между формой и стилистической функцией, хотя и с потерей просторечного произношения непривычных для героя иностранных слов.

В переводах произведений сказового жанра встречаются также примеры контаминированной речи с целью фонографической стилизации, позволяющей отразить культурный колорит местности, где разворачиваются события, например:

– *Voilà, batchka, voilà.* [Leskov]

Элементом «чужой» культуры выступает транслитерированная ЛЕ *batchka*, которая в толковом словаре В.И. Даля определяется как *бачка* или *бачья* – батюшка, отец, с пометой *областное* [Толковый словарь Даля]. Однако в контексте художественного произведения данная ЛЕ скорее всего представляет собой искаженную тюркскую ЛЕ. Ср. также:

«*Quel est ton dieu alors ?*» «*Le soleil, la lune, les étoiles... tout est dieu.*» «*Tout !... Hum... Et Jésus-Christ ?*» «*Lui aussi et la Vierge et Nicolatch...*» «*Quel Nicolatch ?*» [Leskov]

Примером контаминированной речи в данном контексте выступает произношение имени святого Николая – *Nicolatch*.

Отметим, что во французском языке имеются «свои», собственные средства для передачи контаминированной речи. Приведем пример из новеллы Ги де Мопассана «*Les dimanches d'un bourgeois de Paris*»:

«*Une Allemande parla d'abord [...] – Che feux tire toute la choie qu'on a ébrouvée dans la fieille Allemagne quand on a chu le grand moufement des femmes barisiennes. Nos boitrines [...], nos boitrines ont tréchailli, nos... nos... che ne barle pas très pien, mais nous chommes avec vous. [...] une Anglaise démesurée [...] s'exprima en ces termes : – Je volé aussi apôté le participéchône de la libre Hangleterre à la manifestéchône si... si... pittoresque de la populéchône féminine de France pour l'émancipéchône de cette pâtie feminine*». [Maupassant]

Как видим, с помощью графических средств французского языка передаются произносительные особенности персонажей родом из Германии и Великобритании.

На уровне морфологии сохранение элементов «чужой» культуры хотя и отмечается во французском тексте, но сравнительно в небольшом количестве. Приведем в качестве примера следующий контекст:

Passez votre chemin amis-camarades. [Platonov]

Редупликация-калька реноминирует редупликацию текста оригинала (*други-товарищи*). Данный элемент является чужим для принимающей французской лингвокультуры, поскольку редупликация хотя и встречается во французской разговорной речи, однако осуществляется за счет повторения слога (чаще всего в ономатопах), части слова или целого слова, по типу *Il est gentil gentil* (Он чрезвычайно мил).

Лексические средства также выступают элементами «чужой» культуры в переводном тексте, в частности, ЛЕ, представляющие собой «чужие» реалии и

входящие в состав контекстов, содержащих разговорно-просторечные элементы других языковых уровней, например:

Ambulance. Hôpital Marie. Cimetière de Smolensk. [Zochtchenko]

ЛЕ *Мариинская больница* и *Смоленское кладбище* в сочетании с парцелляцией.

Mettons que tu ailles à gauche : tu tombes sur la gare de Kursk. Tout droit : encore la gare de Kursk. A droite : toujours la gare de Kursk. [Erofeiev]

ЛЕ *Курский вокзал* в сочетании с эпифорой.

*Pour toute l'étendue du territoire russe les chauffeurs **travaillant au noir** prennent un kopeck.* [Erofeiev]

ЛЕ *копейка* (денежная единица) в сочетании с разговорной ФЕ *travailler au noir* (нелегально работать).

Отметим, что при реноминации разговорно-просторечных ЛЕ, представляющих «чужие» реалии, осуществляется передача колорита художественного текста, тогда как разговорно-просторечная стилистика не всегда находит свое отражение.

*Si tu veux, je te donne encore **un rouble**, ramène-moi Sacha.* [Platonov]

Стилистически нейтральная ЛЕ *un rouble* (рубль) реноминирует ЛЕ *рублевка* с пометой *разговорное*.

Реноминация путем сохранения элементов «чужой» культуры на уровне идиоматики отмечена при передаче крылатых выражений, устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок. Проиллюстрируем эти случаи примерами.

Способы реноминации крылатых выражений, которые представлены в переводных текстах в основном латинизмами, ср.:

... que de terrae incognitae ! [Erofeiev]

Terrae incognitae (неизвестная земля).

Toute simplicitas n'est pas sancta. [Erofeiev]

O sancta simplicitas (святая простота).

E finita la comedia... [Erofeiev]

Крылатое выражение на искаженном итальянском (ср. правильный вариант *la commedia è finita* – представление окончено), дополнительно графически выделенное курсивом в тексте перевода, реноминирует идентичное крылатое выражение на искаженном итальянском языке в русской графике (ср. в оригинале: *И – финита ля комедиа*. [Ерофеев]).

На уровне фразеологии «чужие» элементы представлены случаями калькирования фразеосинтаксических схем из текста оригинала.

Фразеосинтаксическая схема (фразеосхема) или в терминологии Н.Ю. Шведовой фразеологизированное образование (построение) [Шведова 2003: 268] – это «коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему [...], выражающая членимое понятийное смысловое содержание [...], обладающая грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию» [Меликян 2019: 68]. Ср. пример калькирования фразеологической схемы:

Bon il a payé – il a payé. [Zochtchenko]

– *Loin, c'est pas loin, répondit le vieillard...* [Platonov]

Лексико-синтаксический повтор в данных примерах, несмотря на передачу семантики и разговорной стилистики, не является естественным для синтаксиса принимающего французского языка (ср. в оригинале: *Ну, заплатил – и заплатил.* [Зощенко] / – *Далёко не далёко, – отвечал старик...* [Платонов]).

Отметим далее примеры калек, использующихся «при «оживлении» образа» [Влахов 2006: 195], когда «достаточная мотивированность значения ФЕ значениями ее компонентов» [Там же: 194] позволяет передать как семантико-стилистическую составляющую, так и эмоционально-экспрессивную, например:

...c'est comme si on n'avait pas de bras. [Zochtchenko]

Значение калькированного фразеологизма *без телефона как без рук*, будучи вычленимым из входящих в его состав компонентов, понятно французскому

читателю: отсутствие руки подразумевает беспомощность, невозможность что-либо сделать.

Интересным представляется следующий пример передачи фразеосинтаксической схемы с историческим компонентом:

A la NEP comme à la NEP. [Zochtchenko]

Реноминация осуществляется путем замены компонента в «своем» устойчивом сочетании *à la guerre comme à la guerre* (на войне как на войне) на реалию советской действительности *NEP* (НЭП), которая ранее в произведении поясняется метатекстовой сноской.

При реноминации паремий маркеры «чужой» культуры сохраняются в семантических кальках с текста оригинала.

Приведем несколько примеров реноминации окказиональных паремий.

– *Le berger sait bien à quelle heure boire son lait, déclara de son chef Kiréi.* [Platonov]

Используется семантическая калька авторской пословицы (ср. в оригинале: – *Пастух сам знает, когда ему молоко пить.* [Платонов]).

– *Un scribouillard ne fera jamais la maison d'un menuisier, décréta Jeiev.* [Platonov]

Окказиональная пословица (ср. в оригинале: – *Писец плотнику хату не поставит.* [Платонов]) также реноминируется семантической калькой. Отметим передачу разговорных единиц, входящих в состав паремий: в тексте оригинала используется ЛЕ *хата* с пометой *разговорное*, тогда как в тексте перевода разговорный характер переносится на другую ЛЕ *scribouillard* (бумагомаратель, писака) с пометами *familier, péjoratif*.

– *Par peur de mourir, deux lièvres peuvent croquer un loup...* [Platonov]

Реноминация авторской пословицы (ср. в оригинале: – *Два зайца от своей смерти волка сгрызут...* [Платонов]) происходит через семантическую кальку.

Toi, tu gaspilles, et il n'y a personne pour glaner derrière toi. [Platonov]

В поговорке текста оригинала (ср. в оригинале: *А из тебя сыплется, да никто не подбирает* [Платонов]) можно уловить аллюзию на поговорку *песок сыплется,*

употребляемую укоризненно по отношению к пожилому человеку. Однако поговорка в данном контексте обличает такой недостаток, как расточительность, что нашло свое отражение в тексте перевода. Глагол *gaspiller* означает растрачивать, безрассудно тратить деньги на бесполезные вещи [Le dico Robert en ligne]. Кроме того, используется ЛЕ *glaner* с пометой *au fig.* (в переносном смысле). В прямом значении глагол означает собирать колосья после жатвы, в переносном – собирать отовсюду по крупицам то, что может принести выгоду. Таким образом, смысл окказиональной паремии в переводном тексте понятен даже без контекста за счет входящих в ее состав лексических единиц.

Одной из особенностей паремий является важность рифмы и ритмико-фонетической формы [Алефиренко 2018: 250]. Однако в исследуемом материале рифма не всегда находит свое отражение в тексте перевода, хотя сохраняется общая художественная картина и разговорный характер контекста:

...à bouche de trop, pain de reste. [Platonov]

Ср. в оригинале: *...на лишний рот лишний хлеб растет.* [Платонов].

Использование семантической кальки с русского языка, то есть перенос «чужой» паремии в свою культуру при реноминации индивидуально-авторских паремий, с одной стороны, выглядит оправданным, так как в данном случае окказионализмы представляются «чуждыми» и непривычными для восприятия как иностранного, так и русского читателя. С другой стороны, если русский читатель в большинстве своем понимает, основываясь на своем предшествующем когнитивном опыте, что речь идет о языковой игре, словотворчестве героя, поскольку проведение аналогий между содержательными элементами текста и фрагментами читательского опыта позволяют освоить пространство понимания текста [Котлярова 2017: 190], то для французского читателя авторские окказионализмы в переводном тексте производят впечатление экзотизма, элемента «чужой» лингвокультуры.

Рассмотрим далее примеры калькирования узуальных паремий.

«Assieds-toi, camarade. La verité n'est pas dans les jambes». [Erofeiev]

Реноминация русской поговорки «в ногах правды нет» осуществляется путем полного семантического калькирования. Отметим, что во французском языке существуют устойчивые сочетания с лексемой *jambes* (ноги) с несколько схожей с русской паремией семантикой: *n'avoir plus de jambes*, *avoir les jambes coupées* (обессилеть). Ср. также:

...mais je me dis que «tout jeu est bon pourvu que l'enfant ne pleure...» [Leskov]

Калькированная русская пословица «чем бы дитя ни тешилось, абы не плакало» (в переводном тексте досл.: любая игра хороша, лишь бы ребенок не плакал), графически выделяется кавычками, которые выступают в качестве дополнительного маркера «чужой» культуры.

Таким образом, использование калек способствует освоению «чужой» лингвокультуры и сохранению художественно-эстетической и стилистической интенции писателя, позволяет сохранить в тексте перевода индивидуально-авторский реаликон, одновременно передавая содержательную и эстетическую функцию художественного произведения.

На уровне стилистики «чужими» элементами выступают окказионализмы (неологизмы), которые характерны для сказового стиля русских текстов. Приведем примеры ЛЕ, не зафиксированных французскими толковыми словарями, например:

Papinet, descend dîner ! [Platonov]

Отмечаем неологизм *papinet* (папашка), образованный с помощью уменьшительного суффикса *-et*.

– *On les a encrinés après la première fois. – Comment ? Excusez-nous, nous ne comprenons pas très bien ce que veut dire encriner ?* [Leskov]

В тексте перевода используется неологизм *encriner*, образованный на основе существительного *crin* (волос из гривы или хвоста) для реноминации неологизма *подцетинен*.

Подводя итог анализу элементов «чужой» лингвокультуры, отметим, что в некоторых случаях, описанных в частности Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, уместно оставить инокультурные вкрапления, прибегнув к дословному переводу (калькированию) с целью достижения особого стилистического (комического или

сатирического) эффекта и добавления в художественный текст национального колорита, например, при передаче речи иностранца [Vinay 1995: 276].

Таким образом, в переводном тексте элементы «чужой» лингвокультуры представлены на уровне лексики (варваризмы и реалии), на уровне морфологии (редупликация), на уровне фразеологии и паремиологии (кальки), на уровне стилистики (авторские неологизмы), на уровне фонетики (звуковые каламбуры, содержащие варваризмы, и примеры контаминированной речи). Выявленные элементы встречаются в текстах перевода спорадически, что позволяет говорить о компенсации большинства элементов «чужой» лингвокультуры в процессе реноминации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Проанализировав средства реноминации разговорно-просторечных единиц разных языковых уровней в переводных текстах и сравнив их с разговорно-просторечными единицами, использованными в текстах французских авторов, близким по сюжетно-жанровым характеристикам к сказу, мы пришли к следующим выводам.

1. Реноминация разговорно-просторечных единиц осуществляется в текстах перевода с помощью средств французского языка, используемых в процессе номинации разговорно-просторечных единиц в оригинальных французских текстах, близких по своей стилистике к жанру «сказ» или содержащих элементы сказового жанра. Однако их употребительность в переводном тексте по сравнению с французскими текстами оказывается различной, о чем свидетельствуют данные количественного анализа.

2. В процессе реноминации разговорно-просторечных единиц участвуют средства различных уровней:

- фонетические: элизия гласной в субъектных местоимениях первого и второго лица единственного числа; синкопа (выпадение гласной в середине слова); оноματοпея; графическая передача неправильного / растянутого произношения звуков через ошибочное написание слов и слоговую / звуковую парцелляцию; рифмованные контексты и фонетические каламбуры;

- морфологические: функциональная транспозиция, диминутивизация, абсолютная редупликация;
- синтаксические: опущение подлежащего *il* в безличных конструкциях; опущение первого компонента отрицания – частицы *ne*; субституция местоименных форм; различные типы сегментации и парцелляции; модальные частицы и междометия; прямой порядок слов в вопросительных предложениях; эллиптические предложения-реплики в диалогах; эмфатические конструкции и разговорные вопросительные конструкции; рассогласование глагола *être* с именной частью сказуемого во вводных конструкциях;
- лексические: эмоционально-окрашенные ЛЕ с функционально-стилистическими пометами: (*très*) *familier, populaire, vieilli, péjoratif, injurieux*;
- идиоматические: стилистически маркированные и немаркированные ФЕ и паремии, характерные для разговорной живой речи и включающие в свой состав разговорно-просторечные единицы;
- стилистические: тропы и фигуры, характерные для разговорной речи: эвфемизмы, разговорные метафоры, метонимии и синекдохи, сравнения, лексические и синтаксические повторы, тавтология, анафора и эпифора, плеоназм, лексические каламбуры.

3. Не отмечены в процессе реноминации некоторые приемы, используемые в произведениях французских авторов: приемы фонетического стяжения детерминативов и знаменательных слов; графическое маркирование связывания; ошибки в спряжении глаголов (отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым); неправильное согласование времен. Единичными следует признать случаи употребления регионализмов, диалектизмов, а также арготизмов, представленных исключительно категорией *argot commun*.

4. В переводном тексте были выделены контексты, содержащие реномированные формы «чужой» лингвокультуры. На уровне лексики «чужие» элементы представлены варваризмами (англицизмами, германизмами, тюркизмами), а также «чужими» реалиями; на уровне морфологии – кальками-редупликациями; на уровне идиоматики – калькированием фразеосинтаксических

схем, калькированием ФЕ (при достаточной мотивированности значений их компонентов), а также паремий и крылатых выражений (латинизмов); на уровне стилистики – авторскими окказионализмами; на уровне фонетики – звуковыми каламбурами, содержащими варваризмы, и примерами контаминированной речи.

5. Количество элементов «чужой» лингвокультуры в переводном тексте сказового жанра невелико, поэтому можно утверждать, что «чужое» сохраняется преимущественно на уровне сюжета и проблематики, тогда как на языковом уровне происходит адаптация к принимающей (французской) лингвокультуре и, при наличии «чужих» элементов, осуществляется их интеграция. Таким образом, переводной художественный текст как продукт реноминации и вторичная форма художественного творчества оказывается адаптирован к французскому сказовому нарративу.

ГЛАВА 3. КОМПЕНСАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ РЕНОМИНАЦИИ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫХ ЕДИНИЦ В ПЕРЕВОДАХ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ТЕКСТОВ СКАЗОВОГО ЖАНРА

В данной главе будут представлены результаты исследования стратегии реноминации разговорно-просторечных единиц во французском переводном тексте. При определении понятия «стратегия» мы принимаем во внимание многообразие определений и типологических характеристик данного термина [Алексеева 2019: 29; Комиссаров 1990: 195-200; Левый 1974: 47; Нестерова 2019b; Сдобников 2011: 172; Шлейермахер 2000; Bell 1998: 188; Chesterman 1997: 88; House 1997; Jääskeläinen 1993: 16; Krings 1986: 18; Lörscher 1991: 76; Nida 1964; Newmark 1988; Nord 1991; Venuti 1998: 240; Vinay 1995: 31].

Мы основываемся на мнении Н.К. Гарбовского, который интерпретирует стратегию как генеральную линию поведения переводчика, следующего выбранной концепции при преобразовании текста оригинала в текст перевода [Гарбовский 2004: 508]. С этой точки зрения стратегия перевода представляет собой программу переводческих действий, которая определяется социальной и культурной нормой – требованиями, которые предъявляются переводчику обществом и «варьируются от культуры к культуре, от эпохи к эпохе и от одного типа (жанра) текста к другому» [Швейцер 1988: 19]. Мы также разделяем мнение А.Д. Швейцера о том, что стратегию необходимо определять через функциональные доминанты текста [Там же: 57], поскольку «жанровая дифференциация текстов имеет непосредственное отношение [...] к переводческой стратегии» [Там же: 33].

Так как одной из функциональных доминант текстов сказового жанра выступают разговорно-просторечные элементы, то способы их реноминации можно рассматривать как конкретные проявления общей стратегии перевода. Связующим звеном между процессом реноминации и выбираемой стратегией является переводчик, который, будучи «субъектом реноминации» [Кретов 2011: 155], определяет адекватную стратегию и способы передачи «чужой» языковой действительности.

В процессе анализа было выявлено, что в основе реноминации разговорно-просторечных единиц в текстах жанра «сказ» лежит стратегия компенсации.

Несмотря на широкое распространение термина «компенсация» в лингвистике и в теории перевода, его трактовка остается неоднозначной. В этой связи возникает необходимость уточнить значение, в котором термин «компенсация» используется в нашей работе.

3.1 Компенсация и ее интерпретация в теории перевода

В отечественном и зарубежном переводоведении понятие компенсации традиционно рассматривается как один из приемов, способов, видов или методов переводческих трансформаций. Такой подход представлен в работах ведущих отечественных и зарубежных теоретиков перевода. В.Н. Комиссаров относит компенсацию к комплексным лексико-грамматическим трансформациям [Комиссаров 1990: 173], благодаря которым «элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» [Там же: 185].

Л.С. Бархударов определяет компенсацию как один из четырех типов переводческих трансформаций – замену, которая «применяется в тех случаях, когда определенные элементы текста на ИЯ (здесь и далее исходный язык. – Е.Л.) по той или иной причине не имеют эквивалентов в ПЯ (здесь и далее язык перевода. – Е.Л.) и не могут быть переданы его средствами» [Бархударов 1975: 219]. Для восполнения семантических потерь переводчик передает информацию «другим средством, причем не обязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» [Там же]. Согласно Л.С. Бархударову, компенсация «используется для передачи внутрilingвистических значений, характеризующих ИТ (здесь и далее исходный текст. – Е.Л.) – диалекты, индивидуальные особенности речи, каламбуры, игру слов, а также прагматические значения» [Там же: 221]. Данный прием, согласно мнению ученого, позволяет обеспечивать эквивалентность перевода «на уровне не отдельных элементов текста (в частности слов), а всего

переводимого текста в целом», доказывая, что «существуют непере译имые частности, но нет непере译имых текстов» [Там же].

А.В. Федоров указывает на то, что «возможность компенсаций (в другом месте или иными средствами)» [Федоров 2002: 301] снимает противоречие между невозможностью передать какой-либо особо трудный случай и общим принципом переводимости, «поскольку последний относится не к отдельно взятым моментам литературного произведения, а к этому произведению как целому» [Там же], благодаря возможности компенсации «утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может не ощущаться на фоне обширного целого, он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами, иногда и не заданными оригиналом» [Там же: 145].

А.Д. Швейцер пишет о том, что компенсация используется «при передаче ситуативной вариативности языка, одним из проявлений которой является варьирование ситуативных маркеров речи под влиянием меняющихся ролевых отношений между коммуникантами» [Швейцер 1988: 17], а также при переводе «таких сложнейших видов речевой деятельности, как словесная игра, которые в идеале требуют совмещения несовместимого – одновременной передачи «и буквы, и духа» текста» [Там же: 107]. Так, «каламбур или другой прием словесной игры переносится из одного фрагмента текста в другой, вместо каламбура используется другой стилистический прием, позволяющий создать сходный коммуникативный эффект» [Там же: 110].

И.С. Алексеева трактует компенсацию как одну из разновидностей переводческих трансформаций, различая позиционную (в другом месте текста) и разноуровневую (или качественную) компенсацию [Алексеева 2004: 168]. И.С. Алексеева отмечает широкие возможности компенсации «при переводе народной сказки, где ряд инвариантных признаков системы ее стиля: сказовый порядок слов, устойчивые эпитеты, беспредикатные структуры, архаично-просторечная лексика должны с достаточной степенью частотности наполнять текст, но не привязаны к конкретным словам. Поэтому при невозможности передать в данном месте

конкретное средство (например, беспредикатную структуру) предлагается разноуровневая компенсация, скажем, в виде сказового порядка слов» [Там же].

Р.К. Миньяр-Белоручев относит компенсацию к лексико-семантическому уровню переводческих трансформаций [Миньяр-Белоручев 1996: 99], рассматривая ее как прием, «восполняющий неизбежные семантические и стилистические потери средствами языка перевода, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике» [Там же: 197].

Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман относят компенсацию к стилистическим трансформациям, позволяющим, в частности, передать в ПТ (здесь и далее переводной текст. – Е.Л.) средства, приемы выразительности и идиоматику [Левицкая 1976].

Н.П. Серов и А.Б. Шевнин, так же как и В.Е. Щетинкин, причисляют прием компенсации к трансформациям на лексическом уровне [Серов 1979; Щетинкин 1987].

Трактовка компенсации зарубежными лингвистами схожа с трактовкой представителей отечественных школ. Так, П. Ньюмарк полагает, что компенсация возникает в том случае, когда потеря смысла, созвучия, метафорического или прагматического эффекта в одной части предложения компенсируется в другой его части или же в другом смежном предложении («compensation occurs when loss of meaning, sound – effect, metaphor or pragmatic effect in one part of a sentence is compensated in another part, or in a contiguous sentence») [Newmark 1988: 90], поэтому все каламбуры, аллитерации, рифмы, сленг, метафоры и слова со скрытым смыслом могут быть компенсированы при переводе («all puns, alliterations, rhyme, slang, metaphor and pregnant words can be compensated in translation») [ibid.: 114].

Согласно М. Бейкеру, прием компенсации позволяет опустить такие элементы, как идиомы, в месте их появления в ИТ и представить их в ином месте в ПТ («this {compensation} means that one may either omit dawn a feature such as idiomaticity to the point where it occurs in the source text and introduce it elsewhere in the target text») [Baker 2011: 78].

Э.-А. Гутт пишет о необходимости применения техники компенсации для достижения эквивалентности эффекта, производимого на читателей ИТ и ПТ [Gutt 1991: 48]. Исследователь, однако, признает сложности определения уровня данной эквивалентности, поскольку тогда встает вопрос о наличии какой-либо эмпирической основы для аргументации равнозначности производимого на аудиторию эффекта, кроме как собственно реакция переводчика на читаемый, а затем переводимый текст [ibid.]. Отметим, что психолингвистический эксперимент по выявлению степени эквивалентности впечатления, производимого на читателя ИТ и ПТ, проводился на примерах семантической синестезии в произведениях И.А. Бунина и их переводах на французский [Стернин 2018]. Э.-А. Гутт также задается вопросом: какая роль остается компенсации, если прагматический эффект ИТ «социально не приемлем в принимающей культуре?» [Gutt 1991: 48].

Согласно Э.-А. Гутту, компенсация имеет значение при определении единицы перевода. Исходя из того, что потери при переводе ИТ могут быть восполнены в любом месте ПТ, компенсация сдвигает внимание с установлений соответствий между словами и предложениями на более крупные единицы текста, что обуславливает холистический подход к переводу текста («text-holistic conception») [ibid.].

С. Херви и А. Хиггинс рассматривают компенсацию как технику возмещения потери важных элементов ИТ путём аппроксимации их эффектов в ПТ средствами, отличающимися от используемых в ИТ («the technique of making up for the translation loss of important ST features by approximating their effects in the TT through means other than those used in the ST») [Hervey 1992: 248]. Ученые различают четыре вида компенсации:

- компенсацию по типу («compensation in kind»), при которой в ПТ для воссоздания эффекта ИТ используются другие лингвистические средства;
- компенсацию по месту («compensation in place»), при которой эффект, используемый в ИТ, воссоздается в другом месте ПТ;
- компенсацию посредством слияния («compensation by merging»), при которой характерные элементы ИТ конденсируются (ужимаются) в ПТ;

- компенсацию посредством разделения («compensation by splitting»), при которой значение слова или выражения ИТ представляется в ПТ более развернуто [ibid.: 34-40].

Таким образом, компенсация в теории перевода представлена как один из трансформационных типов, направленный на восполнение переводческих потерь и заключающийся в возможности передачи одних единиц другими единицами не обязательно в том же месте, что и в исходном тексте. Компенсация используется в основном для передачи безэквивалентных единиц разных языковых уровней, обеспечивая эквивалентность не на уровне конкретно переводимого сегмента, а на уровне целого текста.

3.2 Компенсация и ее интерпретация в теории лакун

В рамках теории лакун компенсация рассматривается как один из приемов элиминирования «пробелов на «семантической карте» образов сознания (коммуникантов)» [Марковина 2006: 12], используемый в случаях, если нельзя сохранить лакуну и невозможно ее заполнить, то есть в случаях «культурологической безэквивалентности» [Там же: 22]. К компенсации прибегают, когда необходимо «максимально приблизить текст к инокультурному читателю и добиться воздействия, аналогичного тому, какое реализуется при взаимодействии читателя и оригинального текста» [Там же: 20]. При использовании квазиэквивалента в ходе компенсации «обеспечивается легкость понимания «чужого», причем понимания на уровне функционального аналога» [Там же: 21]. В теории лакун понятие компенсации строго отграничивается от понятия заполнения, которое заключается в сохранении «специфичности (чуждости) образа инокультурного сознания при попытке осмыслить факт его несходства со «своим» образом или же факт отсутствия аналогичного образа в «родном» сознании» [Там же: 14]. Компенсация же «не ведет к выработке нового знания, а лишь подменяет «чужое» – «своим», непонятное – понятным» [Там же: 21]. Компенсацию в теории лакун подразделяют на эксплицитную, имплицитную

[Там же: 21], культурологическую [Там же: 26], компенсацию-заимствование [Там же: 27] и диахронно-культурологическое заимствование [Там же: 28].

И.А. Стернин под компенсацией подразумевает заполнение лакуны «временными» средствами языка, то есть посредством свободных сочетаний или развернутых объяснений, утверждая, что существующая «практика общей переводимости любого текста на любой язык» являет собой «возможности компенсации любой лакуны» [Стернин 2009: 14].

Согласно Г.В. Быковой, компенсация лакуны является временной мерой, начальным этапом элиминирования. После фиксации лакуны может произойти или ее заполнение, или же лакуна останется «на уровне синтаксической объективации, на базе расчлененного описания» [Быкова 2003: 195].

Прием компенсации лакун находится в прямой зависимости от выбранной переводческой стратегии и реализуется при доминировании стратегии доместикации [Булгакова 2013: 7].

Таким образом, в лакунологии компенсация определяется как способ элиминирования лакуны путем использования в принимающем языке «своего» функционального аналога.

3.3 Компенсация как переводческая стратегия

В последние годы в работах ряда отечественных исследователей привлекается внимание к тому, что компенсация представляет собой явление не исключительно лингвистическое и не чисто переводоведческое, а универсальное, поскольку является свойством всех синергетических систем. Поэтому будет справедливым ее рассматривать как более широкое понятие, нежели конкретный переводческий прием, заключающийся в передаче одних единиц в функции других в том же или другом месте переводного текста или как способ элиминации лакун. Согласно точке зрения А.А. Кретьева и Н.А. Фененко, компенсация может рассматриваться как стратегия перевода, обусловленная способностью «языков и культур компенсировать недостаточность одной из своих сфер за счет других» [Фененко 2001: 89]. Она реализуется путем многочисленных и многообразных

форм и проявлений: языковых – внутриуровневых и межуровневых, полных и частичных, линейных и нелинейных, формальных и содержательных, а также внеязыковых – культурных и социокультурных [Там же: 94]. Таким образом, «компенсация» может рассматриваться в широком смысле, как стратегия перевода, то есть как ряд установок, которым следует переводчик, как общая / генеральная линия или программа переводческой деятельности, формирующаяся «на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации» [Сдобников 2011: 172].

Широкая трактовка компенсации отвечает всем критериям, которые характеризуют понятие «стратегия перевода»: переводить «смысл, а не букву оригинала» [Комиссаров 1990: 196]; уметь различать «более и менее важные элементы смысла» и стремиться «как можно полнее передать все содержание оригинала» [Там же: 197]; следовать постулатам, что «значение целого важнее значения отдельных частей, что можно пожертвовать отдельными деталями ради правильной передачи целого» [Там же: 198]; избегать «переводческий язык» (translate)» [Там же: 199], что влечет за собой правомерность использования «ряда технических приемов, нарушающих формальное подобие перевода оригиналу, но обеспечивающих достижение более высокого уровня эквивалентности» [Там же: 200] и полного соответствия перевода нормам ПЯ.

Термин «компенсация» мы будем использовать в его широком значении как стратегию реноминации разговорно-просторечных единиц в процессе перевода.

3.4. Способы реализации стратегии компенсации при переводе на французский язык текстов сказового жанра

Рассмотрим подробнее механизм реализации стратегии компенсации на примере способов реноминации разговорно-просторечных элементов в текстах сказового жанра. Используя в процессе анализа методику сопоставления текста оригинала и перевода, мы выделили следующие взаимосвязи процесса реноминации разговорно-просторечных единиц и стратегии компенсации.

3.4.1 Реноминация путем внутриуровневой компенсации

Данный тип реноминации заключается в том, что разговорно-просторечные единицы оригинала передаются разговорно-просторечными единицами текста перевода того же языкового уровня, ср., например:

... как на *глиняну* глыбу сорвался, упал, так на ней вниз как на салазках и скатился. [Лесков]

... *t'es tombé sur une grosse motte de glaise qui a descendu la pente à la manière d'un traîneau*. [Leskov]

Просторечное произношение *глиняну* реноминируется в другом месте текста перевода посредством элизии гласной *t'es*, в то время как просторечная единица текста оригинала заменяется сочетанием с нейтральной ЛЕ в тексте перевода (*de glaise*).

– *C eë снимешь...* [Зощенко]

Tu lui prends ça... [Zochtchenko]

Ошибочная форма личного местоимения *она* передается разговорной формой местоимения *ça*.

Помешался и лежит. [Ерофеев]

Mordu et raplapla. [Erofeiev]

ЛЕ *mordu* (помешанный) с пометой *familier* реноминирует разговорную ЛЕ *помешался*, а ЛЕ *rapplapla* (усталый, разбитый) с пометой *familier* реноминирует стилистически нейтральную ЛЕ *лежит*.

Хаты стояли, полные бездетной тишины... [Платонов]

Les chaumières s'alignaient, pleines du silence des enfants absents... [Platonov]

В данном контексте метафора текста перевода реноминирует метафору текста оригинала.

Далее рассмотрим примеры внутриуровневой реноминации ФЕ, в состав которых входит национально-культурный компонент. Передача именно этой категории зачастую вызывает наибольшие сложности, поскольку во внутренней форме фразеологизма отражаются нравы и обычаи народа, особенности его мировидения, проявляется национальный менталитет. Передача образности и

национально-культурной специфики ФЕ средствами другого языка является «делом весьма затруднительным, но принципиально возможным» [Василенко 2010: 18]. Переводчик оказывается перед выбором: сохранить культурную и национальную составляющую, а также исходный образ идиомы посредством калькирования, использовать ФЕ принимающего языка с заменой «чужого» национального образа на близкий для читателя, создать индивидуально-авторский фразеологизм-эквивалент или же прибегнуть к описательному переводу, сохранив, если возможно, стилистическую и экспрессивную разговорную окраску. Ср.:

A narсудья тоже нервный такой мужчина попался – прописал ижицу. [Зощенко]

Mais ils sont tombés sur un juge du peuple qui était un peu nerveux. Il leur a fait la leçon. [Zochtchenko]

Содержащаяся в ФЕ *прописать ижицу* ЛЕ *ижица*, последняя буква церковнославянской и старой русской азбуки [Толковый словарь Ожегова], представляет собой реалию, референт которой отсутствует в принимающей культуре. Однако поскольку в «концептосферах разных этнических сообществ больше сходства, чем в их языковых картинах мира, которым фразеологические обороты наряду с другими языковыми единицами придают национальную окраску» [Кравцов 2008: 188], передача данной разговорной, шутливой ФЕ становится возможной посредством стилистически нейтрального устойчивого сочетания *faire la leçon* (преподать урок).

A хозяин держится индифферентно – ваньку валяет. [Зощенко]

Or, le patron reste indifférent, il fait le clown. [Zochtchenko]

В данном примере ФЕ *валять ваньку* (1. притворяться глупым; 2. паясничать; 3. празднично проводить время) основана на детской забаве с игрушкой-неваляшкой, представляющей собой Иванушку-дурачка, классического героя русской волшебной сказки [Справочник по фразеологии]. В русской лингвокультуре Иван-дурак (имя которого в составе ФЕ пишется с маленькой буквы, как героя нарицательного) является прецедентным именем, которое известно носителям русской лингвокультуры по народным сказкам и представляет собой

«гипостазированную прецедентнообразную, составляющую концепта «глупость» [Воркачев 2017: 15]. Первое словарное значение ФЕ, которое отражено в данном контексте, основано на несуразности данного занятия для взрослого. За неимением референта в принимающей (французской) культуре, реноминация осуществляется при помощи ФЕ *faire le clown* (паясничать, строить из себя шута), имеющей значение «веселить, смешить других своим внешним видом и поведением» [CNRTL]. В данном случае из-за неполного совпадения семантических компонентов русской и французской ФЕ в ходе реноминации компонент *притворяться дураком* передается через компонент *дурачиться*, что не совсем точно отражает действия и намерения персонажа, но сохраняет образность и стилистику контекста.

Таким образом, реноминация путем внутриуровневой компенсации позволяет передать фонетические, лексические, грамматические, идиоматические и стилистические особенности разговорной речи средствами аналогичных языковых уровней принимающего языка в одном и том же или в разных частях контекста.

3.4.2 Реноминация путем межуровневой компенсации

Данный тип реноминации предполагает передачу разговорно-просторечных единиц текста оригинала разговорно-просторечными единицами текста перевода, относящимися к другому языковому уровню, например:

Номерки таперича по ногам хлопают. [Зощенко]

Ça y est, les numéros claquent contre les jambes. [Zochtchenko]

Компенсация осуществляется в разных частях одного контекста: разговорная ФЕ *ça y est* (готово, дело сделано) реноминирует разговорную стилистику текста оригинала, выраженную через ненормированное произношение ЛЕ *таперича*.

Да, да... [Ерофеев]

C'est vrai, quoi... [Erofeiev]

В данном примере реноминация лексического повтора осуществляется через безличное предложение *c'est vrai* (правда) и через постпозицию разговорной частицы *quoi* (же), усиливающую содержание предыдущего высказывания.

Ne gretz солнцу зимой против летнего, не видать ему век любви против того, как я любила... [Лесков]

«*Le soleil d'hiver est moins chaud que celui d'été, personne ne l'aimera jamais autant que moi*». [Leskov]

За счет ритма (*l'aimera / moi*) в тексте перевода осуществляется реноминация образного или народно-песенного синтаксического параллелизма, фигуры, использующейся для сравнения эмоционального состояния человека с явлениями природы и характерной для русского фольклора [Москвин 2007]. Ср. также:

Детишки-ребятишки на песочке резвятся. [Зощенко]

Ces chères têtes blondes s'amuse sur le sable. [Zochtchenko]

Синекдоха *têtes blondes* (светлые головы) и эпитет *chères* (милые) компенсирует приемы редупликации и диминутивизации: *детишки-ребятишки*.

Были выделены случаи, в которых отсутствие стилистических средств и приемов передается в тексте оригинала с помощью тропа:

Из всех деревенских вещей... [Платонов]

Parmi les choses des champs... [Platonov]

Метафора *choses des champs* (вещи полей) повышает выразительность текста, компенсируя нейтральный характер сочетания слов текста оригинала.

Рассмотрим примеры реноминации путем компенсации разговорно-просторечных синтаксических структур лексическими средствами, ср.:

Ринулся народ к дверям. [Зощенко]

Le populo s'est jeté sur les portes... [Zochtchenko]

А хозяев было трое. [Зощенко]

Or, il y avait trois amphitryons. [Zochtchenko]

В приведенных примерах ЛЕ *populo* (народ, толпа), имеющая в словаре пометы *populaire / familier*, а также ЛЕ *amphitryons* (амфитрион, радушный хозяин)

с пометой *familier* компенсируют стилистическую функцию инверсии текста оригинала.

Рассмотрим далее примеры реноминации с помощью фразеологических единиц.

– *Чего вы все ко мне пристали?* [Зощенко]

– *Pourquoi vous me cassez tous les pieds ?* [Зощенко]

ФЕ *casser les pieds* (надоедать, докучать) с пометой *familier* реноминирует разговорную ЛЕ *приставать*.

А денег у меня – кот наплакал. [Зощенко]

Or, comme argent, j'ai des clopinettes. [Zochtchenko]

ЛЕ *clopinettes* (ничегошеньки) с пометой *familier* реноминирует разговорную ФЕ *кот наплакал*.

Умывшись, на вторые сутки Захар Павлович явился снова. [Платонов]

Le lendemain, propre comme un sou neuf, Zakhar Pavlovitch reparut. [Platonov]

В данном примере устойчивое сочетание с национальным компонентом *propre comme un sou neuf* – чистый, как стеклышко (досл.: чистый как новый су – старинная денежная единица Франции), органично встраиваясь в условия контекста, реноминирует ЛЕ *умывшись*, которая лишена всякого оттенка идиоматичности. Таким образом, можно говорить о компенсации, в процессе которой «синонимичность идиомы слову в номинативном значении или переменному сочетанию» [Федоров 2002: 188] позволяет использовать ее в тексте перевода там, где в оригинале слово представлено без признаков идиоматики.

...а лежат лежат и спят. [Платонов]

...ils restent tout bonnement couchés et ils dorment. [Platonov]

Устойчивое сочетание *tout bonnement* (просто-напросто) передает плеоназм текста оригинала.

Таким образом, реноминация посредством межуровневой компенсации позволяет передать разговорную стилистику текста оригинала за счет разговорно-просторечных единиц другого языкового уровня в той же или в разных частях контекста текста перевода.

3.4.3 Реноминация путем комплексной компенсации

Данный тип реноминации осуществляется посредством воспроизведения разговорно-просторечных единиц в тексте оригинала разговорно-просторечными единицами нескольких языковых уровней в тексте перевода, например:

«Ну их, – думаю, – в болото». [Зощенко]

Qu'ils se noient dans leur purin ! dis-je. [Zochtchenko]

Метафорическое свободное сочетание *se noyer au purin* (утонуть в навозной жиже) реноминирует просторечное устойчивое сочетание. Восклицательное предложение текста перевода реноминирует повествовательное предложение текста оригинала, усиливая тем самым эмоциональность высказывания. Ср. также:

Пуцай ваш монтёр поёт. [Зощенко]

L'éclairagiste n'a qu'à chanter lui-même ! [Zochtchenko]

Ограничительный оборот «*ne...que*» на уровне синтаксиса осуществляет реноминацию разговорной частицы *пуцай*. Кроме того, повествовательное предложение оригинала реноминировано через восклицательную интонацию.

Не стоять же, – думаю, – над его душой. [Зощенко]

Enfin, pensai-je, je ne vais quand même pas l'emmerder éternellement ! [Zochtchenko]

Свободное сочетание *emmerder éternellement* (вечно надоедать, докучать до бесконечности), где ЛЕ *emmerder* дается в словаре с пометой *très familier*, реноминирует устойчивое разговорное сочетание *стоять над душой*, сохраняя стилистическую окраску контекста при утрате идиоматики. ЛЕ *enfin*, выполняющая здесь роль междометия с оттенком нетерпения говорящего, реноминирует частицу *же*. Отметим, что восклицательное предложение реноминирует повествовательное предложение текста оригинала.

Приведенные примеры подтверждают тенденцию, выявленную на материалах переводов художественных текстов: французскому разговорному синтаксису свойственно более частотное употребление эмотивных восклицательных предложений по сравнению с русским оригиналом [Фененко 2015а: 637].

Летось тетка Марья была порожняя, а дожжи были. [Платонов]

L'autre été la Maria était plate et il y a eu des pluies. [Platonov]

Несмотря на отсутствие передачи просторечного произношения ЛЕ *летось*, *дожжи*, текст перевода содержит другие разговорно-просторечные единицы: метафора *plate* (плоская) реноминирует ЛЕ *порожня* с пометой *областное* (в значении не беременная); определенный артикль в сочетании с именем собственным *la Maria* реноминирует разговорно-сниженную ЛЕ *тетка*.

А мне будто попала возжа под хвост. [Зощенко]

Mais moi, c'est comme si un taon m'avait piqué sous la queue. [Zochtchenko]

Окказиональное сравнение текста перевода (как если бы слепень укусил меня под хвост), основанное на метафоричном значении ЛЕ *taon* (слепень) как чего-либо надоедающего, донимающего, реноминирует разговорное устойчивое сочетание текста оригинала, описывающее раздраженное настроение человека. Отметим также местоименную репризу (*moi, me*), свойственную разговорной французской речи.

...у черта на куличках, у бороды на клине! [Ерофеев]

Au diable vauvert, au fin fond de l'enfer ! [Erofeiev]

На идиоматическом уровне реноминация первой части контекста происходит через полные семантические и стилистические эквиваленты *au diable vauvert* = *у черта на куличках*. ЛЕ *vauvert* входит только в состав рассматриваемой ФЕ, не имея самостоятельного употребления и не обладая самостоятельным значением вне ФЕ. Предположительно значение данной ЛЕ можно вывести из сочетания *aller au vert, se mettre au vert* (отправляться загород, в деревню) [CNRTL], что соответствует русской ЛЕ *кулички* – «болотистые, отдалённые, глухие места в лесу (которые, согласно народным поверьям, населены нечистой силой)» [Современный толковый словарь русского языка 2000]. Во второй части контекста словарная ФЕ *au fin fond de l'enfer* (досл. на самой глубине ада) реноминирует индивидуально-авторскую ФЕ *у бороды на клине*. Кроме того, в тексте перевода присутствует элемент фонетического уровня – рифма, отсутствующая в тексте оригинала, что, несомненно, усиливает экспрессивную составляющую фразеологизма.

– *Да и кошка, мол, тоже небольшая барыня.* [Лесков]

Une chatte, ce n'est pas une grosse légume non plus. [Leskov]

ФЕ *une grosse légume* (важная персона, начальство) с пометой *familier* реноминирует индивидуально-авторский фразеологизм *небольшая барыня*, содержащий культурно-исторический компонент, за счет чего осуществлена реноминация как на фразеологическом, так и на стилистическом уровне. Кроме того, в тексте перевода на синтаксическом уровне присутствует сегментация (*une chatte, ce*), тогда как в тексте оригинала разговорными единицами синтаксического уровня выступают частицы.

Как мы видим, передача ФЕ с культурным компонентом возможна, поскольку «закономерности образования идиом, отражение в их семантике реалий объективного мира, содержание культурной коннотации [...] являются универсальными, т.е. наблюдаемыми также и в других языках» [Зимин 2010: 77].

Похожую точку зрения высказывал Ю. Найда, говоря о том, что «различия в культуре создают меньше трудностей при переводе, чем можно было бы ожидать, поскольку все люди сознают, что другие народы могут иметь иной образ жизни» (цит. по: [Комиссаров 1990: 113]). Аналогичную точку зрения разделяют и сторонники интерпретативной теории перевода [Lederer 1994: 122-123].

Рассмотрим далее реноминацию путем комплексной компенсации пословиц и поговорок. Отметим социолингвистическое значение паремий, которое «проявляется в прямой отсылке к определенным референтам» [Балляр 2009: 43], в нашем примере – к предметам, отображающим житейскую крестьянскую повседневность, например:

Нечего тебе клюкву хотеть, когда морщиться не умеешь... [Платонов]

Quand on ne sait pas faire la grimace, pas la peine de demander du verjus... [Platonov]

В данном случае авторская пословица реноминируется семантической калькой с заменой реалии *клюква*, не типичной для флоры Франции, на близкую ей гастрономическую реалию *verjus* (кислый сок из незрелого винограда, кислое вино). Кроме того, во французском языке существует устойчивое сочетание *aigre*

comme verjus (кислый, как виноградный сок). Реноминация за счет «своей» реалии снимает непонимание у иностранного читателя, сохраняя при этом стилистическую и коммуникативную функцию паремии, разрешая, таким образом, так называемую переводческую дилемму: «или показать специфику и впасть в «экзотику», или сохранить привычность и утратить специфику» [Федоров 2002: 321]. Отметим, что разговорная стилистика в данном контексте полностью нашла отражение в тексте перевода: эллиптическая конструкция *pas la peine de demander*, где опущено подлежащее, сказуемое и первый компонент отрицания (ср. правильное *il n'y a pas la peine*), реноминирует разговорную ЛЕ *ничего*.

– *Что это, – говорит, – за шум, а драки нету?* [Зощенко]

– *Et quoi, dit-il, pourquoi ce tintouin, et pas de bagarre ?* [Zochtchenko]

Реноминация поговорки осуществляется посредством семантической кальки. Что касается реноминации разговорно-просторечных единиц, то в переводном тексте их больше, чем в тексте оригинала, что позволяет компенсировать их отсутствие в других частях текста: ЛЕ *tintouin* (беспокойство, хлопоты) с пометами *familier, vieilli*; ЛЕ *bagarre* (суматоха, потасовка, драка) с пометой *familier*; эллиптическое употребление вопросительного местоимения *quoi* и частицы *et*, представляющих синтаксические маркеры разговорной речи.

Рассмотрим далее примеры реноминации стилистических средств и приемов выразительности.

А меня вдруг стиснуло, как севрюгу... [Зощенко]

Quant à moi, j'ai été tout à coup comprimé comme une limande... [Zochtchenko]

В тексте перевода для реноминации сравнения используется замена реалии на более близкую французскому читателю *limande* (камбала), поскольку *севрюга* – это осетровая рыба, обитающая в водах Каспийского, Черного и Азовского морей [Большая российская энциклопедия]. На синтаксическом уровне используется сегментация и местоименная реприза (*quant à moi, j'ai*). Ср. также:

...и меня, сонного, удавят, как мальчика? Или зарежут, как девочку? [Ерофеев]

...et qu'on m'étranglera dans mon sommeil comme un Petit Poucet ? Ou qu'on m'égorgera comme le Chaperon Rouge ? [Ерофеев]

В данном примере сохраняется та же стилистическая фигура, что и в тексте оригинала – сравнение, однако вместо диминутивов *мальчик* и *девочка* используются реалии «своей» культуры – имена сказочных героев Ш. Перро *un Petit Poucet* (Мальчик-с-пальчик) и *le Chaperon Rouge* (Красная Шапочка). Так, за счет антономазии усиливается стилистическая выразительность текста перевода.

...вот какие глаза в мире чистогана... [Ерофеев]

...Voilà leurs yeux, là-bas, au pays du Fric-Roi ! [Ерофеев]

Перифраза *в мире чистогана*, описывающая капиталистические страны через ЛЕ *чистоган* (наличные деньги) с пометой *разговорное*, передается сочетанием перифразы *pays du Fric-Roi* (страна, где правят деньги), содержащей ЛЕ *fric* (деньги) с пометой *familier*, и рифмы (*là-bas – roi*).

Таким образом, реноминация посредством комплексной компенсации позволяет осуществлять передачу разговорно-просторечных единиц одного или нескольких языковых уровней текста оригинала через комбинацию разговорно-просторечных единиц разных языковых уровней.

3.4.4 Реноминация путем частичной компенсации

Данный тип реноминации заключается в частичной передаче разговорно-просторечных единиц в тексте перевода по отношению к тексту оригинала, например:

– Да то, ништ, весело! [Платонов]

Qu'est-ce qu'il pourrait y avoir drôle ? [Platonov]

ЛЕ *drôle* (забавный) с пометой *familier* реноминирует стилистически нейтральную ЛЕ *весело*. Однако в тексте перевода не нашли своего отражения разговорные частицы и просторечное произношение *ништ* (неужели). Отметим, что восклицательная интонация текста оригинала реноминируется вопросительным предложением.

Народу, даром что днём, много. [Зощенко]

Il y a pas mal de peuple, alors qu'il fait jour. [Zochtchenko]

В тексте оригинала присутствует разговорная форма окончания существительного в родительном падеже *народу* и союз *даром что* с пометой *разг.-сниженное*. Тогда как в тексте перевода – разговорное устойчивое сочетание *il y a pas mal de* (не мало) и соответствующее литературной норме выражение *il fait jour*.

Брось, – говорит, – и не ходи, настоящий вчера себе в нос пиявку ставил и теперь пресердитый... [Лесков]

«*N'y va pas, le supérieur s'est mis hier une sangsue dans le nez, il est mauvais comme tout aujourd'hui et ne te sera d'aucun secours...*» [Leskov]

В данном примере устойчивое сочетание, выражающее интенсивность совершаемого действия, *comme tout* (исключительно, крайне, чрезвычайно) с пометой *familier* реноминирует существительное *пресердитый* с префиксом *пре-*, отражающим высокую степень проявления признака. Отметим, что разговорная частица *брось* не нашла своего отражения в переводном тексте.

– *Да ради бога, медам.* [Лесков]

– *Mais comment donc, Mesdames.* [Leskov]

В тексте перевода присутствует только усиливающая восклицание частица *donc*. Однако остались неотраженными устойчивое разговорное сочетание, частица и просторечное произношение галлицизма *медам*, поскольку произошла деварваризация.

Я постучал еще графинчик... [Лесков]

Je commande le carafon... [Leskov]

В тексте перевода реноминирована метонимия *le carafon* (графин), однако метафора и диминутив (*постучать графинчик*) не получили своего отражения.

Рассмотрим случай передачи фразеологизма через антономазию:

– *Брось считать, что ты выше других...* [Ерофеев]

– *Cesse de faire le Byron...* [Erofeiev]

Индивидуально-авторский фразеологизм *faire le Byron* (вести себя как Байрон) очень удачно, на наш взгляд, реноминирует устойчивое сочетание *считать себя выше других*. Он органично встраивается в текст перевода, отражая

общую интертекстуальную стилистику произведения «Москва – Петушки», главный герой которого наряду с разговорными и просторечными выражениями зачастую использует аллюзии, отсылки к классическим произведениям, к известным авторам. Однако разговорная частица *брось* не нашла своего отражения в тексте перевода.

– *Вот так же и беднота!* [Платонов]

– *C'est pareil pour les va-nu-pieds !* [Platonov]

В данном контексте ЛЕ *va-nu-pieds* (голытьба) с пометой *péjoratif* реноминирует метонимию. Однако фразеосинтаксическая схема *вот так же и* не нашла своего отражения в тексте перевода.

...*вырвешься подышать свежей атмосферой...* [Зощенко]

Pour peu qu'on s'arrache de là par hasard pour respirer l'air frais... [Zochtchenko]

ЛЕ *s'arracher* с пометой *familier* реноминирует разговорную ЛЕ *вырвешься*. Однако катахреза *подышать атмосферой* осталась не отражена в тексте перевода, поскольку реноминация осуществлена через стилистически нейтральное сочетание *respirer l'air frais* (подышать свежим воздухом).

Необходимо отметить, что для сказовых текстов, принимая во внимание их сюжетные и жанровые особенности, характерно использование в речи героев устойчивых сочетаний с религиозным компонентом, которые не всегда находят свое отражение в тексте перевода:

...*а между тем стал я для всех барышников-цыганов все равно что Божия гроза...* [Лесков]

Cependant j'étais devenu la bête noire des maquignons tziganes... [Leskov]

Религиозный компонент устойчивого устаревшего сочетания *Божия гроза* остаётся не передан, поскольку реноминация осуществлена через устойчивое сочетание *la bête noire* (злой гений, предмет особой ненависти; досл.: черный зверь) с пометой *péjoratif* по аналогии с чувством отвращения, вызываемым некоторыми зверями [CNRTL]. Кроме того, в тексте перевода не отражены разговорные

компоненты текста оригинала: разговорная ЛЕ *барышников*, ошибочное падежное окончание *цыганов*. Ср. пример с передачей религиозного компонента:

– *Спаси, мол, Господу! Нет, я думаю, не обрадуется.* [Лесков]

– *Bien sûr que non. À Dieu ne plaise !* [Leskov]

В данном предложении немаркированное устойчивое сочетание *à Dieu ne plaise !* (боже упаси! ни в коем случае!) реноминирует разговорное устойчивое сочетание *спаси Господу!* Однако остается не отражена в тексте перевода разговорная частица *мол*.

Таким образом, в ходе реноминации путем частичной компенсации происходит сокращение реноминированных разговорно-просторечных единиц в тексте перевода. Тем не менее эти сокращения незначительны и не ведут к значительным экспрессивным потерям.

3.4.5 Реноминация путем стилистической нейтрализации

Реноминация путем стилистической нейтрализации с последующей компенсацией значения в других фрагментах текста представляет собой передачу разговорно-просторечных единиц текста оригинала единицами, не отклоняющимися от литературной нормы французского языка, например:

...а просто *фейверок*... [Лесков]

...c'est un simple *feu d'artifice*... [Leskov]

Нумо бандиты ? [Платонов]

Y aurait-il des bandits ? [Platonov]

В приведенных выше контекстах русское просторечное произношение передается через нормированное французское произношение.

Рассмотрим случаи реноминации разговорно-просторечных единиц единицами, не отклоняющимися от грамматической нормы.

... или что-нибудь из «*Цырюльника*». [Ерофеев]

...ou un morceau du *Barbier*. [Erofeiev]

Ошибочное написание гласной *ы* после *ц* не отражено в тексте перевода.

Но только оно не то что ночью, а и днем, знаете, не звонит. [Зощенко]

Mais voilà : non seulement il ne sonne pas la nuit, mais le jour non plus. [Zochtchenko]

Местоимение среднего рода *оно*, замещающее существительное мужского рода (телефон) передается правильной формой субъектного местоимения *il*.

– *Как не твоя: господа мне за нее пятьсот монетов дают.* [Лесков]

– *Ce n'est pas sûr : les messieurs m'en donnent cinq cents monnaies.* [Leskov]

Ошибочное окончание существительного в косвенном (родительном) падеже *монетов* реноминируется посредством правильной формы *monnaies*.

Отметим некоторые случаи передачи стилистически маркированных ЛЕ стилистически нейтральными единицами во французском тексте, например:

А он все с аглицкой, ученой точки берет и не поверил... [Лесков]

L'Anglais, qui prend tout du point de vue savant, ne me croit pas. [Leskov]

Нейтральная ЛЕ *l'Anglais* (англичанин) реноминирует устаревшую ЛЕ *аглицкой*.

Я в поезде давеча ехал... [Зощенко]

L'autre jour j'étais dans un train... [Zochtchenko]

Нейтральное выражение *l'autre jour* (недавно, на днях) реноминирует разговорно-сниженную ЛЕ *давеча*.

– *Не, боле никогда не буду...* [Платонов]

– *Non, je ne ferai plus...* [Platonov]

Предикатив *non* (нет) и отрицательные частицы *ne...plus* (больше не) реноминируют разговорную частицу *не* и разговорно-сниженную ЛЕ *боле*.

Были выделены также примеры передачи авторских окказионализмов через нейтральные по стилистической окраске ЛЕ, например:

– *У нас многодворье...* [Платонов]

– *C'est un village peuplé...* [Platonov]

Словосочетание *village peuplé* (населенная деревня) реноминирует ЛЕ *многодворье*.

Говори круглей? [Платонов]

Parle plus nettement ! [Platonov]

Стилистически нейтральная ЛЕ *nettement* (ясно) реноминирует разговорный неологизм ЛЕ *круглей*. Отметим, что реноминация вопросительного предложения осуществляется при помощи восклицательного предложения.

– *Подкоммунивать* пришел ? [Платонов]

– *Tu es venu nous **communiser**...* [Platonov]

Стилистически нейтральная ЛЕ *communiser* (проводить коммунизацию) реноминирует разговорный неологизм ЛЕ *подкоммунивать*.

Рассмотрим далее контексты, в которых произошла стилистическая нейтрализация текста перевода, поскольку в нем отсутствуют средства и приемы выразительности, присутствующие в тексте оригинала, а также разговорно-просторечные единицы других уровней.

– *Ну-с, а как же вы с князем-то своим за **выпущенных лебедей кончили**...* [Лесков]

«– *Et comment vous êtes-vous arrangé avec le prince au sujet des milliers de roubles dilapidés ?*» [Leskov]

Метафора *выпущенные лебеди* (потраченные рубли) и анаколүф (грамматическая несогласованность частей и членов предложения [Энциклопедический словарь-справочник... 2009: 35]) *как же вы...кончили* (в значении как вы решили) не находят своего отражения в тексте перевода.

*Слазь к **безначальному народу!*** [Платонов]

*Descends vers le **peuple anarchiste** !* [Platonov]

Метафора передается стилистически нейтральным словосочетанием *peuple anarchiste* (анархистский народ).

Действительно, очень красота... [Зощенко]

Effectivement c'est très beau... [Zochtchenko]

В этом примере анаколүф не отражен в грамматически верном и стилистически нейтральном контексте текста перевода.

Кроме того, были выделены случаи, когда во французском тексте разговорно-просторечные единицы были представлены на нескольких уровнях, однако в тексте перевода ни один из уровней не получил отражения, например:

Азията в веру приводить надо со страхом...потому что азият смирного Бога без угрозы ни за что не уважим и проповедников побьет. [Лесков]

Pour convertir un Asiatique il faut l'effrayer...attendu que les Asiatiques ne respecteront jamais un Dieu paisible, présenté sans menaces, et massacreront les prédicateurs. [Leskov]

В тексте оригинала используются просторечное произношение *азият* и ЛЕ *уважим* с пометой *просторечное*, однако в тексте перевода просторечная стилистическая окраска отсутствует. Ср. также:

...и как от Евгеньи Семеновны мне был лодиколонный пузырьчек рому к чаю выслан... [Лесков]

...et comme j'avais reçu d'Evguénia Sémionovna un flacon de rhum pour le thé... [Leskov]

В тексте оригинала отметим просторечное произношение *лодиколонный* непривычного для персонажа-крестьянина слова, являющегося французским заимствованием, и просторечное произнесение имени собственного, а также разговорное окончание существительного *-у* в родительном падеже, в тексте перевода какие-либо разговорно-просторечные элементы отсутствуют.

...а тот, как прыг на нее, на лебедушку, да и ну ее гонить... [Лесков]

...qui saute sur la belle et de la stimuler... [Leskov]

Разговорно-просторечные единицы в тексте оригинала представлены ошибочной формой глагола *гнать*, ЛЕ *прыг* с пометой *разговорное*, ЛЕ *лебедушка* с пометой *народнопоэтическое*. В переводном тексте разговорно-просторечные элементы отсутствуют, а на уровне синтаксиса отметим конструкцию «*et de + инфинитивное сказуемое*», которая является маркером литературного стиля. В результате реноминация произошла с изменением стилистики текста оригинала.

Рассмотрим способ передачи стилистически и функционально маркированных ФЕ в сочетании с разговорными элементами других языковых уровней через свободные немаркированные сочетания, например:

...а говорили слово по-нашему, слово по-татарски... [Лесков]

...ils parlaient un mélange de russe et de tartare... [Leskov]

Свободное сочетание *parler un mélange de* (говорить на смеси из) реноминирует устойчивое разговорное сочетание *говорить по-нашему*.

Идти так идти. [Ерофеев]

Puisqu'il faut y aller, allons-y. [Erofeiev]

Свободное сочетание слов передает фразеосинтаксическую схему текста оригинала.

Никого я к нему не посылал, а все только шел Христовым именем без грошика медного. [Лесков]

Je ne lui envoie personne, et je chemine vers Nikolaev en demandant la charité. [Leskov]

Стилистически нейтральный глагол *cheminer* (медленно и долго идти пешком) реноминирует важное для крестьянского мировоззрения понятие – надежду на помощь высших сил, отраженное в ФЕ *идти Христовым именем*. Таким образом, ни фразеологическая, ни стилистическая составляющие оказываются не переданы.

Примеры реноминации паремий через свободные сочетания слов также встречаются в нашем материале, поскольку «пословицы как продукт определённой культуры отражают мировоззрение разных народов по-разному», следовательно, паремиологические эквиваленты можно найти далеко не всегда [Балляр 2009: 45].

Рассмотрим примеры реноминации узуальных паремий, поскольку в проанализированном материале окказиональные паремии не реноминировались через свободные сочетания слов, что, несомненно, сохранило в тексте перевода художественно-стилистическое своеобразие сказа.

Bah ! Il sera toujours temps d'en parler. [Leskov]

Ну что там дело!..дело не медведь, в лес не убежит... [Лесков]

Свободное сочетание (досл.: об этом всегда будет время поговорить) передает измененную узуальную пословицу текста оригинала.

...nous n'avons plus qu'à souhaiter le succès de l'affaire. [Leskov]

...так дай бог твоими устами да нам мед пить. [Лесков]

Поговорка реноминируется свободным сочетанием (досл.: мы желаем лишь успеха в этом деле). Остается нереноминированным разговорное устойчивое сочетание *дай бог*, хотя во французском языке существует обширный ряд эквивалентов, например, *Dieu le veuille ! Plaise à Dieu ! À Dieu plaise !* Включая выражение с пометой *familier Dieu aidant !* [CNRTL].

Стоит отметить, что передача паремий путем идиоматической нейтрализации может оказаться не всегда удачной и, по словам Н.К. Гарбовского, даже опасной, так как «она затрагивает уже прагматический уровень единицы перевода» [Гарбовский 2004: 411], вследствие это происходит изменение степени воздействия на читателя, снижается коммуникативный эффект, что ведет в целом к трансформации эстетической функции высказывания. Известно, что «художественный текст структурируется в соответствии с мотивами и целью *эстетической деятельности*» [Пищальникова 2018: 290] (курсив наш. – Е.Л.). Наличие эстетической функции языка как ключевого отличия художественного произведения от любого другого речевого стиля, где эстетическая функция необязательна, подчеркивал, в частности, Р.А. Будагов, говоря, что язык художественной литературы всегда эстетически целенаправлен и эстетически «отработан» [Будагов 1967: 37]. Поэтому при передаче паремий целесообразно использовать другие реноминативные приемы: свои паремии или устойчивые сочетания слов. В случае невозможности найти подходящий эквивалент уместным приемом остается семантическое калькирование.

Рассмотренные выше стилистически нейтральные и неидиоматические способы реноминации представляют единичные случаи, что положительно сказывается на сохранении коммуникативно-эстетической функции художественного текста и не приводит к значимым стилистическим потерям при передаче разговорно-просторечных единиц, тем более что эти потери могут быть восполнены в другом месте текста, например:

– *Революция – рыск: не выйдет – почву вывернем и глину оставим, пусть кормятся любые сукины дети...* [Платонов]

La revolution, c'est le risque : si elle echoue, nous retournerons le sol pour ne laisser que l'argile ; que tous les salopard se débrouillent pour s'en nourrir... [Platonov]

Просторечное произношение *рыск* не отражено в тексте перевода, однако в том же контексте используются такие разговорные средства, как ограничительный оборот «*ne...que*», ЛЕ *se débrouiller* с пометой *familier*, которые реноминируют стилистически нейтральные единицы текста оригинала (*оставим, кормятся*).

3.4.6 Реноминация путем компенсации с изменением стилистической характеристики слова

В случае реноминации ЛЕ, имеющих одни пометы в тексте оригинала, посредством ЛЕ с другими пометами в тексте перевода происходит **компенсация** путем изменения **стилистической характеристики** разговорно-просторечной единицы. Например, единичные случаи использования диалектизмов в текстах перевода объясняются тем, что передача территориально-диалектальных особенностей речи персонажей в переводных текстах осуществлялась благодаря социальной функции диалектов [Федоров 2002: 283-285; Комиссаров 1990: 264-265]. Среди проанализированных текстов, в частности, диалектизмы воронежского областного говора используются в произведении А. Платонова для передачи колорита местности, создания эффекта достоверности и реальности происходящего [Буйлов 2019: 157]. В тексте перевода ЛЕ с пометами *областное* реноминировались посредством ЛЕ с пометой *vieilli*: *gueux* – лонтрыга, *garnements* – лупачи; с пометой *familier*: *cossard* – лежень; описательными стилистически нейтральными эквивалентами: *la grande route* – большак, *ribambelle de gens* – кагород.

Для обозначения принадлежности героя к крестьянской среде в текстах перевода используются ЛЕ с пометой *vieilli* (устаревшее), например:

Как же, – говорю, – слышал я про это, бабушка Федосья мне про это не раз сказывала. [Лесков]

Parbleu, que je dis, grand-mère Féodossia me l'a raconté plus d'une fois. [Leskov]

Междометие *parbleu* (чёрт возьми!; ещё бы!; ей-богу!) с пометой *vieilli* реноминирует разговорное устойчивое сочетание *как же*.

Изменение в процессе реноминации стилистической характеристики слова в сторону использования ЛЕ с пометой *vieilli* приводит к намеренной архаизации французского текста, которая поддерживается отсутствием в нем арготических единиц, свойственных современной французской разговорной речи. Таким образом, происходит компенсация стилистики «чужого» сказового жанра.

3.4.7 Реноминация единиц, репрезентирующих «чужую» лингвокультуру

Данный тип реноминации осуществляется путем внутритекстовой и затекстовой компенсации.

Внутритекстовая компенсация предполагает достижение уровня мотивированности значения слова или словосочетания, который будет понятным французскому читателю, например:

– *Tu vas prendre un coup de vieux, si tu en sais trop.* [Zochtchenko]

Реноминация пословицы «много будешь знать, скоро состаришься» осуществляется через калькирование семантики и «свое» устойчивое сочетание *prendre un coup de vieux* (постареть) с пометой *familier*. Стоит отметить, что во французском языке есть семантически эквивалентная поговорка, осуждающая любопытство: *la curiosité est un vilain défaut* (любопытство – гнусный порок). Однако в данном случае переводчик предпочел использовать кальку с русского языка как более образное стилистическое средство. Данная калька является понятной французскому читателю, поскольку семантика приведенной выше поговорки мотивирована входящими в ее состав элементами, а также поскольку во французском языке существуют если не идентичные, то схожие поговорки по лексическим компонентам и отражаемым в них моральным ценностям.

Затекстовая компенсация осуществляется через метатекстовую экспликацию, например:

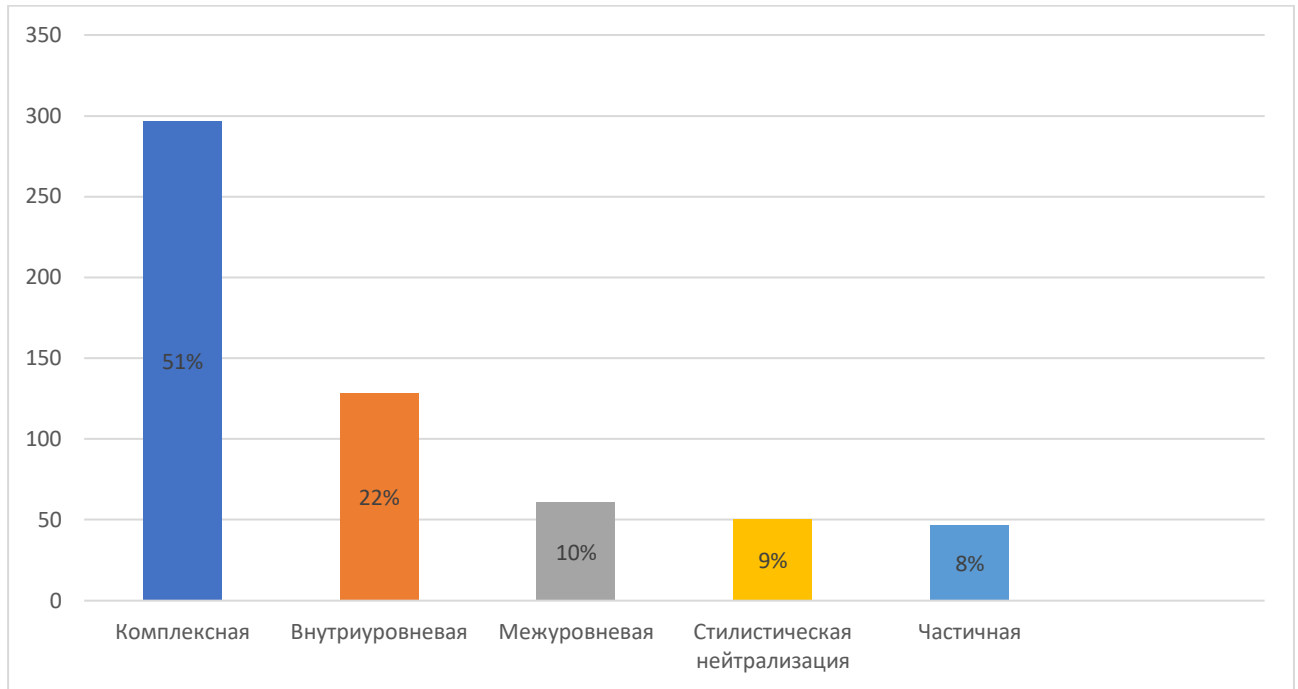
*Toi aussi vie de ton sac ? ** [Platonov]

Метафоричное устойчивое сочетание *жить с мешком* реноминируется через кальку *vivre de son sac* (досл.: жить за счет своего мешка), сопровождающуюся метатекстовой сноской: **on nomme porte «sac» (mechotchniki) les paysans qui revendaient à la ville les denrées qui y manquaient* (досл.: мешочниками называли крестьян, продающих городским жителям продовольственные товары). За счет затекстовой компенсации происходит сохранение идиоматичности и культурно-исторической составляющей фразеологизма.

Подводя итог анализу примеров, отметим, что компенсация выступает как «сложный комплексный феномен, имеющий различные как внутриуровневые, так и межуровневые формы» [Фененко 2015b], для достижения «комплексной (денотативной, коннотативной, эстетической, импрессивной) эквивалентности ИТ и ПТ» [Там же]. Проанализированные контексты позволяют сделать вывод, что компенсация как стратегия реализуется при переводе текстов с ярко выраженной национальной окраской, в частности при переводе текстов сказового жанра и при передаче разговорно-просторечных единиц, являющихся их типологизирующей чертой. За счет различных приемов компенсации переводной художественный текст органично и естественно отражает содержательную, стилистическую и идиоматическую сторону оригинала средствами принимающего языка.

Подводя итог, представим результаты количественного анализа особенностей проявления стратегии реноминации разговорно-просторечных единиц в текстах сказового жанра (см. Диаграмму 3, с. 165).

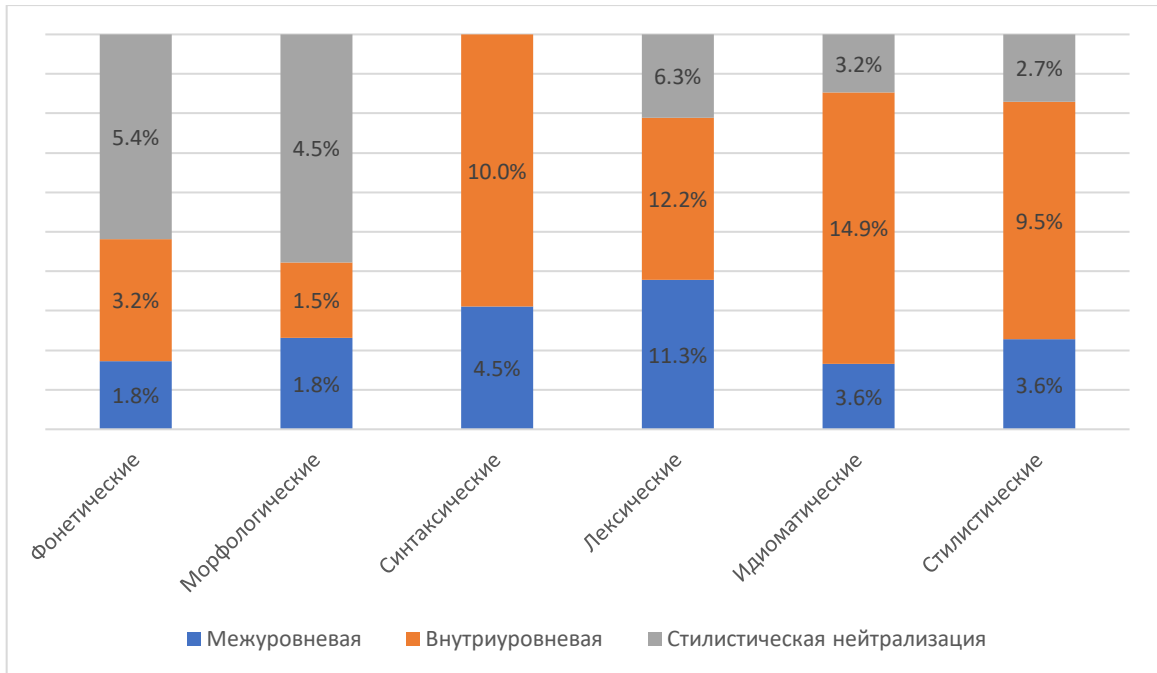
Диаграмма 3. – Особенности реализации стратегии компенсации

Отметим, что преобладающим способом реноминации разговорно-просторечных единиц является комплексная компенсация (297 контекстов), которая проявляется одновременно на нескольких / на всех языковых уровнях. Вторым по количеству примеров способом реноминации является внутриуровневая компенсация (128 контекстов). Далее располагается межуровневая компенсация (61 контекст) и компенсация путем стилистической нейтрализации с последующей внутритекстовой или затекстовой компенсацией (50 контекстов). Частичная компенсация составляет 47 контекстов.

Выделенные в главе 2 средства реноминации разговорно-просторечных единиц соотносятся с выделенными в главе 3 способами реализации стратегии компенсации (см. Диаграмму 4, с. 166).

Диаграмма 4. – Корреляция средств реноминации и способов реализации стратегии компенсации

В качестве элемента количественного анализа при построении диаграммы выступили отдельные разноуровневые разговорно-просторечные единицы, выбранные из проанализированных контекстов.

В диаграмме представлены только три способа компенсации: внутриуровневая, межуровневая и стилистическая нейтрализация, поскольку при анализе отдельно взятой разговорно-просторечной единицы не представляется возможным выявить комплексную и частичную компенсацию.

Внутриуровневая компенсация характерна для идиоматических, лексических, синтаксических и стилистических (тропы и фигуры) разговорно-просторечных единиц, поскольку они являются наиболее употребительными в переводных текстах (см. Диаграмму 1, с. 113). Межуровневая компенсация занимает промежуточное место между внутриуровневой компенсацией и компенсацией путем стилистической нейтрализации, реализуясь на всех уровнях языка, она используется в случае невозможности передать разговорно-просторечную единицу средствами «своего» языка аналогичного уровня. Компенсация путем стилистической нейтрализации типична для передачи единиц фонетического и морфологического уровней, которые занимают достаточно

скромное место в переводном тексте (см. Диаграмму 1, с. 113). Стилистическая нейтрализация не представлена на синтаксическом уровне, что можно объяснить значимостью экспрессивной функции синтаксических разговорно-просторечных средств как для переводного текста, так и для оригинальных текстов, близких по своей стилистике к сказовому жанру (см. Диаграмму 1 и 2, с. 113).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Под понятием «стратегия» отечественные и зарубежные ученые понимают некий набор установок и действий, которыми руководствуется переводчик, решая стоящие перед ним задачи. Выбор стратегии может варьироваться в зависимости как от внутрилингвистических факторов (жанровая принадлежность текста), так и экстралингвистических факторов (его коммуникативная функция, культурные и социальные нормы, коммуникативная ситуация). Несмотря на разнообразие трактовок термина «стратегия», практически все их можно свести к бинарным оппозициям.

2. Компенсация в лингвистике понимается как один из приемов, способов, видов или методов переводческих трансформаций, направленных на восполнение переводческих потерь, которые заключаются в возможности передачи функции одних единиц другими единицами, причем необязательно в том же месте, что и в тексте оригинала. Компенсация используется в основном для передачи безэквивалентных единиц разных языковых уровней, элиминирования различного типа лакун, обеспечивая эквивалентность не на уровне конкретно переводимого сегмента, а на уровне целого текста. В нашем исследовании компенсация понимается в широком смысле как стратегия перевода, которая предопределяет выбор того или иного средства реноминации.

3. Согласно результатам нашего исследования, реноминация осуществляется посредством реализации стратегии компенсации, обусловленной самой способностью языков восполнять отсутствие одних функций за счет других. Компенсация как стратегия реноминации может иметь различные формы проявления.

Применительно к проанализированному материалу самым частотным способом реноминации является реноминация посредством комплексной компенсации (51%). Это объясняется тем, что передача разговорно-просторечных единиц в переводном тексте носит синтетический характер, отражаясь сразу на всех языковых уровнях, усиливая таким образом экспрессивность переводного художественного текста. Вторым по количеству примеров является внутриуровневая компенсация (22%). Далее располагается межуровневая компенсация (10%). Компенсация путем стилистической нейтрализации с последующей компенсацией значения в других фрагментах текста составляет 9%. Частичная компенсация представлена 8% контекстов.

4. Средства реноминации разговорно-просторечных единиц коррелируют со способами реализации стратегии компенсации, что позволяет выявить механизм реноминации. Компенсация путем стилистической нейтрализации характерна преимущественно для морфологических и фонетических средств; внутриуровневая компенсация свойственна передаче идиоматических, лексических, синтаксических и стилистических (тропы и фигуры) средств. Реноминация единиц, репрезентирующих «чужую» лингвокультуру, носит внутриуровневый характер и осуществляется путем внутритекстовой и затекстовой компенсации. Сочетание всех типов компенсации обеспечивает достижение комплексной эквивалентности при передаче разговорно-просторечных единиц, функционирующих в текстах сказового жанра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании был выполнен весь комплекс намеченных задач, направленных на выявление механизма реноминации разговорно-просторечных единиц во французских переводах текстов сказового жанра.

В процессе анализа теории вопроса были выделены сложности и противоречия в определении и интерпретации учеными таких базовых для настоящего исследования понятий, как «разговорная», «просторечная» и «арготическая» лексика, отмечена неоднородность этих классов, размытость границ между ними, нечеткость сфер их использования. Выяснилось, что данные категории частично перекрывают друг друга, создавая условия для постепенного перехода лексики из категории просторечия в категорию разговорной речи и из категории разговорной речи в категорию немаркированной лексики. Кроме того, наблюдается расширение сферы употребления просторечия и разговорных элементов из-за более частотного использования стилистически сниженных единиц в произведениях художественной литературы XX века, где они, являясь концентратом типических черт живого разговорного языка, играют важную роль в речевой и социальной характеристике персонажей, создавая особую стилистическую и эстетическую окраску.

Было отмечено, что дискуссионными продолжают оставаться принципы лексикографической классификации разговорной лексики, которая отличается разнообразием словарных помет, не совпадающих в различных словарях. Вследствие этого мы сочли целесообразным ввести объединяющий термин **разговорно-просторечные единицы**, который позволил снять противоречия в трактовке терминов на начальном этапе исследования и корректно осуществить отбор материала на последующих этапах.

В исследовании было проведено обоснование привлечения к лингвистическому анализу текстов **сказового жанра**, выделен корпус переводов на французский язык сказовых произведений. Репрезентируя русскую ментальность в литературе, а также представляя собой своеобразное языковое ее воплощение в устной речи рассказчика, вышедшего из народа, которая изобилует

отклонениями от нормы на всех языковых уровнях, переводной текст сказового жанра является одним из каналов взаимодействия культур, через изучение которого можно определить степень адаптации «чужой» художественной культуры и степень интеграции «чужой» языковой культуры для читателя в картину мира «своей» культуры. Последнее тем более важно, что во французской литературной традиции жанр «сказ» не существует как самостоятельный: выделяются лишь произведения, представляющие собой «сказовую» стилизацию, содержащие отдельные «сказовые» элементы в прямой речи персонажей (преимущественно малообразованных сельских жителей). На основе подобных, относительно близких по стилистике к сказовому жанру произведений, можно проследить сходства и различия в использовании разговорно-просторечных средств в текстах, созданных французскими авторами, и в текстах, переведенных на французский язык. Такой подход был использован нами в процессе анализа материала.

Переводной художественный текст в настоящем исследовании рассматривался как продукт реноминации, то есть как самостоятельная художественная форма, являющаяся репрезентатом «чужой» картины мира, переданной с помощью «своих» языковых средств и интегрированная в литературное пространство принимающей лингвокультуры.

В качестве теоретической базы для практического анализа были использованы положения **теории реноминации**, которые позволили системно проанализировать способы и средства передачи в переводном тексте разговорно-просторечных единиц разных языковых уровней, а также выявить особенности интеграции и адаптации в «чужом» лингвокультурологическом универсуме «непереводимых», безэквивалентных единиц языка, которыми изобилуют сказовые произведения, будучи текстами высокой степени национальной окрашенности.

Сравнение используемых в текстах переводов средств реноминации разговорно-просторечных единиц разных языковых уровней с разговорно-просторечными средствами в оригинальных французских текстах, схожих тематикой и лингвистическим оформлением с жанром «сказ», позволило сделать

вывод, что на фонетическом, морфологическом, синтаксическом, фразеологическом, паремиологическом и стилистическом (тропы и фигуры) уровнях реноминация осуществляется за счет собственных средств французского языка и носит системный характер. Вместе с тем процентная доля средств реноминации разговорно-просторечных единиц в переводном тексте (с доминированием лексики и идиоматики) и средств их номинации во французских текстах (с доминированием фонетики и синтаксиса) существенно различается, что подтверждает сохранение национально-культурной специфики переводного текста, его связь с исходной лингвокультурой.

В переводном тексте были выделены примеры, содержащие реномированные формы «чужой» лингвокультуры, хотя их количество сравнительно невелико. Использование калек и «чужих» реалий в переводных текстах способствует освоению «чужой» лингвокультуры, сохранению художественно-эстетической интенции писателя и индивидуально-авторского реаликона, передает содержательную сторону, стилистику и национальный колорит сказового текста. Это дает основание утверждать, что в переводном тексте «чужое» сохраняется преимущественно на уровне сюжета и проблематики, тогда как на языковом уровне происходит адаптация к принимающей (французской) лингвокультуре и при наличии «чужих» элементов происходит их интеграция. Маркеры «чужой» лингвокультуры выявляются преимущественно на уровне лексики, стилистики, фразеологии и паремиологии, тогда как на уровне фонетики, морфологии и синтаксиса они присутствуют спорадически, что позволяет сделать вывод об их компенсации в процессе реноминации.

В ходе определения стратегии реноминации разговорно-просторечных единиц в переводах текстов жанра «сказ» было выявлено, что реноминация осуществляется путем **компенсации**, интерпретируемой в исследовании как **стратегия перевода** произведений сказового жанра.

Полученные в процессе исследования результаты позволяют констатировать, что во французском тексте реноминация разговорно-просторечных единиц, осуществляемая через реализацию стратегии компенсации, может иметь

различные проявления: реноминация путем внутриуровневой, межуровневой, комплексной, частичной компенсации, путем стилистической нейтрализации с последующей компенсацией значения в других фрагментах текста, а также путем изменения стилистической характеристики разговорно-просторечной ЛЕ.

В процессе анализа выявлены и более частные закономерности. Так, компенсация путем стилистической нейтрализации характерна преимущественно для морфологических и фонетических средств; внутриуровневая – для идиоматических, лексических, синтаксических, стилистических (тропы и фигуры) средств. Реноминация единиц, репрезентирующих «чужую» лингвокультуру, имеет преимущественно внутриуровневый характер и осуществляется путем внутритекстовой и затекстовой компенсации.

Таким образом, средства реноминации разговорно-просторечных единиц коррелируют с тем или иным способом компенсации. Эта корреляция и раскрывает механизм реноминации разговорно-просторечных единиц во французских переводах текстов сказового жанра.

Полученные результаты позволяют наметить перспективные **направления исследования**, к которым можно отнести:

- разработку нового подраздела стилистики – стилистика переводных художественных текстов;
- компаративный анализ русского и французского сказового нарратива с учетом идиостиля писателя и стратегии перевода;
- компаративный анализ этнических картин мира, основанный на изучении совокупности этнических ценностей и констант, выраженных в языке через разговорно-просторечные единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко А.А. Поэтика сказа в русской литературе 1970-2000-х годов : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Авраменко А.А. – М., 2008. – 214 с.
2. Алексеева Е.А. Переводческие текстовые стратегии / Е.А. Алексеева // Языковая картина мира: особенности вербализации и ревербализации: монография / Е.А. Алексеева, В.В. Корнева, О.Б. Полянчук и др. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 16–32.
3. Алексеева И.С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. фи-лол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – СПб. : СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 344 с.
5. Алферов А.В. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода / А.В. Алферов, Г.Е. Попова // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 69 – 71.
6. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Издание 2-е, доп. – М. : Либроком, 2010. – 216 с.
7. Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре / А.М. Бабкин // Современная русская лексикография. – Л. : Наука, 1977. – С. 4–19.
8. Бабушкин А.П. «Трое в лодке» Д.К. Джерома на русском языке: идиоматическое перенасыщение текста оригинала / А.П. Бабушкин // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – № 14. – С. 12–20.
9. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
10. Балляр М. Proverbe et traduction / М. Балляр // Вестник Московского университета. – Серия 22: Теория перевода. – 2009. – №2. – С. 38–63.

11. Баринова И.А. Перевод: диалектика первичности и вторичности / И.А. Баринова, Н.М. Нестерова // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2007. – № 1. – С.11–18.
12. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
13. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. – Собр. Соч. В 7 т. – М. : Русские словари, 2000. – Т. 2. – 800 с.
14. Безруков А.Н. Интертекстуальность как средство моделирования художественного текста: поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» : дисс. ... канд. фил. н. : 10.01.01 / А.Н. Безруков. – Бирск, 2004. – 211 с.
15. Богданова Н.В. Планка требований к слову падает или поднимается? / Н.В. Богданова // Вопросы культуры речи / отв. редактор А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – Вып. XI. – С. 9–17.
16. Богомолова М.В. Андрей Платонов в пространстве современной филологии (2000–2011) : библиографический обзор / М.В. Богомолова, Б.В. Доге // Вестник московского университета. – Сер. 9: Филология. – 2012. – № 1. – С. 165–183.
17. Бойчук Е.И. Разграничение анадиплосиса, эпаналепсиса и редупликации и особенности их функционирования (на материале французского романа XIX в.) / Е.И. Бойчук // Вестник Тамбовского университета. – Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 4 (132). – С. 105–110.
18. Бондалетов В.Д. Стилистика русского языка / В.Д. Бондалетов, С.С. Вартапетова, Э.Н. Кушлина и др. // под ред. Н.М. Шанского. – 2-е изд., дораб. – Л. : Просвещение : Ленингр. отделение, 1989. – 222 с.
19. Брыкина Н.Ф. Художественная картина мира в прозе Венедикта Ерофеева : автореф. дис.... канд. филол. н.: 10.01.01 / Н.Ф. Брыкина. – Волгоград, 2009. – 17 с.
20. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили / Р.А. Будагов. – Москва : Высшая школа, 1967. – 376 с.
21. Буженинов А.Э. Роль лексико-семантических трансформаций в выявлении особенностей национального менталитета России и Франции (на материале сказов П.П. Бажова и их переводов на французский язык) / А.Э.

Буженинов // Сопоставительная лингвистика. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. – №3. – С. 16–21.

22. Буженинов А.Э. Роль синтаксических трансформаций в выявлении особенностей национального менталитета России и Франции (на материале сказов П.П. Бажова и их переводов на французский язык) / А.Э. Буженинов // Казанская наука. – Казань : «Рашин Сайнс», 2010. – №9. – С. 472–475.

23. Буйлов В.В. Стилистическое использование форм народной этимологии, диалектной лексики и элементов сказа в речи персонажей повести Андрея Платонова «Котлован» / В.В. Буйлов // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве. – Курск : Юго-Западный университет, 2019. – С. 154–161.

24. Булгакова С.Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И.А. Бунина: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / С.Ю. Булгакова – Воронеж, 2013. – 24 с.

25. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г.В. Быкова. – Благовещенск : БГПУ, 2003. – 236 с.

26. Василенко А.П. Перевод русских образных фразеологизмов на французский язык (к вопросу о составлении русско-французского фразеологического словаря) / А.П. Василенко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 2. – С. 18–24.

27. Величкова Л.В. Системное исследование интонации: монография / Л. В. Величкова [и др.] ; под общ. Ред. Л.В. Величковой. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2013. – 191 с.

28. Веселова Н.А. Веничка, Веня, Венедикт Ерофеев: парадигма имени / Н.А. Веселова // Анализ одного произведения: «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева: сборник научных трудов. – Тверь : ТГУ, 2001. – Вып. 7. – URL: <https://www.e-reading.club/chapter.php/115312/14/analiz-odnogo-proizvedeniya-moskva-petushki-ven-erofeeva.html>.

29. Викулова Л.Г. Литературная сказка: социальная приуроченность жанра / Л.Г. Викулова // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 65–74.
30. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
31. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике / В.В. Виноградов // О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – Т. 5. – С. 42–54.
32. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М. : АН СССР, 1963. – 253 с.
33. Винокур Г.О. О языке художественной литературы : учеб. пособие для филол. спец. вузов / Г.О. Винокур // Сост. Т.Г. Винокур; предисл. В.П. Григорьева. – М. : Высшая Школа, 1991. – 448 с.
34. Винокур Т.Г. Нужна ли нормативному толковому словарю помета «просторечное»? / Т.Г. Винокур // Словарные категории: сб. ст. ; отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1988. – С. 139–145.
35. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Р. Валент. – 2006. – 342 с.
36. Воркачев С.Г. Язык и этническая ментальность: Иван-дурак как лингвокультурный герой / С.Г. Воркачев // Русский язык в поликультурном мире: В 2-х т. – Том 2. – Симферополь, 2017. – С. 14–20.
37. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Г. Гак. – 2-е изд., исправ. и доп. – М. : Высшая школа, 1986. – 220 с.
38. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник для вузов / Н.К. Гарбовский. – М. : МГУ, 2004. – 542 с.
39. Голубева-Монаткина Н.И. К проблеме сопоставления французского и русского просторечия / Н.И. Голубева-Монаткина // Разновидности городской устной речи: сб. научн. тр. – Москва : Наука, 1988. – С. 257–259.

40. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика : учеб. для педагогических университетов и гум. вузов / А.И. Горшков. – М. : АСТ: Астрель, 2006. – 367 с.

41. Гришаева Л.И. Анализ переводческих решений (на примере рассказа «Клятвопреступление» Людвига Тома) / Л.И. Гришаева, Е.Ю. Кузьминская // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 170–181.

42. Громова Т.Н. / Предисловие // Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Французско-русский словарь арго, просторечия и фамильяризов : справ. издание / Т.Н. Громова, Е.Ф. Гринева. – М. : Нестор Академик, 2012. – 1168 с.

43. Гулинов Д.Ю. Фразеологизмы, пословицы и афоризмы о вине и сыре как отражение национального характера французов / Д.Ю. Гулинов // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст: материалы Междунар. науч. конф. (Тяньцзиньский университет иностранных языков, 25 ноября 2017 г.). – Тяньцзинь, 2017. – С. 108–113.

44. Девкин В.Д. Проблемы немецкой разговорной речи (синтаксис и лексика): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Девкин В.Д. – М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1974. – 61 с.

45. Дмитриева Д.Д. Синтаксические средства выражения эмоциональности во французском языке / Д.Д. Дмитриева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 1 (22). – С. 61–64.

46. Довлатов С.Д. Переводные картинки: очерк / С.Д. Довлатов // Иностранная литература. – М., 1990. – №9. – URL: <http://www.sergeidovlatov.com>.

47. Долинин К.А. Стилистика французского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «иностр. яз.» / К.А. Долинин. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1987. – 303 с.

48. Дьячок М.Т. Русское просторечие как социолингвистическое явление / М.Т. Дьячок // Гуманитарные науки. – М., 2003. – Вып. 21. – С. 102–113.

49. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – Издание 2-е, испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2006. – 408 с.
50. Зализняк А.А. Тексты А. Платонова как лингвистический источник / А.А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды международной конференции «Диалог 2008». – М. : РГГУ, 2008. – С. 159–163.
51. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие / Е.А. Земская. – 5-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 241 с.
52. Зимин В.И. Основные подходы к изучению культурного содержания фразеологизмов русского языка / В.И. Зимин, А.П. Василенко // Русский язык в школе. – 2010. – № 2. – С. 58–63.
53. Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт / З. Кестер-Тома // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15–31.
54. Клоков В.Т. Регионализация французской речи во Франции. Ч. I / В.Т. Клоков // Известия Саратовского университета. – Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – Вып.1. – Т.10. – С. 22–30.
55. Ковалевская Е.Г. Избранное. 1963–1999 / под ред. д-ра филол. наук, проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь : СГУ, 2012. – 687 с.
56. Кожевникова Н.А. О типах повествования в советской прозе / Н.А. Кожевникова // Вопросы языка современной русской литературы. – М. : Наука, 1971. – С. 97–163.
57. Комиссаров В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты : учеб. для институтов и фак. иностр. яз. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
58. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения : учебное пособие / Б.О. Корман. – М. : Просвещение, 1972. – 113 с.
59. Корнева В.В. Семантические доминанты испанской языковой картины мира и проблемы перевода / В.В. Корнева // Языковая картина мира: особенности вербализации и ревербализации: монография / Е.А. Алексеева, В.В. Корнева, О.Б. Полянчук и др. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 33–71.

60. Котлярова Т.Я. Аналогово-когнитивная природа восприятия и понимания художественного текста / Т.Я. Котлярова, Л.А. Нефёдова // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности языковой личности: коллективная монография. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2017. – С. 181–207.
61. Кравцов С.М. Теоретические основы исследования русской и французской фразеологии: лингвокультурологический аспект : учебное пособие / С.М. Кравцов. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. – 107 с.
62. Кравцов С.М. Фразеология в контексте концептуального описания мира (на примере русского и французского языков) / С.М. Кравцов // Вестник СПбГУ. – Серия 9: Филология, Востоковедение, Журналистика. – 2008. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 184–189.
63. Красовская С.И. Художественная проза А.П. Платонова: жанры и жанровые процессы / С.И. Красовская. – Благовещенск : БГПУ, 2005. – 392 с.
64. Кретов А.А. Реноминация как проблема переводоведения / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 154–157.
65. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2000. – №5. – С. 63–91.
66. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.
67. Кустова Е.Ю. К интеракциональной теории французского междометия / Е.Ю. Кустова // Вестник РУДН. – Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – М., 2008. – №2. – С. 53–60.
68. Лаптева О.А. Устно-разговорная речь как явление литературного языка / О.А. Лаптева // Русский язык за рубежом. – М., 1976. – №2 (40). – С. 66–70.
69. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – Москва : Просвещение, 1977. – 224 с.

70. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкознание : избранные работы. – М., 1977. – С. 175–189. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-77a.htm>.
71. Левицкая Т.Р. Проблемы перевода: на материале современного английского языка / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. – М. : Международные отношения, 1976. – 208 с.
72. Левый И. Искусство перевода / И. Левый. — Москва : Прогресс, 1974. – 394 с.
73. Лежнев А.З. Проза Пушкина: опыт стилевого исследования / А.З. Лежнев. – 2-е изд. – Москва : Художественная литература, 1966. – 263 с.
74. Марковина И.Ю. Элиминирование лагун как действие социально–психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания» / И.Ю. Марковина // Вопросы психолингвистики. – Москва : Институт языкознания РАН, 2006. – № 3. – С. 12–34.
75. Марковина М.Ю. Культура и текст. Введение в лагунологию / Марковина М.Ю., Сорокин Ю.А. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
76. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы: фразеосинтаксические схемы : монография / В.Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону : ДОНИЗДАТ, 2019. – 268 с.
77. Меньшиков М.О. Художественная проповедь (XI том сочинений Лескова) / М.О. Меньшиков // Книжки Недели. – СПб., 1894. – № 2. – С. 164–166.
78. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода / Р.К. Миньяр-Белоручев. – Москва : Московский Лицей, 1996. – 208 с.
79. Михеев М.Ю. Андрей Платонов...И другие. Языки русской литературы XX века / М.Ю. Михеев. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 824 с.
80. Михеев М.Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки : монография – Москва : МГУ, 2003. – 406 с.
81. Михеев М.Ю. О поэтике Платонова и предпочтении метонимий метафорам / М.Ю. Михеев // Philologica. – Москва, 2012. – vol. 9, №21/23. – С. 205–217.

82. Михеев М.Ю. Сон, явь или утопия? Еще один комментарий к «Чевенгуру» Платонова / М.Ю. Михеев // Логос. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2001. – №1. – С. 55–86.

83. Михеев М.Ю. Стратегии перевода и отстранение в художественных текстах / М.Ю. Михеев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды международной конференции «Диалог 2006». – М. : РГГУ, 2006. – С. 394–398. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1989/mikheev.pdf>.

84. Михеева Н.Ф. Перспективы развития языка / Н.Ф. Михеева // Вестник МГЛУ. – Серия: Языкознание и литературоведение. – Москва : МГЛУ, 2014. – Вып. 24 (710). – С. 138–143.

85. Мокиенко В.М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. – Т.1. – С. 33–41.

86. Морен М.К. Стилистика французского языка / М.К. Морен, Н.Н. Тетеревникова. – Москва : Высшая школа, 1970. – 262 с.

87. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В.П. Москвин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 940 с.

88. Мущенко Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж : ВГУ, 1978. – 287 с.

89. Нелюбова Н.Ю. Некоторые особенности обозначения французской разговорной лексики в словарях разных лет / Н.Ю. Нелюбова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 6 (39). – Ч. 2. – С. 188–192.

90. Нестерова Н.М. Аффиксальные эмотивы в сказах П. Бажова и их перевод / Н.М. Нестерова, Е.А. Аристова, О.В. Протопопова // Вестник Пермского университета. – Серия: Российская и зарубежная филология. – 2019а. – Т.11, вып. 3. – С. 57–70.

91. Нестерова Н.М. Свое / чужое в переводе / Н.М. Нестерова // Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: Свое. Чужое.

Универсальное: сборник статей. – Серия: Теория и история языкознания. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019b. – С. 89–101.

92. Нефедова Л.А. От трансформации слов к репрезентации мысли: краткий анализ становления когнитивного подхода в лингвистической теории перевода / Л.А. Нефедова, И.Н. Ремхе // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – Серия: Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып. 88. – № 6 (335). – С. 32–34.

93. Николаев С.Г. Художественный перевод как акт создания нового текста в новом (ином) культурно-языковом пространстве / С.Г. Николаев // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2016. – Т. 1, №3. – С. 101–118.

94. Одинцов В.В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – Москва : Наука, 1980. – 263 с.

95. Орлов Г.А. К проблеме границ обиходно-бытовой и современной литературной разговорной речи / Г.А. Орлов // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 1981. – № 5. – С. 119–128.

96. Осьмухина О.Ю. Сказ / О.Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение. – Москва, 2007 – №4. – С. 236–237.

97. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 240 с.

98. Пиотровский Р.Г. Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис / Р.Г. Пиотровский. – Л., 1960. – 224 с.

99. Пищальникова В.А. Картина мира как междисциплинарное понятие и приемы ее моделирования / В.А. Пищальникова // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 13–19.

100. Пищальникова В.А. Понимание художественного текста как междисциплинарная проблема / В.А. Пищальникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 9 (801). – С. 275–291.

101. Пищальникова В.А. Этническая картина мира: проблемы терминологии описания / В.А. Пищальникова // Вестник Воронежского

государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – №2. – С. 6–11.

102. Полянчук О.Б. Когнитивные и семантические особенности фразеологизации комплексных знаков разного уровня / О.Б. Полянчук, А.Э Черникова // Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методологии исследования. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический институт, 2020. – Вып. 2(41)–С. 301–305.

103. Попова З.Д. Лакуны и концепты / З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.А. Стернина // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003. – С. 206–224.

104. Попович А. Проблемы художественного перевода /А. Попович // под общ. ред. и с предисл. П.М. Топера ; пер. со словац. И.А. Бернштейн, И. С. Чернявской; отв. ред. Н.А. Кондрашов. – М. : Высшая Школа, 1980. – 199 с.

105. Потапова Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 491 с.

106. Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова : монография / Т.Б. Радбиль. – 3-е изд. – М. : Флинта, 2017. – 116 с.

107. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: монография / Т.Б. Радбиль. – М. : МПГУ, 2006. – 320 с.

108. Райхштейн А.Д. Тексты лекций по фразеологии современного немецкого языка: Вопр. фразеол. семантики / А.Д. Райхштейн. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1981. – 77 с.

109. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – 3-е изд., стер. – М. : Р. Валент, 2007. – 241 с.

110. Санджи-Гаряева З.С. Андрей Платонов и официальный язык / З.С. Санджи-Гаряева // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 2004. – № 1. – С. 118–132.

111. Свиридонова В.П. / Предисловие // Словарь современной разговорной лексики французского языка (на материале художественной литературы и прессы) / В.П. Свиридонова. – Волгоград : ВолГУ, 2010. – 668 с.

112. Свиридонова В.П. Язык молодежи в современной Франции / В.П. Свиридонова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2005. – №4. – С.157–160.

113. Сдобников В.В. Стратегия перевода: общее определение / В.В. Сдобников // Вестник ИГЛУ. – 2011. – №1. – С. 165–172.

114. Сейфрид Т. Писать против материи: о языке «Котлована» Андрея Платонова / Т. Сейфрид // Андрей Платонов. Мир творчества: сб. статей. – М. : Сов. Писатель, 1994. – Т. II. – С. 303–319.

115. Серов Н.П. Теория и практика перевода / The theory and practice of translation : (на англ. яз.) : пособие для студентов / Н.П. Серов, А.Б. Шевнин. – Элиста : КГУ, 1979. – 124 с.

116. Сидоренко М.И. Фразеологическое значение и толкование значения фразеологизмов в словарях (на материале русской идиоматики) / М.И. Сидоренко // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск : Наука и техника, 1987. – С. 90–93.

117. Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь: пособие для учителя / О.Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1983. – 80 с.

118. Скабичевский А. Чем отличается направление в искусстве от партийности (По поводу сочинений г. Н.С. Лескова) // Северный вестник. – СПб, 1891. – №4. – С. 283–298. – URL:https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12050059?rotate=0&theme=black&page=291.

119. Складаревская Г.Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) / Г.Н. Складаревская, И.Н. Шмелева // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М. : Наука, 1974. – С. 91–95.

120. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / Ю.М. Скребнев. – Саратов : СГУ, 1985. – 210 с.

121. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики : учеб. пособие для студентов и аспирантов филол. специальностей / Ю.М. Скребнев. – Горький : Горьковский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н.А. Добролюбова, 1975. – 175 с.
122. Сорокин Ю.С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского литературного языка / Ю.С. Сорокин // Вопросы Языкознания. – Москва : Наука, 1967. – № 5. – С. 22–32.
123. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской) : учебное пособие / Ю.С. Степанов. – Изд. 3-е, стереотипное – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 360 с.
124. Стернин И.А. Импрессивная эквивалентность текста и языковое сознание носителей языка / И.А.Стернин, Н.А.Фененко // Вопросы психолингвистики. – Москва : Институт языкознания РАН, 2018. – №38. – С. 72–81.
125. Стернин И.А. Лакуны и их описание / Г.В. Быкова, В.Л. Фраер // Лакуны русского языка : словарь. – Благовещенск : ПКИ «Зея», 2009. – 270 с.
126. Стернин И.А. Мифология языка А. Платонова / И.А. Стернин // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж, 1999. – Вып. 13. – С. 248–252.
127. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск : [б.и.], 1999. – 448 с.
128. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: монография / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
129. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово / Slovo, 2008. – 334 с. – URL: <http://regionalstudies.ru/>.
130. Турбина О.А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий / А.О. Турбина // Вестник ЮУрГУ. – Серия: Лингвистика. – Челябинск, 2013. – №2. – С. 4–9.
131. Тынянов Ю.Н. Поэтика. Теория литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 576 с.

132. Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем / А.И. Фаресов. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1904. – 411 с.

133. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков : учеб. пособие. – 5-е изд. – М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.

134. Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики / А.В. Федоров. – М. : Наука, 1974. – 210 с.

135. Фененко Н.А. «Непереводимый» Зошченко в переводе на французский язык / Н.А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2006. – Вып. 7, ч. 1. – С. 124–131.

136. Фененко Н.А. Компенсация как категория переводоведения / Н.А. Фененко, А.А. Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №2. – С. 89–94.

137. Фененко Н.А. Переводоведение: проблемы и решения / Н.А. Фененко, А.А. Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2002. – № 1. – С. 61–65.

138. Фененко Н.А. Роль компенсации в процессе перевода просторечно – диалектной лексики / Н.А. Фененко // Русский язык и культура в зеркале перевода : V Юбилейная межд. науч. конф. – Москва : ВШП МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015а. – С. 632–641.

139. Фененко Н.А. Русское просторечие во французских переводах произведений И.А. Бунина / Н.А.Фененко, С.Ю. Булгакова // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно–строительного университета. – Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2015b. – № 4. – С. 143–150.

140. Фененко Н.А. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / Н.А. Фененко, А.А. Кретов, С.Ю. Булгакова и др. // Под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретьова. – Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.

141. Химик В.В. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии / В.В. Химик // XLIII Международная филологическая конференция (11–16 марта 2014 года) : Избранные труды. – СПб : СПбГУ, 2015. – С. 460–471. – URL: <http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/himik.pdf>.
142. Хованская З.И. Стилистика французского языка / З.И. Хованская. – М. : Высшая Школа, 1984. – 344 с.
143. Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н.В. Хорошева // Вестник Пермского университета. – Серия: Российская и зарубежная филология. – Пермь : ПГУ, 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32–36.
144. Чудакова М.О. Веничка Ерофеев / П. Вайль // Радио Свобода. – 2011. 24 мая. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24204535.html>.
145. Шанский Н.М. Фразеология современного английского языка / Н.М. Шанский. – СПб. : Специальная Литература, 1996. – 192 с.
146. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2003. – 378 с.
147. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер ; отв. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Наука, 1988. – 214 с.
148. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи / Н.А. Шигаревская. – Л. : ЛГУ им. А.А. Жданова, 1970. – 215 с.
149. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / Ф. Шлейермахер // Вестник МГУ. – Серия 9: Филология. – М., 2000. – №2. – С. 127–145.
150. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – 188 с.
151. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский / В.Е. Щетинкин. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.
152. Эйхенбаум Б. Лесков и современная проза / Б. Эйхенбаум // О литературе. – М., 1987. – С. 409–424.
153. Эйхенбаум Б.М. Сквозь литературу: сборник статей / Б.М. Эйхенбаум. – Ленинград : Academia, 1924. – 279 с.

154. Электронная база IdRef (Identifiants et Référentiels) / Zošenko, Mihail Mihailovič. – URL: <http://www.idref.fr/029935563>.
155. Эткинд Е. Несколько замечаний по поводу перевода лесковской прозы на иностранные языки / Е. Эткинд // *Revue des études slaves*. – 1986. – vol. 58, № 3. – С. 413–418. URL: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1986_num_58_3_5567.
156. Abecassis M. The Representation of Parisian Speech in the Cinema of the 1930s / M. Abecassis. – Bern : Peter Lang AG, 2005. – 417 p.
157. Anscombe J.-C. Présentation. La parole proverbiale / J.-C. Anscombe // *Langages*. – 2000. – №139. – P. 3–5.
158. Antoine G. La stylistique française, sa définition, ses buts, ses méthodes. – Paris : Revue de l'enseignement supérieur, 1969. – №1. – P. 42–60.
159. Ardin T.A. Les particularités stylistiques de la langue littéraire d'Andreï Platonov : Thèse de doctorat : Etudes slaves / T.A. Ardin. – Grenoble : l'Université Stendhal, 1991. – 367 p.
160. Baehr R. «Univers et terroir» dans Colas Breugnon de Romain Rolland : texte de la conférence / R. Baehr // Association Romain Rolland. Étude rollandienne. – 1999. – № 11. – 19 p.
161. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation / M. Baker. – 2nd ed. [First edition published in 1992]. – New York : Routledge, 2011. – 317 p.
162. Bally Ch. Traité de stylistique française / Ch. Bally. – seconde édition. – Paris : Klincksieck, 1951. – Vol. 1. – 334 p.
163. Bauche H. Le langage populaire / H. Bauche. – Paris : Payot, 1920. – 290 p.
164. Bell R.T. Psychological/cognitive approaches / R.T. Bell // *Routledge encyclopedia of translation studies*. – London & New York : Routledge, 1998. – P. 185–190.
165. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale / É. Benvéniste. – Paris : éditions Gallimard, 1966. – Tome I. – 356 p.
166. Blanche-Benveniste C. Approches de la langue parlée en français / C. Blanche-Benveniste. – Paris : Ophrys, 2000. – 165 p.
167. Blanche-Benveniste C. Le Français parlé / C. Blanche-Benveniste, C. Jeanjean. – Paris : Didier, 1987. – 264 p.

168. Bloy L. *Je m'accuse...* / L. Bloy. – Paris : La maison d'art, 1900. – 181 p. – URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Je_m'accuse.../Texte_entier.
169. Boulenger J. *Rabelais à travers les âges* / J. Boulenger. – Paris : Le Divan, 1925. – 244 p.
170. Bruneau Ch. *La stylistique* / Ch. Bruneau // *Romance Philology*. – Turnhout : Brepols, 1951. – vol. 5. – P. 1–14.
171. Bulot T. *Les parlers jeunes et la mémoire sociolinguistique. Questionnement sur l'urbanité langagière* / T. Bulot // *Les parlers jeunes, pratiques urbaines et sociales. Cahiers de Sociolinguistique*. – Rennes : Presses Universitaires, 2004. – №9. – P.133–146.
172. Butler A.S.G. *Les parlers dialectaux et populaires dans l'œuvre de Guy de Maupassant* / A.S.G. Butler. – Paris : Minard, 1962. – 202 p.
173. Canault M. *La phonétique articulatoire du français* / M. Canault. – Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur, 2017. – 160 p.
174. Cardonnel Le G. *Tablettes: Mort à credit par Louis-Ferdinand Céline et Faubourg Saint-Antoine par Tristan Rémy* / G. Le Cardonnel // *Le Journal*. – Paris, 1936. – № 15945. – 14 juin. – P. 6. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7634606g/f6.image.double>.
175. Céline L.-F. «Rabelais, il a raté son coup» / L.-F. Céline // Paris : L'Équipement de la Pensée, 1994. – 39 p.
176. Chandler R. *Translating Soul* / R. Chandler // *In Other Words : The Journal for Literary Translators*. – 2002. – № 20. – P. 9–14.
177. Chesterman A. *Memes of translation: the spread of ideas in translation theory* / A. Chesterman. – Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 1997. – 219 p.
178. Corbin P. *Le monde étrange des dictionnaires : les «marques d'usage» dans le Micro-Robert* / P. Corbin, D. Corbin // *Bulletin du Centre d'analyse du discours: Synonymies*. – Université de Lille III : Publisher Presses Universitaires du Septentrion, 1980. – №4. – P. 237–324.
179. Corbin P. *Les marques stylistiques / diastratiques dans le dictionnaire monolingue* / P. Corbin // *Wörterbücher : ein internationales Handbuch zur Lexikographi*. – Berlin & New York : Walter de Gruyter, 1989. – Tome 1. – P. 673–680.

180. Cressot M. Le style et ses techniques / M. Cressot. – Paris : Presses Universitaires de France, 1996. – 328 p.
181. Davidenkoff M. Préface // Contes de la vie de tous les jours : nouvelles satiriques soviétiques des années 1920 / M. Zochtchenko ; traduit du russe par M. Davidenkoff . – Montricher (Suisse) : Les éditions Noir sur Blanc, 1987. – 150 p.
182. Delville C. Les Cent Contes drôlatiques d'Honoré de Balzac : une écriture des limites / C. Delville // Sciences humaines combinées. – 2010. – №5. – URL: <http://preo.u-bourgogne.fr/shc/index.php?Id=184>.
183. Devolder L.-L. Langue et registre(s) : illustration par l'indice d'usage familial : thèse de doctorat / L.-L. Devolder. – Paris, 2007. – 384 p.
184. Еекман Th. Об источниках и типах стиля Н. С. Лескова / Th. Еекман // Revue des études slaves : Nikolaj Semenovič Leskov, sous la direction de Jean-Claude Marcadé. – Tome 58, fascicule 3. – 1986. – P. 293–306. – URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1986_num_58_3_5556.
185. Eloy J.-M. A la recherche du français populaire / J.-M. Eloy // Langage et société. – 1985. – №31. – P. 7–38. – URL: http://www.persee.fr/doc/lsoc_0181-4095_1985_num_31_1_2014.
186. Fludernik M. Conversational Narration – Oral Narration / M. Fludernik // Handbook of Narratology. – Berlin : Walter de Gruyter, 2009. – 477 p.
187. France R. Mikhail Zoshchenko's «Michel Siniagin»: a critical study and translation : Doctoral thesis / R. France. – University of Glasgow, 2001. – 292 p.
188. François D. Français parlé: analyse des unités phoniques et significatives d'un corpus recueilli dans la région parisienne / D. François. – Paris : S.E.L.A.F., 1974. – 842 p.
189. François D. La littérature en argot et l'argot dans la littérature / D. François // Communication et langages. – 1975. – №27. – P. 5–27. – URL: http://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1975_num_27_1_4224.
190. François D. Le langage populaire / D. François // Histoire de la langue française 1880–1914. – Paris : CNRS Éditions, 1999. – P. 295–327. – URL: <http://books.openedition.org/editionscnrs/9271>.

191. Frei H. La grammaire des fautes / H. Frei. – Genève : Slatkine Reprints, 1972. – 317 p.
192. Gadet F. «Français populaire» : un classificateur déclassant ? / F. Gadet // Marges linguistiques. – Saint-Chamas : M.L.M.S, 2003a. – № 6. – P. 103–115. – URL: http://asl.univ-montp3.fr/e41slym/Francoise_Gadet_Le_francais_populaire_2003.pdf.
193. Gadet F. «Français populaire» : un concept douteux pour un objet évanescent / F. Gadet // Ville-École-Intégration Enjeux. – 2002. – №130. – P. 40–50.
194. Gadet F. La variation: le français dans l'espace social, regional et international / F. Gadet // Le grand livre de la langue française. – Paris : Seuil, 2003b. – P. 91–152.
195. Gadet F. Le français populaire / F. Gadet. – Paris : P.U.F. – 1992. – 127 p.
196. Gadet F. Simple, le français populaire ? / F. Gadet // Ces langues que l'on dit simple. – Paris : Université Paris Nanterre, 1991. – № 25. – P. 63–78. – URL: https://www.persee.fr/doc/linx_0246-8743_1991_num_25_2_1227.
197. Géry C. La création verbale dans le Skaz, conte oral populaire, de N. S. Leskov : Thèse de doctorat / C. Géry. – Lyon 3, 1997. – 544 p.
198. Géry C. La création verbale dans le skaz de N. S. Leskov / C. Géry // Revue des Études Slaves. – Paris, 1998. – №70, 1. – P. 261–270. – URL: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1998_num_70_1_6499.
199. Géry C. Préface // Le gaucher : et autres récits / N. Leskov. – Lausanne : L'Age d'homme, 2002. – 284 p.
200. Girardin Ch. Système des marques et connotations sociales dans quelques dictionnaires culturels français / Ch. Girardin // Lexicographica. – 1987. – №3. – P. 76–102.
201. Glatigny M. Les marques d'usage dans les dictionnaires français monolingues du xixe siècle: jugements portés sur un échantillon de mots et d'emplois par les principaux lexicographes / M. Glatigny. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1998. – 399 p.
202. Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités / J.-P. Goudaillier // La linguistique. – №1. – vol. 38. – Paris : Presses Universitaires de France, 2002. – P. 5–24.

203. Grevisse M. *Le bon usage* / M. Grevisse, A. Goosse. – Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur, 2016. – 1760 p.
204. Guiraud P. *Le français populaire* / P. Guiraud. – Paris : P.U.F, 1965. – №1172. – 117 p.
205. Gutt E.-A. *Translation and relevance: Cognition and context* / E.-A. Gutt. – Oxford : Blackwell. – 1991. – 222 p.
206. Hausmann F.J. *Die Markierung im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch: eine Übersicht* / F.J. Hausmann // *Wörterbücher : ein internationales Handbuch zur Lexikographi*. – Berlin : Walter de Gruyter, 1989. – 1 Bd. – S. 649–657.
207. Hervey S. *Thinking Translation: A Course in Translation Method: French to English* / S. Hervey, I. Higgins. – London : Routledge, 1992. – 272 p.
208. Hicks J. *Mikhail Zoshchenko and the poetics of «Skaz» : Doctoral thesis* / J. Hicks. – University of London, 2000.
209. Hodel R. *Betrachtungen zum «skaz» bei N.S. Leskov und Dragoslav Mihailović* / R. Hodel. – Universität Bern, 1992.
210. Horak A. *Le jargon «paysan» dans la littérature* / A. Horak // *AnMal Electrónica*. – 2006. – №19. – P. 1–26. – URL: <http://www.anmal.uma.es/anmal/numero19/Horak.pdf>.
211. House J. *Translation quality assessment. A model revisited* / J. House. – Tübingen : Gunther Narr, 1997. – 344 p.
212. Jääskeläinen R. *Investigating translation strategies* / R. Jääskeläinen // *Recent trends in empirical translation research*. – Joensuu : University of Joensuu, 1993. – P. 99–120.
213. Kosáková H. *Aspekty skazu (k literárněteoretickému uvažování B.M. Ejchenbauma)* : Dizertační práce : *Slovanské literatury* / H. Kosáková. – Univerzity Karlovy, 2012.
214. Krings H.P. *Translation problems and translation strategies of advanced German learners of French* / H.P. Krings // *Interlingual and intercultural communication*. – Tübingen : Gunter Narr, 1986. – P. 263–75.

215. Labov W. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular* / W. Labov. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. – 412 p.
216. Launay P.-J. Interview de Louis-Ferdinand Céline / P.-J. Launay. – Paris-Soir. – 1932. – 10 novembre.
217. Lederer M. *La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif* / M. Lederer. – Paris : Hachette, 1994. – 224 p.
218. Lévy V. *Zoščenko, successeur de Gogol et Leskov : autour de la question du skaz : Thèse de doctorat* / V. Lévy. – Paris : INALCO, 2000.
219. Lodge A. *Was there ever a Parisian cockney?* / A. Lodge // *Plurilinguismes*. – 1997. – №13. – P. 9–34.
220. Lörcher W. *Translation Performance, Translation Process and Translation Strategies: A psycholinguistic investigation* / W. Lörcher. – Tübingen : Narr, 1991. – 307 p.
221. Lozay G. *De Maupassant aux conteurs cauchois patoisants. Le passage à l'écrit d'un parler régional* / G. Lozay // *Etudes Normandes*. – 1982. – №3. – P. 25–36. – URL: https://www.persee.fr/doc/etnor_0014-2158_1982_num_31_3_2547.
222. Maclean H. *On the Style of a Leskovian «Skaz»* / H. Maclean // *Harvard Slavic Studies II*. – Cambridge, MA, 1954. – P. 297–322.
223. Malbanc A. *Stylistique comparée du français et de l'allemand: essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction* / A. Malbanc. – Paris : Didier, 1961. – 351 p.
224. Marouzeau J. *Aspects du français* / J. Marouzeau. – Paris : Elsevier Masson, 1963. – 212 p.
225. Marouzeau J. *Precis de stylistique française* / J. Marouzeau. – 4 ed. – Paris : Masson, 1959. – 224 p.
226. Martinez L. *Préface // Tchevengour* / A. Platonov. – Paris : Robert Laffont, coll. «Domaine de l'Est», 1996. – 428 p.
227. Matlock J.F. Jr. *Leskov into English on translating Соборяне (Church folks)* : Doctoral thesis / J.F. Matlock Jr. – Columbia University, 2013. – 349 p.

228. Meizoz J. La «langue peuple» dans le roman français / J. Meizoz // *Hermès*. – 2005. – vol. 42, №2. – P. 101–106. – URL: <https://www.cairn.info/revue-hermes-la-revue-2005-2-page-101.htm>.
229. Messelaar P.-A. Les marques «familier» et «populaire» envisagées des points de vue lexicologique et lexicographique / P.-A. Messelaar // *Cahiers de lexicologie*. – 1988. – №53. – P. 91–106.
230. Müller B. Le français d'aujourd'hui / B. Müller. – Paris : Klincksieck, 1985. – 302 p.
231. Muñoz J.S. La terminologie parémiologique française et sa correspondance espagnole / J.S. Muñoz // *Terminologie et Traduction*. – 1992. – vol. 2, №1. – P. 331–343.
232. Newmark P. *Approaches to Translation* / P. Newmark. – Hertfordshire : Prentice Hall, 1988. – 200 p.
233. Nida E.A. *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating* / E.A. Nida. – Leiden : Brill Archive, 1964. – 331 p.
234. Nord Ch. *Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis* / Ch. Nord. – Amsterdam and Atlanta : Rodopi, 1991. – 250 p.
235. Podhorná-Polická A. L'expressivité et la marque lexicographique: étude comparative franco-tcheque d'un corpus du lexique non-standard. Les marques fam., pop., arg. vs expressivité en lexicographies française et tcheque / A. Podhorná-Polická. – Limoges : Lambert-Lucas, 2011. – P. 209–225. – URL: <https://is.muni.cz/www/12093/articles/2011/lamarque/lexpressivite.pdf>.
236. Rey-Debove J. Préface du Nouveau Petit Robert / J. Rey-Debove, A. Rey // *Le Nouveau Petit Robert*. – Paris : Dictionnaires le Robert, 1993. – P. 9–19.
237. Robert P. *Le Grand Robert de la langue française: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* / P. Robert, A. Rey. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 1985. – vol. 6. – 1046 p.

238. Rolland R. Ces jours lointains: lettres et autres récits / R. Rolland, A. Séché // Cahiers Romain Rolland XIII : lettre du 15 février 1912. – Paris : Albin Michel, 1962. – 172 p.
239. Rouayrenc C. «C'est mon secret»: la technique de l'écriture «populaire» dans Voyage au bout de la nuit et Mort à Crédit / C. Rouayrenc. – Tusson : Éditions du Lérot, 1994. – 203 p.
240. Schmid W. Skaz / W. Schmid // Handbook of Narratology. – Berlin : Walter de Gruyter, 2009. – 477 p.
241. Shenkman Y. Le voyageur enchanté, de Moscou à Pétouchki / Y. Shenkman // Russia Beyond // Culture // La Russie aujourd'hui. – 2013. – 24 oct. – URL: https://fr.rbth.com/art/2013/10/24/le_voyageur_enchante_de_moscou_a_petouchki_26309.
242. Spitzer L. Études sur le style. Analyses de textes littéraires français (1918–1931) / L. Spitzer ; trad. de l'allemand par J.-J. Briu. – Paris : Ophrys, Bibliothèque de Faits de Langues, 2009. – 409 p.
243. Stourdzé C., Collet-Hassan M. Les niveaux de langue / C. Stourdze, M. Collet-Hassan // Le français dans le monde. – 1969. – №65. – P. 18–21.
244. Ter-Minasova S. Challenges of intercultural communication: A view from Russia / S. Ter-Minasova // Вестник Московского университета. – Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – P. 9–19.
245. Thresher K.N. Narration in selected short works by Nikolaj Gogol: an investigation into multiple narrative modes and the presence of Skaz : Doctoral thesis / K.N. Thresher. – University of Wisconsin, 1992.
246. Trimaille C., Billiez J. Pratiques langagières de jeunes urbains : peut-on parler de « parler » / C. Trimaille, J. Billiez // Les français en émergence. – Berne : Peter Lang, 2007. – P. 95–109.
247. Tsvetkov A.P. The language of A. Platonov : a dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy : Slavic Languages and Literatures / A.P. Tsvetkov. – University of Michigan, 1983.
248. Venuti L. Strategies of translation / L. Venuti // Encyclopedia of translation

studies. – London & New York : Routledge, 1998. – P. 240–244.

249. Vinay J.-P. Comparative stylistics of French and English: a methodology for translation / J.-P. Vinay, J. Darbelnet ; translated and edited by J.C. Sager, M.-J. Hamel. – Philadelphia : John Benjamins B.V., 1995. – 361 p.

250. Wozniak A. Peut-on traduire un proverbe ? / A. Wozniak // Éla. Études de linguistique appliquée. – 2010. – №157. – P. 35–48.

251. Zola E. Préface de L'Assommoir / E. Zola. – Paris : G. Charpentier, 1877. – 570 p. – URL: <http://lettres.ac-rouen.fr/francais/zola/textes/as-pref.html>.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

252. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/vocabulary>.
253. Большая советская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия. 1969–1978. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/>.
254. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/>.
255. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под редакцией проф. Горкина А.П. – М. : Росмэн, 2006. – 584 с. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literature-and-language/fc/slovar-209-2.htm#zag-1086>.
256. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Советская Энциклопедия, 1987. – URL: https://biblioclub.ru/?Page=dict&dict_id=74.
257. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М. : Советская Энциклопедия, 1966. – 376 с. – URL: http://wikilivres.ru/Поэтический_словарь/Сказ.
258. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
259. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. / под ред. Т.В. Жеребило. – Назрань : ООО Пилигрим, 2010. – 468 с.
260. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. – 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/>.
261. Справочник по фразеологии. – 2013. – URL: https://frazeolog_ru.academic.ru/47.
262. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта, 2011. – 696 с.
263. Толковый словарь Даля / В.И. Даль. – 1863–1866. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/>.
264. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>.

265. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008. – URL: <https://phraseology.academic.ru>.
266. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. – Т. 1. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 840 с.
267. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 480 с.
268. CNRTL. – URL: <http://www.cnrtl.fr/>.
269. Cordial. – URL: <https://www.cordial.fr/dictionnaire/definition/parémie.php>.
270. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines / J.-P. Colin, J.-P. Mevel, C. Leclere. – Paris : Larousse, 1990. – 903 p.
271. Dictionnaire du français argotique et populaire / F. Caradec. – Paris : Larousse, 1977. – 256 p.
272. Dictionnaire français-russe des idiomes. – URL: https://idioms_fr_ru.academic.ru.
273. L'internaute. – URL: <http://www.linternaute.fr/expression/>.
274. Langue française. – URL: <https://www.languefrancaise.net>.
275. Larousse. – URL: <https://www.larousse.fr/>.
276. Le dico Robert en ligne. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com>.
277. Le Grand Robert de la langue française. – URL: <https://grand-robert.lerobert.com>.
278. Le Nouveau Petit Robert. – Paris : Dictionnaires le Robert, 2002. – 2949 p.
279. Le Petit Larousse illustré. – Paris : Larousse, 2001. – 1786 p.
280. Le Petit Robert de la langue française. – URL: <https://petit-robert.lerobert.com>.
281. Littré. – URL: <https://www.littre.org>.
282. Oxford Dictionary of Literary Terms. – URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110803100509662>.
283. Oxford English Dictionary. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

284. Ерофеев В. Москва – Петушки: поэма / В. Ерофеев. – СПб. : Азбука, 2014. – 192 с.
285. Зощенко М.М. Малое собрание сочинений / М.М. Зощенко. – СПб. : Азбука, 2014. – 895 с.
286. Лесков Н.С. Очарованный странник / Н.С. Лесков. – СПб. : Азбука, 2013. – 352 с.
287. Платонов А. Чевенгур: повести, рассказы / А. Платонов. – М. : Эксмо, 2009. – 635 с.
288. Balzac O. Les contes drôlatiques colligez èz abbayes de Touraine et mis en lumière par le sieur de Balzac / O. de Balzac. – Paris : Garnier, 1921. – 643 p.
289. Erofeiev V. Moscou-sur-Vodka / V. Erofeiev. – Paris : Albin Michel, 2015. – 208 p.
290. Leskov N. Le Pèlerin enchanté suivi de Aux confins du monde / N. Leskov ; trad. Par A. Oranovskaïa – Edition électronique : Bibliothèque russe et slave, 2016. – 345 p.
291. Mathieu N. Leurs enfants après eux / N. Mathieu. – Arles : Éditions Actes Sud, 2018. – 432 p.
292. Maupassant G. Contes et nouvelles / G. de Maupassant. – URL: <http://maupassant.free.fr/contes3.htm>.
293. Platonov A. Tchevengour / A. Platonov. – Paris : Robert Laffont, coll. «Domaine de l'Est», 1996. – 432 p.
294. Rabelais F. Gargantua / F. Rabelais. – Paris : Seuil, coll. «Points», 1973. – 1020 p.
295. Rolland R. Colas Breugnon / R. Rolland. – URL: https://www.ebooksgratuits.com/pdf/rolland_colas_breugnon.pdf.
296. Zochtchenko M. Contes de la vie de tous les jours: nouvelles satiriques soviétiques des années 1920 / Mikhaïl Zochtchenko ; traduit du russe par Michel Davidenkoff. – Montricher (Suisse) : Les éditions Noir sur Blanc, 1987. – 150 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1.

ПРИМЕРЫ ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ КОНТЕКСТОВ

ФОНЕТИКА

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ВНУТРИУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
1.	ИТ: ошибка в произношении слова ПТ: ошибка в произношении слова	ИТ: Впрочем, живу как дубъект ... ПТ: Je vis comme un simple surjet ...
2.	ИТ: просторечное произношение ПТ: элизия	ИТ: ... как на глиняну глыбу сорвался, упал, так на ней вниз как на салазках и скатился. ПТ: ... t'es tombé sur une grosse motte de glaise qui a descendu la pente à la manière d'un traîneau.
3.	ИТ: просторечное произношение ПТ: синкопа	ИТ: – Хронт ворочается! ПТ: Vlà le front de retour !
4.	ИТ: измененное произношение звуков в пении ПТ: измененное произношение звуков в пении (étouâles вместо étoiles)	ИТ: «о-о-о, чаша моих прэ-э-эдков ... О-о-о, дай мне наглядеться на тебя при свете зв-о-о-озд ночных...» ПТ: «O-ô-ô, hanap de mes aïeu-eu-eux... O-ô-ô, laisse-moi te contempler à la lumière des étou-â-â-les nocturnes...»
5.	ИТ: протяжное произношение ПТ: протяжное произношение	ИТ: – Оч-ч-чень интересно. ПТ: – Tr-r-rès curieux.
6.	ИТ: звуковой каламбур на основе несуществующих галлицизмов ПТ: звуковой каламбур на основе французских несуществующих слов (калька с ИТ)	ИТ: Отвечает: – Ди-ка-ти-ли-ка-типе : я магнетизер. ПТ: «Il déclare : – Di-ca-ti-li-ca-tipé , je suis le magnétiseur.»
РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ МЕЖУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		

7.	ИТ: просторечное произношение (вместо насыплешь) ПТ: выделение ударным местоимением подлежащего	ИТ: – Ты насыпешь! – усомнился Чепурный. ПТ: – Verser du tabac ! Toi , dit Tchepourny sceptique.
8.	ИТ: просторечное произношение ПТ: устойчивое безличное сочетание	ИТ: Номерки таперича по ногам хлопают. ПТ: Ça y est , les numéros claquent contre les jambes.
9.	ИТ: просторечное произношение (вымогать) ПТ: familier	ИТ: ... я лгал и вымажживал ... ПТ: ... je mentais et inventais de trucs ...

МОРФОЛОГИЯ

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ВНУТРИУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
10.	ИТ: ошибка в падежной форме вопросительного местоимения что ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: Чего было дальше – неизвестно. ПТ: Comment ça continue ?
11.	ИТ: ошибочная форма личного местоимения она ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: – С её снимешь... ПТ: Tu lui prends ça ...
12.	ИТ: диминутив ПТ: диминутив	ИТ: ...и пар от дыхания не садится на зеркальце , если это последнее преподнести к ротику . ПТ: ... et la respiration ne se dépose pas sur le petit miroir quand on le rapproche de la petite bouche .
РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ МЕЖУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
13.	ИТ: «никакой» вместо «ни одной» + диминутив ПТ: опущение первого компонента отрицания+ местоименная реприза	ИТ: Паровоз никакой пылинки не любит ... ПТ: La locomotive, elle supporte pas un seul grain de poussière...

14.	ИТ: местоимение среднего, рода замещающее существительное мужского рода (телефон) ПТ: разговорная форма местоимения cela вместо il	ИТ: – Может, – говорят, – оно и ночью звонить будет... ПТ: Ça peut aussi sonner la nuit...
15.	ИТ: редупликация+димиутив ПТ: синекдоха+эпитет	ИТ: Детишки-ребятишки на песочке резвятся. ПТ: Ces chères têtes blondes s'amuseut sur le sable.
16.	ИТ: разговорная форма глагола (пойти в значении начать делать что-либо) ПТ: выделительная конструкция	ИТ: ... а там уже пойдет сердиться... ПТ: Et le voilà qui commence à se fâcher...
17.	ИТ: ошибочная форма повелительного наклонения глагола ПТ: опущение первого компонента отрицания	ИТ: Не могу больше! Спускайте занавеску. ПТ: ...j'en reux plus . Baissez le rideau.
18.	ИТ: неправильное грамматическое согласование (боится выходить) ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Сидит там и выходить пугается . ПТ: Elle s'est assise et elle a la trouille .

СИНТАКСИС

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ВНУТРИУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
19.	ИТ: инверсия ПТ: местоименная реприза	ИТ: Очень это сильная пьеса . ПТ: Elle est forte, cette pièce .
20.	ИТ: парантеза ПТ: парантеза	ИТ: А потом (слушайте)... ПТ: Et ensuite (écoutez bien)...
21.	ИТ: инверсия ПТ: разговорная восклицательная конструкция	ИТ: Дивная была красавица... ПТ: Ce qu' elle était superbe !
22.	ИТ: инверсия ПТ: опущение подлежащего il	ИТ: Это понимать надо. ПТ: Faut comprendre.

23.	ИТ: инверсия ПТ: опущение подлежащего il	ИТ: Бежать надо. ПТ: Faut que je me sauve.
24.	ИТ: частица ПТ: опущение подлежащего il + опущение первого компонента отрицания	ИТ: – Пускай... ПТ: – Y a pas de mal...
25.	ИТ: безличное предложение ПТ: опущение подлежащего il	ИТ: Надо ещё что-нибудь придумать. ПТ: Faudra inventer autre chose.
26.	ИТ: частицы ПТ: опущение подлежащего il	ИТ: – А чего ж зря-то жить! ПТ: – Faut bien vivre pour quelque chose !
27.	ИТ: инверсия ПТ: опущение первого компонента отрицания	ИТ: Не бойся, драться я с тобой не буду. ПТ: N'aie pas peur, je vais pas me battre avec toi.
28.	ИТ: безличное эллиптическое предложение ПТ: опущение первого компонента отрицания	ИТ: Неправильно! ПТ: C'est pas juste !
29.	ИТ: эллиптическое предложение ПТ: опущение первого компонента отрицания	ИТ: Не в гостиной! ПТ: On est pas au salon !
30.	ИТ: частица ПТ: разговорное употребление местоимения в конце фразы	ИТ: – мол , технический персонал. ПТ: – personnel technique, quoi .
31.	ИТ: односоставное предложение ПТ: местоимение on в значении vous	ИТ: Пошли домой. ПТ: On est rentré.
32.	ИТ: эллиптическое предложение ПТ: местоимение ça заменяет одушевленный объект	ИТ: Рубит и режет, а зачем... ПТ: Ça hache et ça coupe, et pour quelle raison...
33.	ИТ: частица+эллиптическое предложение ПТ: частица+ эллиптическое предложение разговорное+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: – Что же , вы служили у него? – Нет-с . ПТ: – Et vous avez travaillé pour lui ? – Que non .
34.	ИТ: эллиптическое предложение ПТ: эллиптическое предложение (опущение сказуемого)	ИТ: И сон невредный . ПТ: Le sommeil – sans parasites .

35.	ИТ: частицы ПТ: частица	ИТ: – Ну, мол, ладно , будь по-твоему: я больной. ПТ: – Soit , pour ne pas te contrarier.
36.	ИТ: разговорная частица + сегментация ПТ: междометие с пометой familier	ИТ: – Да и где же , – говорит, – тебе это знать. ПТ: – Pardi , tu ne peux pas savoir.
37.	ИТ: частица + эллиптическое предложение ПТ: разговорная форма местоимения cela, ça вместо se + междометие с пометой familier+частица	ИТ: – Да никак... ПТ: – Et ben, ça n'est pas...
38.	ИТ: инверсия + частицы ПТ: местоименная реприза	ИТ: – А у вас что же с ногами случилось? ПТ: – Qu'est-ce qu' ils avaient, vos pieds ?
39.	ИТ: частицы ПТ: местоименная реприза	ИТ: Да мало ли разных «поцелуев»! ПТ: Des «Baisers» , il y en a pour tous les goûts.
40.	ИТ: правильная форма ПТ: местоимение on в значении nous	ИТ: Так мы с ней и разошлись. ПТ: Voilà comment on s'est séparé.
41.	ИТ: разговорная частица ПТ: глагол être в форме 3 л. ед. ч.	ИТ: ...какая, дескать , это баня? ПТ: ... c'était quels bains ?
42.	ИТ: неопределенно-личное предложение ПТ: опущение подлежащего il	ИТ: Только хлеб свободно продают... ПТ: Y a que le pain maintenant est en vente libre...
43.	ИТ: неопределенно-личное предложение ПТ: опущение подлежащего il + первого компонента отрицания + разговорная конструкция вместо dis-je	ИТ: – Смеяться, – говорю, – не приходится. ПТ: Y a pas de quoi rire, je dis .
РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ МЕЖУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
44.	ИТ: безличное эллиптическое предложение ПТ: элизия	ИТ: – Верно... ПТ: T' as raison...
45.	ИТ: безличное предложение ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: Очень натурально выходит. ПТ: Ça a l'air très naturel.

46.	ИТ: инверсия ПТ: populaire ou familier	ИТ: Ринулся народ к дверям. ПТ: Le populo s'est jeté sur les portes...
47.	ИТ: инверсия ПТ: familier	ИТ: А хозяев было трое. ПТ: Or, il y avait trois amphitryons .
48.	ИТ: инверсия ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Человеку обязательно отдохнуть надо. ПТ: L'homme doit se reposer, c'est obligé .
49.	ИТ: эллиптическое предложение ПТ: familier	ИТ: Смотрит. ПТ: Il baye .
50.	ИТ: синтаксический параллелизм ПТ: рифма	ИТ: Не греть солнцу зимой против летнего, не видать ему век любви против того, как я любила... ПТ: «Le soleil d'hiver est moins chaud que celui d'été, personne ne l' aimera jamais autant que moi .»
51.	ИТ: инверсия+частица разговорная ПТ: familier	ИТ: Одевался, конечно , этот немец ослепительно. ПТ: Bien sûr, cet Allemand se sapait impeccablement.

ЛЕКСИКА

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ВНУТРИУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
52.	ИТ: устаревшее ПТ: vieux	ИТ: Мы этих офицерских (лошадей) кофишенками звали... ПТ: Nous appelions celles-ci des mazettes ...
53.	ИТ: разговорное ПТ: familier	ИТ: А та стрекоза ...(горничная) ПТ: Et la péronnelle ...
54.	ИТ: фамильярное ПТ: familier, ironique	ИТ: – Скажи, – говорю, – милый человек , отчего ты теперь за Бакшея опасаясь? ПТ: – Dis, mon bon , pourquoi es-tu inquiet pour Bakchéi ?

55.	ИТ: окказионализм ПТ: окказионализм	ИТ: – Подщети́нен я был после первого раза. – Как это?.. Извините, пожалуйста, мы не совсем понимаем, что это значит, что вы были подщети́нены ? ПТ: – On les a encrinés après la première fois. – Comment ? Excusez-nous, nous ne comprenons pas très bien ce que veut dire encriner ?
56.	ИТ: разговорное ПТ: familier	ИТ: Пейте несколько полегче . ПТ: Buvez un peu plus mollo .
57.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: неологизм	ИТ: – Папашка , слезай ужинать! ПТ: Papinet , descends dîner !
58.	ИТ: разг.-сниженное +бранное ПТ: familier+familier	ИТ: ...потому что если много баб , так они хоть и татарки, но ссорятся, поганые , и их надо постоянно учить. ПТ: ...lorsqu'il y en a trop, même si c'est des Tartares, elles se chamaillent , les coquines , et il faut toujours les corriger.
59.	ИТ: разг.-сниженное + просторечное+ просторечное ПТ: familier+familier	ИТ: ... а то промеж себя невесть по-каковски . ПТ: ... et baragouinaient entre eux dans un charabia incompréhensible.
60.	ИТ: разговорное+ шутливо-фамильярное ПТ: familier	ИТ: друг ситный ПТ: ami de mon cœur
61.	ИТ: фамильярное, дружеское ПТ: fam. et affectueux	ИТ: братцы ПТ: les enfants
62.	ИТ: фамильярное, дружеское ПТ: affectueux	ИТ: Выручай, браток . ПТ: – Sauve-nous, petit .
63.	ИТ: фамильярное, дружеское ПТ: familier	ПТ: братцы ПТ: les potes
64.	ИТ: разговорное ПТ: familier	ИТ: – Чего тебе, родимый ... ПТ: – Que veux-tu, fiston ...

65.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: familier	ИТ: перед рожей руками крутит. ПТ: ...il agite ses mains devant ma gueule .
66.	ИТ: разговорное ПТ: familier+familier	ИТ: ... народ хохочет. ПТ: ... les types se marrent .
67.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: familier	ИТ: Он выпивши был. ПТ: Il avait picolé .
68.	ИТ: разговорное+ разговорное ПТ: populaire + ЛЕ с пометой au fig.	ИТ: Тут пищевики наседать стали... ПТ: Là, les loufiats ont commence à harceler ...
69.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: familier	ИТ: ... и сунули в каталажку . ПТ: ...et on le mit au violon .
70.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: familier	ИТ: ...отчего я грустнее всех забулдыг ? ПТ: ... d'où vient que je sois plus triste que tous les noceurs réunis ?
71.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: familier	ИТ: ...смешанное в любой пропорции пополам- напополам ... ПТ: ...c'est n'importe quel mélange fifty-fifty ...
72.	ИТ: разговорное ПТ: familier+familier	ИТ: Помешался и лежит. ПТ: Mordu et raplapla .
73.	ИТ: разговорное ПТ: familier	ИТ: ...– это всякий знает. ПТ: ...le premier marmot venu sait cela.
74.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: familier	ИТ: – и съездила меня по левой щеке. ПТ: Et là elle me flanqua un gnon sur la joue gauche !
75.	ИТ: областное ПТ: familier	ИТ: ...он лежень . ПТ: ...c'est un coissard .
76.	ИТ: просторечие ПТ: réjoratif	ИТ: – Потому что они хóньжи ! ПТ: C'est qu'elles sont bigotes !
77.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: familier, vieilli	ИТ: ...соглашались крестьяне: они рады были побалакать ... ПТ: Ils n'étaient pas mécontents de jaboter ...

78.	ИТ: нейтральное ПТ: familier	ИТ: Но кино всё-таки лучше. ПТ: Mais quand même le cinoche , c'est mieux.
79.	ИТ: нейтральное ПТ: familier	ИТ: А перед самым спектаклем один любитель, который купца играл, выпил . ПТ: Mais juste avant le spectacle un des amateurs, celui qui jouait le commerçant, s'était saoulé .
80.	ИТ: нейтральное ПТ: familier, vieilli	ИТ: И я – вместе с ними... ИТ: Et moi, itou .
81.	ИТ: нейтральное ПТ: добавление familier	ИТ: ...я добавил еще две кружки жигулевского пива и из горлышка альб-де-десерт. ПТ: ...j'ai enchaîné avec deux chopes de bière des Jigoulis et une lampée d'Albe-de-dessert à même le goulot.
82.	ИТ: нейтральное ПТ: familier	ИТ: В деревне везде скучно . ПТ: A la campagne on s'embête partout.
83.	ИТ: нейтральное ПТ: familier au fig. + familier	ИТ: Я вынес себе резолюцию, что в девятнадцатом году у нас все кончилось... ПТ: J'ai pondu pour moi-même une resolution comme quoi en 19 tout avait été fini chez nous...
84.	ИТ: областное ПТ: транслитерированная русская ЛЕ	ИТ: – Сейчас, бачка , сейчас. ПТ: – Voilà, batchka , voilà.
85.	ИТ: устаревшее ПТ: транслитерированная русская ЛЕ	ИТ: ...потому что он во всех Рынь-песках первый батырь считался... ПТ: ... car il passait pour le plus vaillant batyr de la région...
РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ МЕЖУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
86.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: местоимение on в значении nous	ИТ: В именины моей супруги попёрли мы с ней кинодраму глядеть. ПТ: Le jour de la fête de mon épouse on s'est traîné au cinéma, voir un drame.

87.	ИТ: просторечное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: А она испужалась . ПТ: Elle a eu la trouille .
88.	ИТ: авторский неологизм ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – А ты что заквок ? ПТ: Qu' est- ce que tu as à faire cette gueule ?
89.	ИТ: разговорное ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: Человек сорок уложили у нас и у них... ПТ: Il y a une quarantaine de bonshommes au tapis chez eux et chez nous...
90.	ИТ: разговорное+ разговорное ПТ: элизия	ИТ: Вот так и я – как немножко напьюсь , так сразу к нему подступаю ... ПТ: Moi, c'est pareil: dès que j'ai un peu bu, j' cours vers lui et j' lui dis...
91.	ИТ: просторечное ПТ: разговорная форма вопросительной конструкции est-ce qu'il y a	ИТ: « Иде дырья? » ПТ: Où c'est qu'y a des trous ?
92.	ИТ: народно-поэтическое+ просторечие ПТ: междометие	ИТ: Я закручинился : страсть как мне не хотелось воровать... ПТ: Hélas ! Il m'en coûtait de voler ...
93.	ИТ: разговорное ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: – Видно, – говорю, – не сахарно . ПТ: – Apparemment qu'elle n'est pas rose .
94.	ИТ: авторский неологизм ПТ: устойчивое сочетание авторское	ИТ: ...хану Джангару дадут, сколько он просит, а кому коня взять, с общего согласия наперепор пустят. ПТ: ...ils donneront au khan le prix qu'il réclame et ils joueront le cheval à la cravache .
95.	ИТ: разг.-сниженное+ жаргонное ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: По всей России шоферня берет с « грачей » за километр по копейке... ПТ: Pour toute l'étendue du territoire russe les chauffeurs travaillant au noir prennent un kopeck.
96.	ИТ: устаревшее+димины ПТ: диминутив	ИТ: «... съездили на бодрых чухонских лошадках в пустынный городок.»

		ПТ: ... pour visiter l'agglomération déserte, sur de fringants petits chevaux finnois .
97.	ИТ: устаревшее ПТ: метонимия	ИТ: Это аглицкая болезнь, надо ее в песок сажать. ПТ: – La petite est rachitique , il faut l'asseoir dans le sable.
98.	ИТ: разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...какой-то дядя зазевался ... ПТ: ...il baye aux corneilles ...
99.	ИТ: разговорное ПТ: синкопа	ИТ: – Дядь , дай копейку... ПТ: – M'sieur , donne-moi un kopeck...
100.	ИТ: устаревшее ПТ: метафора	ИТ: Просто – немотствуют уста... ПТ: Parce que mes lèvres restaient muettes ?...
101.	ИТ: разговорное ПТ: метафора	ИТ: Я любопытствую ... ПТ: La curiosité me pique ...
102.	ИТ: областное ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: ...спят себе все как колчущки . ПТ: ...les gens dorment comme des souches .
103.	ИТ: устаревшее ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: – Отец в отход ушел. ПТ: Il est parti gagner sa vie .
104.	ИТ: просторечное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Потому как нельзя дарма , без билетов ехать... ПТ: Puisqu'il est interdit de voyager à l'œil , sans ticket...
105.	ИТ: разговорное + разговорное ПТ: парцелляция	ИТ: – А что дашь? – заранее спросил Прошка. – Получка будет – рублевку дам. ПТ: Qu'est-ce que tu me donneras ? Tu auras ton salaire. Je te donnerai un rouble.
106.	ИТ: разговорное ПТ: разговорная форма se que	ИТ: ... не знаю, чего и делать. ПТ: ... je ne sais vraiment pas quoi faire.
107.	ИТ: разговорное ПТ: опущение подлежащего il	ИТ: Я отвечаю: – Должно быть , жив. ПТ: Je réponds : – Faut croire que oui.

108.	ИТ: просторечное ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: ... сымать как-то неловко. ПТ: ... ça va être gênant.
109.	ИТ: разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – Чего вы все ко мне пристали ? ПТ: – Pourquoi vous me cassez tous les pieds ?
110.	ИТ: галлицизм ПТ: метатекст	ИТ: Гран-мерси , – говорит, – тебе за это. ПТ: Grand merci* pour ta délicatesse.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ВНУТРИУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
111.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ... и пошёл свеженький, как огурчик , к своему приятелю. ПТ: ... et je suis parti tout frais, comme un gardon , chez un ami.
112.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...вы прежде поднимите всем этим на фуфу предводителя... ПТ: ...vous commencerez par en mettre plein la vue au maréchal de la noblesse...
113.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Видя, что дело принимает серьёзный оборот ... ПТ: Voyant que l'accident tournait au vinaigre ...
114.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное лексически измененное «как последняя собака» ПТ: измененное устойчивое сочетание vivre comme un chien с пометой familier	ИТ: И вообще жил, как последняя курица . ПТ: Et il vivait tout à fait comme les derniers chiens .
115.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание +устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...не робей, Вася, дуй до горы . ПТ: ... vas-y, Vassia, mets le paquet .
116.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Крови больше испортишь . ПТ: On se fait plutôt du mauvais sang .

117.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой populaire	ИТ: Артист, – говорю, – сильно под мухой... ПТ: Un artiste, dis-je, est rond comme une bille .
118.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: По-русски – ни в зуб ногой . ПТ: Il parlait russe comme une vache espagnole .
119.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное, лексически измененное «плевать с высокой колокольни» ПТ: устойчивое сочетание с пометой vulgaire (se moquer, se soucier de qqc. (ou de qqn) comme de sa première chemise. Considérer quelque chose ou quelqu'un comme indigne d'intérêt ou d'attention.)	ИТ: Начихать тебе на всё с высокого дерева . ПТ: Tu te fous de tout comme de ta première chemise .
120.	ИТ: устойчивое сочетание грубое, просторечное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier (visage déplaisant ; personne déplaisante)	ИТ: ...и морда кирпича просит . ПТ: ... et j'ai une tête à claques .
121.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: На интерес. ПТ: Pour des sous.
122.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...и я, зная в конюшне все ходы и выходы... ПТ: Comme je connaissais les écuries sur le bout des doigts...
123.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометами vieilli, régional ou populaire	ИТ: – Так-то оно так... ПТ: – Pour sûr que oui...
124.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – Это ни к чему... ПТ: – Ça n'a ni rime ni raison...
125.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Так вот – здорово живёшь . ПТ: Résultat – une vie au poil !
126.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное измененное «концов не найти», использованное в значении «иметь связи»	ИТ: У меня много концов... ПТ: J'ai le bras long...

	ПТ: устойчивое сочетание с пометой figuré	
127.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: ... – ваньку валяет . ПТ: ... il fait le clown .
128.	ИТ: устойчивое сочетание жаргонное (обмануть) ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: Знаю – вы меня на плешь хотите поймать . ПТ: Je sais parfaitement que vous voulez m'attraper par surprise .
129.	ИТ: устойчивое сочетание устаревшее, шутовское ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался – прописал ижицу . ПТ: Mais ils sont tombés sur un juge du peuple qui était un peu nerveux. Il leur a fait la leçon .
130.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное измененное «убивать время» ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: ... и каждый по-своему убивал свой досуг ... ПТ: ...et chacun tuait le temps à sa façon...
131.	ИТ: устойчивое сочетание ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...только никуда не ходи, сиди дома . ПТ: ...ne t'avise pas d'aller courir à droite et à gauche ...
132.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: Так и сделали. ПТ: Sitôt dit, sitôt fait.
133.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное игра слов ПТ: устойчивое сочетание +устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: И смотрит на меня, смотрит, разинув глаза и сощуриив рот . ПТ: Et en plus, il ne cesse pas de me fixer les yeux béants, la bouche en cul-de-poule ...
134.	ИТ: устойчивое сочетание ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ... а не то я упаду в обморок . ПТ: ... ou je tombe dans les pommes .
135.	ИТ: игра слов на основе устойчивых сочетаний ПТ: устойчивые сочетания	ИТ: ... чтобы текущие события не утекли напрасно... ПТ: ... pour que les événements du jour ne puissent s'en aller on ne sait où, pour rien , sans retenir attention...
136.	ИТ: устойчивое сочетание лексически измененное «держат обиду»	ИТ: ... только обида в себе на меня не томи! ПТ: ... c'est de ne pas me garder une dent !

	ПТ: устойчивое сочетание с пометой <i>familier</i> (avoir une dent contre quelqu'un)	
137.	ИТ: устойчивое сочетание лексически измененное «увидеть собственными глазами» ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: Надо бы мне того товарища в глаза повидать... ПТ: Il me faudrait voir ce camarade de mes yeux...
138.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: аналогия на устойчивое сочетание «à la guerre comme à la guerre»	ИТ: Нэп так нэп. ПТ: A la NEP comme à la NEP.
139.	ИТ: аллюзия на устойчивое сочетание «обидеться до глубины души» ПТ: калька с ИТ	ИТ: Захар Павлович обиделся до корней своего мастерства... ПТ: Zakhar en fut offensé jusqu'aux racines mêmes de son savoir-faire...
140.	ИТ: устойчивое сочетание в буквальном значении «вывести на чистую воду» ПТ: калька с ИТ	ИТ: Надо же вас на чистую воду в степь выводить! ПТ: Il faut bien vous attirer vers l'eau pure et la steppe.
141.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: калька с ИТ	ИТ: ...без телефона как без рук. ПТ: ...c'est comme si on n'avait pas de bras.
142.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: калька с ИТ	ИТ: – Далёко не далёко , – отвечал старик... ПТ: – Loin, c'est pas loin , répondit le vieillard...
143.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: калька с ИТ	ИТ: ... была такая фляга не фляга... ПТ: ... il y avait une espèce de fiole pas fiole...
144.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: крылатое выражение (латинизм)	ИТ: Сколько белых пятен повсюду! ПТ: ... que de terrae incognitae !
145.	ИТ: лексически измененное разговорное устойчивое сочетание «святая простота» ПТ: крылатое выражение (латинизм)	ИТ: Не всякая простота – святая. ПТ: Toute simplicitas n'est pas sancta .
РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ МЕЖУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		

146.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: свободное сочетание + populaire	ИТ: А денег у меня – кот наплакал . ПТ: Or, comme argent, j'ai des clopinettes .
147.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: разговорная форма оборота Qu'est-ce que c'est que cela	ИТ: Стали рабочие думать, что и почему . ПТ: Les ouvriers se mettent à réfléchir: c'est quoi ça ?
148.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: свободное сочетание +элизия	ИТ: Я женщина грамотная, а вот хожу без зубов . ПТ: Moi, une femme instruite, il faut que j'me balade avec quatre dents en moins !
149.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: свободное сочетание + familier	ИТ: А денег – с гулькин нос . ПТ: Or, côté argent, il y a des clous .
150.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное лексически измененное «выводить на чистую воду» ПТ: ЛЕ с пометой au fig.	ИТ: ...думал, что его хотят выводить на свежую воду ... ПТ: ...il pensait qu'on voulait le démasquer ...
151.	ИТ: свободное сочетание ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: Умывшись , на вторые сутки Захар Павлович явился снова. ПТ: Le lendemain, propre comme un sou neuf , Zakhar Pavlovitch reparut.
152.	ИТ: свободное сочетание ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Отличная , – говорю, – дочка. ПТ: Une fille au poil , dis-je.
153.	ИТ: свободное сочетание ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: – А это другая вещь! ПТ: – C'est une autre paire de manches !
154.	ИТ: свободное сочетание ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Потому что все, что касается любви, во Франции уже давно написано. ПТ: Car il y a lurette que, là-bas tout a été dit sur ce sujet.

ПАРЕМИИ

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ВНУТРИУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
155.	ИТ: пословица ПТ: французская поговорка	ИТ: ...однако, видно, назвавшись груздем, полезешь и в кузов... ПТ: ...mais qui se fait brebis, le loup le mange.
156.	ИТ: часть пословицы «хоть плюй в глаза, и то Божья роса» ПТ: поговорка (с'est pain béni)	ИТ: Им все божья роса... ПТ: Tout leur est pain béni...
157.	ИТ: пословица лексически измененная «один ум хорошо, а два лучше» ПТ: поговорка измененная «deux têtes valent mieux qu'une»	ИТ: ...один ум хорошо, а второй лишний. ПТ: ...deux têtes ne pensent pas toujours mieux qu'une.
158.	ИТ: поговорка ПТ: семантическая калька с ИТ	ИТ: «Садись, товарищ, с нами – в ногах правды нет». ПТ: «Assieds-toi, camarade. La vérité n'est pas dans les jambes. ».
РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ МЕЖУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
159.	ИТ: поговорка авторская ПТ: измененное устойчивое сочетание «se mettre, se serrer la ceinture» с пометой fig. et populaire	ИТ: Поел – и рот завязал. ПТ: Juste de quoi manger et puis ceinture jusqu'à la prochaine.

СТИЛИСТИКА (ТРОПЫ И ФИГУРЫ)

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ВНУТРИУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
160.	ИТ: метонимия ПТ: метонимия	ИТ: Я повернулся к жакетке и черным усам... ПТ: Je me tournai vers le gilet à moustaches.

161.	ИТ: синекдоха ПТ: синекдоха	ИТ: Нас скоро повезут в деревни – учить детство грамоте... ПТ: On va bientôt nous emmener dans les villages, pour apprendre à lire à l'enfance...
162.	ИТ: синекдоха ПТ: синекдоха	ИТ: Сколько у вас дворов в селе? ПТ: Combien de feux y a-t-il dans le village ?
163.	ИТ: метафора ПТ: метафора	ИТ: Хаты стояли, полные бездетной тишины... ПТ: Les chaumières s'alignaient, pleines du silence des enfants absents...
164.	ИТ: парцелляция ПТ: парцелляция	ИТ: Где она? Адрес? Какая баня? Обыкновенная. Которая в гривенник. ПТ: Où sont-ils ? Quelle adresse ? Quels bans ? Des bains ordinaires. Ceux à dix kopecks.
165.	ИТ: парцелляция ПТ: парцелляция	ИТ: Скорая помощь. Мариинская больница. Смоленское кладбище. ПТ: Ambulance. Hôpital Marie. Cimetière de Smolensk.
166.	ИТ: эллипс+эпитеты ПТ: эллипс+эпитеты	ИТ: ...но на самом деле Гопнер был стойк, силен и терпелив, как редкий. ПТ : ...mais en réalité Gopner était resistant, fort et patient comme peu.
167.	ИТ: тавтология ПТ: тавтология	ИТ: Я его родной родственник. ПТ: Je suis un proche parent de sang.
168.	ИТ: катахреза ПТ: катахреза	ИТ: Человек пропал буквально и персонально. ПТ: Cet homme dépérissait littéralement et personnellement.
169.	ИТ: катахреза ПТ: катахреза	ИТ: ...тот даже заморгал от горя, всеми своими подмышками. ПТ: ...et le gamin, écrasé de chagrin, en cligna même des deux aisselles à la fois.
170.	ИТ: импоссибилия ПТ: импоссибилия	ИТ: А бабушка моя, глухонемая , с печи мне говорит... ПТ: Et même ma mémé sourde-muette me criait depuis ses fourneaux.
171.	ИТ: хиазм ПТ: анафора	ИТ: ... он в жакетке, и она – в жакетке; он в коричневом берете и при усах , и она – при усах и в коричневом берете. ПТ: ...tous les deux le même gilet, le même béret brun, la même moustache...

172.	ИТ: антитеза ПТ: антитеза	ИТ: Первая любовь или последняя жалость – какая разница? ПТ: Un premier amour, une dernière pitié : quelle difference ?
173.	ИТ: антитеза ПТ: антитеза	ИТ: ...и, быть может, ютились странные люди, отошедшие от разнообразия жизни для однообразия задумчивости. ПТ: ...où peut-être abritaient des gens étranges qui avaient quitté la variété de la vie pour la monotonie de la méditation.
174.	ИТ: лексический повтор ПТ: эллипс	ИТ: То звонили, звонили , а то нет никого. ПТ: Tantôt ils n'arrêtaient pas de sonner et puis maintenant, personne .
175.	ИТ: риторическое восклицание ПТ: риторическое восклицание	ИТ: О, эта утренняя ноша в сердце! О, иллюзорность бедствия! О, непоправимость! ПТ: О, lourd fardeau du matin sur mon cœur ! O, détresse illusoire ! O, l'irrémediable !
176.	ИТ: риторический вопрос ПТ: риторический вопрос	ИТ: Чего в ней больше, в этой ноше, которую еще никто не назвал по имени? Чего в ней больше: паралича или тошноты? Истощения нервов или смертной тоски где-то неподалеку от сердца? А если всего этого поровну, то в этом во всем чего же, все-таки, больше: столбняка или лихорадки? ПТ: De quoi est-il fait, ce fardeau que personne n'a encore su nommer ? Qu'est-ce qui domine en lui, de la paralysie ou de la nausée ? De l'épuisement nerveux ou d'une mortelle angoisse, quelque part près du cœur ? Et si tout s'équilibre, qu'est-ce qui domine pourtant dans tout cela: est-ce la fièvre, est-ce la prostration ?
177.	ИТ: эпифора ПТ: эпифора	ИТ: Если даже ты пойдешь налево – попадешь на Курский вокзал , если прямо – все равно на Курский вокзал , если направо – все равно на Курский вокзал . ПТ: Mettons que tu ailles à gauche: tu tombes sur la gare de Kursk . Tout droit: encore la gare de Kursk . A droite: toujours la gare de Kursk .
178.	ИТ: метафора ПТ: метафора	ИТ: – Паруешь , Марь Матвевна? ПТ: – Tu es en jachère , Maria Dmitrievna ?

179.	ИТ: метафора ПТ: метафора	ИТ: – Полная закупорка! ПТ: – Le vrai fond de bouteille !
180.	ИТ: метафора ПТ: метафора	ИТ: Такси обтекают меня со всех четырех сторон... ПТ: Le flot des taxis m’environne de toutes parts...
РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ МЕЖУРОВНЕВОЙ КОМПЕНСАЦИИ		
181.	ИТ: метонимия ПТ: ça вместо се	ИТ: – Не пора ли нам в театр сесть? ПТ: Ça ne serait pas l’heure de s’asseoir dans la salle ?
182.	ИТ: лексический повтор ПТ: постпозиция усилительной частицы	ИТ: Да, да... ПТ: C’est vrai, quoi...
183.	ИТ: оксюморон ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: Вдруг вспомнил : мыло забыл . ПТ: Tout à coup ça me revient: j’ai oublié le savon.
184.	ИТ: катахреза ПТ: familier	ИТ: И даже выходил на кухню ругаться с жильцами по культурным вопросам . ПТ: Et il sortait même dans la cuisine pour s’engueuler avec les autres locataires sur des questions de savoir-vivre .
185.	ИТ: плеоназм ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: ...а лежат леж а и спят. ПТ: ...ils restent tout bonnement couchés et ils dorment.
186.	ИТ: анаколупф ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: Этого нельзя будет. ПТ: Ça non, on ne peut pas.
187.	ИТ: зевгма ПТ: familier	ИТ: С того и пошло: и капитал расти и усердное пьянство... ПТ: Ç’a été le début de ma fortune : mon capital grossissait, je me soulais ferme...
188.	ИТ: сравнение (аллюзия на фразеологизм гомерический хохот) ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: ...они все рассмеялись бы, как боги... ПТ: ... ils m’auraient tous ri au nez

189.	ИТ: нейтральное ПТ: метафора	ИТ: Из всех деревенских вещей ... ПТ: Parmi les choses des champs ...
------	---------------------------------	--

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ КОМПЛЕКСНОЙ КОМПЕНСАЦИИ ПО ВСЕМ УРОВНЯМ

190.	ИТ: просторечное произношение + рифма ПТ: разговорная усилительная частица+ каламбурная рифма+элизия	ИТ: Я говорю: «Нет, нема ». «А если, – говорит, – нема , так тебе здесь будет тюрьма ». ПТ: « Que non. » «Si c'est non, t'iras en prison. »
191.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + частица ПТ: très familier + междометие	ИТ: Не стоять же , – думаю, – над его душой . ПТ: Enfin , pensai-je, je ne vais quand même pas l' emmerder éternellement !
192.	ИТ: просторечное произношение+авторское устойчивое вражение+разговорно-сниженное (нету) ПТ: авторское устойчивое вражение (калька с ИТ) + on в значении nous	ИТ: – У нас дневного довольствия нету , а он летошних мух пугает! ПТ: On n'a pas de ravitaillement pour la journée et il est là à chasser les mouches de l'été passé !
193.	ИТ: синекдоха+разговорное+разговорное ПТ: ЛЕ с пометой par analogie + метафора	ИТ: Гость нынче пошёл ненормальный. ПТ: Une nouvelle race d'invités est née.
194.	ИТ: просторечное произношение + диминутив ПТ: диминутив + отсутствие инверсии	ИТ: Посиди, – говорит, – в колидоре на сундучке . ПТ: Assieds-toi, qu'il dit , dans le couloir , sur la petite cantine .
195.	ИТ: просторечное произношение +областное (порожня в значении не беременная) ПТ: метафора (plate=плоская) + определенный артикль с им. собственным	ИТ: Летось тетка Марья была порожня , а дожди были. ПТ: L'autre été la Maria était plate et il y a eu des pluies .
196.	ИТ: лексический повтор +неопределенно-личное предложение ПТ: частица+on в значении nous	ИТ: Да, да , когда я в прошлый раз приехал, мне сказали: он спит. ПТ: Voyez : la dernière fois, à mon arrivée, on me dit qu'il dort...
197.	ИТ: лексический повтор+восклицание ПТ: междометие +восклицание	ИТ: Да, да! ПТ: Eh oui !

198.	ИТ: сравнение ПТ: сравнение+замена реалии+сегментация	ИТ: А меня вдруг стиснуло, как севрюгу... ПТ: Quant à moi , j'ai été tout à coup comprimé comme une limande...
199.	ИТ: анадиплосис ПТ: междометие с пометой familier + синкопа	ИТ: Она подняла руку и крикнула: – Контролеры! Контролеры!.. ПТ: Elle leva la main et s'écria: «– Vingt-deux ! V'là les contrôleurs ! »
200.	ИТ: просторечное произношение титулов (шах) + звуковой каламбур ПТ: звуковой каламбур + опущение (азии)	ИТ: ... вот по этой причине, – говорит, – хан Джангар там и царюет, и у него там, в Рынь-песках, говорят, есть свои шихи , и ших-зады , и мало-зады , и мамы , и азии , и дербыши, и уланы, и он их всех, как ему надо, наказывает, а они тому рады повиноваться. ПТ:...c'est pourquoi le khan Djangar y règne en maître. Il a, paraît-il, ses propres cheikhs , cheikhs-zadés , petits zadés , marnais , derviches et uhlands, dont il fait ce qu'il veut et qui sont heureux de lui obéir.
201.	ИТ: контаминированное произношение+междометие+ошибка в склонении существительного+парцелляция ПТ: контаминированное произношение +приложение (пренебрежительное прозвище – mangeurs de chevaux)+ междометие +парцелляция	ИТ: «Как,– говорит,– нет: это у татарина бока нет, он кобылу ест, а у меня есть бок ». «Кто же,– говорю,– твой бог?» «А у меня,– говорит– все бок : и солнце бок , и месяц бок , и звезды бок ... все бок . Как у меня нет бок? » «Все!.. гм ... все, мол, у тебя бог, а Иисус Христос,– говорю,– стало быть, тебе не бог?» «Нет,– говорит,– и он бок , и Богородица бок , и Николач бок ...» «Какой,– говорю,– Николач? » ПТ: «Que si, je ne suis pas comme les Tartares mangeurs de chevaux .» «Quel est ton dieu alors ?» «Le soleil, la lune, les étoiles... tout est dieu . Et toi qui disais que je n'en ai pas !» «Tout !... Hum ... Et Jésus-Christ ?»

		«Lui aussi et la Vierge et Nicolatch... » «Quel Nicolatch ?»
202.	ИТ: просторечное произношение ПТ: форма наречия bien с пометой populaire + местоименная реприза	ИТ: – Где ваша база? – Вонна . ПТ: – Où est-elle, votre base ? – Ben là .
203.	ИТ: просторечное произношение ПТ: метонимия + устойчивое сочетание	ИТ: ...за деколон большие деньги платил. ПТ: ...j'ai payé au prix fort la Cologne .
204.	ИТ: протяжное произношение+ частица+разговорное ПТ: разговорная форма местоимения cela+слово с пометой par anal. (individu qui incarne le mal)	ИТ: – Да тебе- то что за дело, бешена-а-ай! .. ПТ: Est-ce que ça te regarde, demon ?
205.	ИТ: контаминированное произношение+эпаналепсис+междометие+разговорно-сниженное+авторский неологизм (пересек) ПТ: элизия +междометие+ лексико-синтаксический параллелизм+réj. familier (avoir qqn)+устойчивое сочетание (jusqu'au bout)	ИТ: Тут все и татары заговорили, поздравляют Чепкуна, кричат: – Ай, башка Чепкун Емгурчеев, ай, умной башка – совсем пересек Бакшея, садись – теперь твоя кобыла. ПТ: Les Tartares se mettent à parler tous à la fois, félicitent Tchepkoun, lui crient : – Aïe, ce qu'il est malin , Tchepkoun Emgourtchéev, ce qu'il est malin : t'as eu Bakchéi jusqu'au bout . La jument est à toi.
206.	ИТ: разговорное+разговорное устойчивое сочетание+просторечное произношение +разговорное ПТ: элизия+familier	ИТ: – И отстань , брат, Христа ради , потому что ты беспачпортный , еще с тобою спутаешься . ПТ: – Tu me rendras bien service, l'ami, car t'es sans papiers , tu vas encore m'attirer des embêtements .
207.	ИТ: измененное произношение звуков в пении+устойчивое разговорное сочетание ПТ: измененное произношение звуков в пении (goche вместо gauche)+устойчивое сочетание с пометой familier (passe l'arme à gauche = mourir)	ИТ: ...на ис-хо-де августа ножки про-тяну-ла... ПТ: A-la-fin-du-mois-d'août J'ai-passé-l'arme-à-goche...

208.	ИТ: растянутое произношение звуков в пении+разговорное+разговорное ПТ: ономатопея+familier	ИТ: ...с фе-вра-ля до августа я хныкала и вякала ... ПТ: Depuis-mars, Hou-hou-hou ! Je-pleurais, c'était moche ...
209.	ИТ: рифмованные фразы+устойчивое сочетание+окончание существительного -у в родительном падеже ПТ: рифмованные фразы + устойчивое сочетание (c'est parti)+familier	ИТ: ...так и пошла работа без отдыха и сроку . ПТ: ... c'est parti le boulot , sans trêve ni repos.
210.	ИТ: рифмованные фразы+ частицы+разговорное сниженное ПТ: рифмованные фразы+устойчивое сочетание с пометой familier+populaire injurieux+familier	ИТ: «На- ка , мол , тебе кукиш , на него что хочешь, то и купишь...» ПТ: «Je te fais la nique , salaud à tête de bique .»
211.	ИТ: рифмованные фразы+игра слов+разговорное устойчивое сочетание (отчаянная голова) ПТ: рифмованные фразы+игра слов+ устойчивое сочетание (tête brûlée) с пометой familier	ИТ: – А оттого, – говорит, – что у меня голова не чайная , а у меня голова отчаянная ... ПТ: – Parce que je ne suis pas une tête à thé , mais une tête brûlée ...
212.	ИТ: просторечное произношение+часть пословицы «мне ничто нипочем: был бы Ерошка с калачом» ПТ: устойчивое сочетание + vulgaire (se foutre)	ИТ: – Ему ништо нипочем... ПТ: – Ils se foutent du tiers comme du quart ...
213.	ИТ: удвоение слога в песне+диминутивы ПТ: синкопа+диминутивы	ИТ: Та-та-кие милые, смешные чер-тенят-ки... ПТ: V'la-les-p'tits-diaboltins ...
214.	ИТ: ошибка в произношении слова+ частица ПТ: устойчивое разговорное сочетание с пометой courant+местоименная реприза	ИТ: А ты что за дубъект ? ПТ: Toi, quel genre de sujet es-tu ?
215.	ИТ: протяжное произношение+просторечное ПТ: протяжное произношение+опущение первого компонента отрицания, элизия +отсутствие инверсии в вопросе+разговорная конструкция (qu'elle me dit вместо me dit-elle)	ИТ: « Р-р-рупь мне дай, – говорит. – дай мне р-р-рупь! » ПТ: « T'as pas un rrrouble ? » qu'elle me dit. «Dis, t'as pas un rrrouble ? »
216.	ИТ: разговорные частицы+разговорное+рястнутое произношение + частица	ИТ: Ишь ты гусь какой! Сун-ду-ук! Да аль он был у тебя? ПТ: Quel âne , ma foi ! Sa mallette ! L' avais-tu vraiment avec toi ?

	ПТ: слово с пометой au fig. (personne ignorante et sottе)+ устойчивое сочетание с пометой familier+местоименная реприза	
217.	ИТ: просторечное произношение (неужели)+ частица+дими́нутив ПТ: местоименная реприза+усилительная частица (et)+ отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: – А ты ни́то дядя Захарка? ПТ: Et toi , tu ne serais pas l'oncle Zakhar ?
218.	ИТ: пренебрежительное обращение +контаминированное произношение ПТ: выделенное кавычками+familier	ИТ: Слышу я, этот рыжий , – говорить он много не умеет, а только выговорит вроде как по-русски « нат-шальник » и плюнет. ПТ: J'entendais le rouquin prononcer un mot russe comme « chef » en crachant.
219.	ИТ: звуковой каламбур на основе галлицизмов и германизмов ПТ: звуковой каламбур на основе трансформированной французской детской считалки (bour et bour et ratatam) + германизмы+англицизмы	ИТ: Парле-бьен-комса-шире-мир-ферфлюхтур-мин-адыю-мусью! ПТ: Am - stram - gram - bourébouré - rotterdam - ferfluchtour - mine - good-bye-mister !
220.	ИТ: звуковой каламбур на основе галлицизмов+ частицы+перен. разговорное ругательство ПТ: звуковой каламбур основе французских слов (калька с ИТ) + графическое выделение кавычками+устаревшее ругательство+синтаксическая конструкция «un de ces»	ИТ: – Нет, – говорит, – я тебе такое пти-ком-пе представлю, что ты себя иным человеком ощутишь... – Истинно, – говорит, – истинно: такое пти-ком-пё... – Да не болтай ты, – говорю, – черт , со мною по-французски: я не понимаю, что то за пти-ком-пё! ПТ: – Non, je te présenterai un de ces «petit-comme-peu» qui fera de toi un autre homme. – Je dis vrai : un de ces petit-comme-peu... – Saperlotte ! Quand tu auras fini de bavarder en français : je n'y comprends rien !
221.	ИТ: просторечное произношение+восклицательное местоимение, выражающее возмущение (какой) ПТ: familier ou réjoratif + injure + восклицательная фраза	ИТ: Идиёт какой. ПТ: Espèce d'idiot !
222.	ИТ: просторечное произношение (ереванский)+дими́нутив ПТ: экспликация+метафора (se jeter=быстро выпить)	ИТ: ... скляночку эриванской выпил... ПТ: ... s'était jeté un flacon de cognac arménien...

223.	ИТ: просторечное произношение+авторское устойчивое сочетание+разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой vulgaire+familier	ИТ: – Бросьте свои арапские штучки . ПТ: – Laissez tomber vos trucs à la con .
224.	ИТ: частица+просторечное произношение ПТ: сочетание с пометой familier+частица	ИТ: – Ну, всурьез... ПТ: Alors, pour de bon...
225.	ИТ: просторечное произношение+разговорное областное (хоровод)+метафора+разговорное (стронуться) ПТ: familier + восклицательное предложение	ИТ: – Куды там – разве стронешься с таким карогодом? .. ПТ: – Tu parles d' une histoire – comment se mettre en route avec toute cette ribambelle de gens !
226.	ИТ: переход им. собственного в нарицательное (деоним)+фамильярное обращение ПТ: переход им. собственного в нарицательное (+ неопределенный артикль)+familier	ИТ: Бери, – говорят, – брат , себе теперь Наташу , – мы тебе хорошую Наташу дадим, какую хочешь выбирай. ПТ: Prends une Natacha, frère , choisis celle qui te plaira.
227.	ИТ: устаревшая форма тв.п. личного местоимения+разг.-сниженное ПТ: элизия+familier	ИТ: – Я с тобою не хочу дальше идти, потому что ты подлец . ПТ: – Je te quitte, parce que t'es une fripouille .
228.	ИТ: ошибка в управлении глагола (смещение с разговорным глаголом «погореть на чем-либо») ПТ: разговорная форма местоимения cela +эмфаза дополнения	ИТ: На этом самом Василий Степаныч Конопатов пострадал . ПТ: C'est à cause de ça qu'a souffert Vassili Stépanych Konovotov.
229.	ИТ: редупликация+синтаксический параллелизм+антитеза ПТ: редупликация+синтаксический параллелизм+антитеза	ИТ: Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто. ПТ: ...l'un, en veste de travail, et très-très bête; l'autre, très-très malin dans un beau pardessus.
230.	ИТ: ошибочное употребление наречия вместо существительного (чудо) ПТ: разговорная восклицательная адвербиальная конструкция (правильно que/comme) + разговорная форма местоимения cela	ИТ: А кругом чудно как хорошо! ПТ: Or, alentour c'est merveilleux ce que ça sent bon.
231.	ИТ: ошибочное использование предлога вместо предлога «поэтому»	ИТ: ... через это не могу драться. ПТ: ...je peux pas me batter à cause de ça .

	ПТ: разговорная форма местоимения села, опущение первого компонента отрицания	
232.	ИТ: ошибочная форма действительного деепричастия прошедшего времени+дими́нутив+разговорная частица ПТ: эли́зия+безличны́й оборот с пометой familier+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: К манишечкам небось привыкши? ПТ: T'es habitué aux plastrons, pas vrai ?
233.	ИТ: редупликация + разговорное употребление префикса пре- для образования превосходной степени прилагательного +разг.-сниженное ПТ: populaire+ familier ou réjoratif +устойчивое сочетание	ИТ: А там, в трактире, вижу, стоит между гостей какой-то проходимец . Самый препустейший-пустой человек. ПТ: Là, parmi les clients, je rencontre une espèce de galvaudeux, un bon à rien .
234.	ИТ: редупликация+дими́нутив+лексический повтор ПТ: града́ция+лексический повтор + анафора	ИТ: – Конечно, Веничка, конечно , – кто-то запел в высоте так тихо-тихо , так ласково-ласково ... ПТ: Mais oui, Vénitchka, mais oui , étonna une voix dans les airs, si douce, si tendre et caressante .
235.	ИТ: ошибочная гласная в корне слова+разг.-сниженное (поцарапать)+разговорное ПТ: familier+инверсия	ИТ: – здешний район надо покорябать . ПТ: ...ce canton, il faut un peu asticoter .
236.	ИТ: разговорная форма окончания существительного в родительном падеже ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier + разговорная форма местоимения села	ИТ: После этого мы пили вдвоем с ним очень много рому ... ПТ: Après ça , nous en avons bu à tire-larigot .
237.	ИТ: разговорная форма (пойти+инфинитив) + разговорное+разговорное ПТ: familier+инфинитивное сказуемое с предлогом de (литературный стиль)	ИТ: Да и пошли эдак один другого потчевать ... ПТ: Et de se rosser l'un l'autre....
238.	ИТ: ошибочная форма наречия (можно вместо возможно) ПТ: синтаксический параллелизм+анафора, разговорное, устаревшее от est-ce que c'est	ИТ: «А они отвечают: «Что ты, Иван Северьяныч (меня в миру Иван Северьяныч, господин Флягин, звали): как , говорят, это можно , что ты велишь узду снять?»

		ПТ: Et ils me répondent : « C'est-y possible , Ivan Sévérianytch (on m'appelait dans le siècle Ivan Sévérianytch, monsieur Fliaguine), c'est-y possible que tu veuilles qu'on le débride ?»
239.	ИТ: разговорное (Первая мировая война)+дими́нутив ПТ: эпитет с пометой réj.+ метатекстовая сноска « boyaux = tranchées »	ИТ: Германская война и разные там окопчики ... ПТ: La guerre teutonне tous ses divers boyaux ...
240.	ИТ: разговорная форма окончания существительного в косвенном (родительном) падеже+ инверсия ПТ: местоимение on в значении nous +местоименная реприза+familier	ИТ: Нам весу не жалко. ПТ: On ne radine pas sur le poids, nous.
241.	ИТ: ошибочное использование предлога «через это» вместо предлога «поэтому»+тавтология ПТ: разговорная форма местоимения cela, опущение первого компонента отрицания+эмфаза дополнения + тавтология	ИТ: Все мы через это нездоровые и больные. ПТ: C'est pour ça que nous sommes pas en bonne santé et malades.
242.	ИТ: дими́нутив ПТ: дими́нутив +familier +устойчивое сочетание	ИТ: ...а этот пьяный баринок уже опять мне командует... ПТ: ... ce petit pochard de bonne famille me commande...
243.	ИТ: дими́нутивный вокатив ПТ: дими́нутив +синкопа	ИТ: «Вот видишь, как далеко зашла ты, Дашенька , в поисках своего «я»!» ПТ: «Tu vois, ma p'tite Dacha , jusqu'où elle t'a menée, la recherche de ton moi !»
244.	ИТ: дими́нутивный вокатив ПТ: дими́нутив +синкопа	ИТ: – Только что, – говорит, – дамочка , куплен у вас билет... ПТ: – Ma p'tite dame , je viens de vous acheter un ticket...
245.	ИТ: дими́нутив+разговорное ПТ: дими́нутив +синкопа	ИТ: Носик форменно на вас похож. ПТ: Ce p'tit nez ressemble franchement au vôtre.
246.	ИТ: ошибочное употребление действительного деепричастия прошедшего времени «пришедший» вместо «пришел»+дими́нутив+ частицы+повтор ПТ: местоименная реприза+переводческая замена	ИТ: – Манюся , – говорю своей супруге, – да это же я, Вася, пришедши. ПТ: –Manioussia, dis-je, à mon épouse, mais c'est moi, Vassia, qu'est-il arrive ?

247.	ИТ: неправильная падежная форма местоимения «их»+неправильное использования деепр. сов. вида пр. вр. вместо глагола пр.вр.+ частица+парцелляция ПТ: опущение первого компонента отрицания+парцелляция+частица+эллиптические предложения	ИТ: Ну, ихний супруг застрелившись . А почему такая спешка и яйца без очереди? Неправильно! ПТ: Bon , l'époux de Madame s'est tiré une balle dans la tête. Mais pourquoi cette précipitation et des œufs sans queue ? C'est pas juste !
248.	ИТ: ошибочное управление существительного+ частица ПТ: разговорная форма местоимения cela+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: – А тебе, мол , что до меня за надобность ? ПТ: – Ça te regarde ?
249.	ИТ: ошибочное падежное окончание существительного+разговорное ПТ: разговорная форма местоимения cela+сегментированное предложение	ИТ: – Сколько с нас за скушанные три пирожные ? ПТ: Ça fait combien pour nous, les trois gâteaux ?
250.	ИТ: редупликация+ирония ПТ: устойчивое сочетание +ирония	ИТ: – Жди-жди ... Дождешься! ПТ: – C'est ça , attends.
251.	ИТ: правильная форма ПТ: разговорная форма местоимения cela + рифма	ИТ: Всё это результаты. ПТ: Tout ça vient de là.
252.	ИТ: вопросительное предложение+ частицы ПТ: восклицательное предложение +междометие с пометами familier et vieilli	ИТ: – А что же? ПТ: – Dame !
253.	ИТ: сегментация ПТ: разговорная форма местоимения cela + разговорная конструкция вместо disent-ils	ИТ: Это , говорят, их шокирует. ПТ: Ça les choque, qu'ils disent.
254.	ИТ: инверсия ПТ: familier + on в значении nous + сегментация	ИТ: Нам одним тут жутко... ПТ: Seuls, on a la frousse ...
255.	ИТ: частицы ПТ: разговорная форма местоимения cela+местоименная реприза	ИТ: – Это-то хоть верно... ПТ: Çа , c'est bien vrai...
256.	ИТ: фразеосинтаксическая схема + разговорное + односоставное предложение	ИТ: – Ну как, надумали ? ПТ: – Alors, vous êtes décidé ?

	ПТ: частица +отсутствие инверсии в вопросе	
257.	ИТ: эллиптическое предложение+разговорное ПТ: опущение первого компонента отрицания+ эллиптическое предложение	ИТ: Дрянь. ПТ: C'est rien.
258.	ИТ: междометие разговорное ПТ: частица+опущение подлежащего	ИТ: Ну-ка? Сколько тут фунтов? ПТ: Alors ? Y a combien de livres, là ?
259.	ИТ: определенно-личное эллиптическое предложение ПТ: элизия+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: Снял? ПТ: T'as enlevé ?
260.	ИТ: частица ПТ: элизия+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: Родители- то у тебя останутся? ПТ: T'as toujours des parents ?
261.	ИТ: частица+ частица разговорная+ каламбур + сегментация ПТ: частица+элизия	ИТ: – Так чем своей рукой вешаться , пойдем, – говорит, – лучше с нами жить, авось иначе повиснешь . ПТ: – Alors, plutôt que de te pendre toi-même, viens avec nous, peut-être que t'iras à la potence d'une autre manière.
262.	ИТ: нарушение синтаксической сочетаемости +парцелляция+устойчивое сочетание просторечное+просторечное + сегментация ПТ: местоименная реприза + разговорная конструкция (qu'elle dit вместо dit-elle)+familier	ИТ: Потому муж мой , как сам, говорит, знаешь, неаккуратной жизни , а этот с этими ...ну, как их?... с усиками, что ли, прах его знает , и очень чисто, говорит, он завсегда одевается, и меня жалеет, но только же опять я, говорит, со всем с этим все-таки не могу быть счастлива, потому что мне и этого дитя жаль. ПТ: Mon mari, qu'elle dit, il mène une vie déréglée, tu le sais bien, tandis que celui-ci, il a... des moustaches fines et patati et patata, il s'habille avec soin et me respecte, mais je ne peux pas être heureuse, malgré tout, parce que cette enfant me manque.
263.	ИТ: лексический повтор+парцелляция+апозиопеза + сегментация ПТ: лексический повтор+парцелляция+ местоименная реприза +усилительная частица+ апозиопеза	ИТ: ...что она того ... замуж в своем месте за моего барина насильно была выдана... злою мачехой и того ... этого мужа своего она не того ... говорит, никак не могла полюбить. А того ... этого ... другого-то, ремонтера-то ... что ли... этого

		любит и жалуется, что против воли, говорит, своей я ему... предана. ПТ: ...elle avait épousé l'autre... son mari , par contrainte... c'était une méchante marâtre qui l'avait forcée... mais elle n'avait jamais pu l'aimer, son mari . Quant à l'autre... le cavalier de remonte, quoi... elle l'aimait et lui était... dévouée malgré elle.
264.	ИТ: апозиопеза+парцелляция+лексический повтор + устойчивое сочетание+разговорное ПТ: апозиопеза+парцелляция+лексический повтор+оп в значении nous+частицы	ИТ: Не родной кондуктор, а и тот говорит : пожалуйста, говорит , Тимофей Васильевич, что за счёты... Так садитесь... И довёз... не родной... Только земляк знакомый. А ты это что – родного дядю... Не будет тебе денег. ПТ: Le contrôleur n'était pas de ma famille , mais même lui m'a dit: je vous en prie, Timoféi Vassiliévitch, on va pas faire des comptes – asseyez-vous donc ! Et il m'a conduit à destination. Il n'était pas de la famille . Juste un ami du pays. Et toi alors ... ton oncle germain ... tu n'auras pas l'argent !
265.	ИТ: частицы ПТ: элизия+частица	ИТ: А я слышу – у вас тут такой литературный разговор, дай, думаю, и я к ним присяду... ПТ: Alors , quand je vous ai entendu parler de la littérature j'me suis dit : «Va donc t'asseoir avec eux...»
266.	ИТ: экспрессивный синтаксис+ частица ПТ: экспрессивный синтаксис+familier	ИТ: – Да с чего вы взяли!.. ПТ: – ??? Qu'est-ce que c'est que cette histoire ?
267.	ИТ: инверсия+ частица ПТ: местоименная реприза +familier	ИТ: Прямо рыдает человек. ПТ: Il sanglote carrément, cet homme .
268.	ИТ: частицы+разг.-сниженное ПТ: разговорная восклицательная конструкция местоименная реприза	ИТ: – Земля- то там уж дюже хороша! ПТ: C'est qu'elle est fameusement bonne, la terre là-bas !
269.	ИТ: парантеза+междометие+разговорное ПТ: парантеза+междометие	ИТ: Я ведь просто еду в Петушки, к любимой девушке (ха-ха! К «любимой девушке»!) ПТ: Je vais juste à Pétouchki voire ma bien-aimée (ha-ha , « ma bien-aimée » !)

270.	ИТ: частицы ПТ: разговорная форма местоимения <i>cela</i> +местоименная реприза (усиление повтором в конце фразы)+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: Разве ж это еда? ПТ: Ça s'appelle manger, ça ?
271.	ИТ: выделение подлежащего+разговорное ПТ: эмфаза подлежащего +глагол <i>être</i> в 3 л. ед. ч.	ИТ: Это ангелы мне напомнили о гостинцах... ПТ: C'est les anges qui m'y font penser...
272.	ИТ: частица +инверсия ПТ: разговорная форма местоимения <i>cela</i> +местоименная реприза	ИТ: ...хоть это-то поймите! ПТ: Ça au moins, tacher de le comprendre !
273.	ИТ: фразеосинтаксическая схема+ частицы+диминытивы+лексический повтор+парцелляция ПТ: <i>familier+familier</i> +элизия +опущение первого компонента отрицания+лексический повтор+эпифора+парцелляция+эллиптическое предложение	ИТ: « Да каких там еще детишек? Ведь детишек-то нет! » ПТ: « Quels mômes ? Qu'est-ce que tu me chantes avec tes mômes ? T'en as pas de mômes ! »
274.	ИТ: эллиптические предложения+разговорная частица ПТ: разговорная форма местоимения <i>cela</i> + эллиптические предложения+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: Дескать , как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует? – Да, – отвечает, – действует. ПТ: Dites, citoyenne, comment ça se passe chez vous au niveau des pannes de plomberie et aux toilettes ? Ça marche ? – Oui, répond-elle, ça marche.
275.	ИТ: частица ПТ: местоименная реприза +разговорная форма местоимения <i>cela</i>	ИТ: Тебе же все равно... ПТ: Toi, ça t'est égal...
276.	ИТ: инверсия ПТ: эллиптическое инфинитивное предложение+ разговорная форма местоимения <i>cela</i>	ИТ: Ничего в этом нет особенного. ПТ: Rien de particulier à ça .
277.	ИТ: эллиптическое предложение ПТ: эмфаза подлежащего + синкопа	ИТ: ...а раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает... ПТ: Une fois, le v'là qui m'attrape par le mollet et me demande...

278.	ИТ: эллиптическое предложение восклицательное+разговорное ПТ: местоименная реприза +местоимение on в значении vous+ восклицательное предложение + familier	ИТ: – Всех угробим! ПТ: Tous, on les butera !
279.	ИТ: эллиптическое предложение ПТ: элизия + местоименная реприза	ИТ: ...а я ему на это... ПТ: Moi, j’lui réponds...
280.	ИТ: частица+безличное предложение ПТ: лексический повтор + разговорная форма местоимения cela	ИТ: И так от этого грустно! ПТ: Ça me rend triste, mais triste !
281.	ИТ: междометие +димиутив+ частица +ирония+восклицательное предложение ПТ: междометие+familier+опущение подлежащего il, опущение первого компонента отрицания ne+восклицательное предложение	ИТ: – И-и, сынок , ты их только слушай! ПТ: – Ah là, là, fiston, faut pas te fier à ces femmes !
282.	ИТ: частица+ просторечное + разговорное+ димиутив + инверсия+ парцелляция ПТ: частица + familier+ восклицательная конструкция + устойчивое сочетание+ синкопа+ familier+ парцелляция	ИТ: Вот - те , думаю, клюква. Отбрил парнишечка . Некогда ему. ПТ: Et voilà ! je pense quelle tuile ! Il m’a envoyé promener le p’tit gars. Il est pressé.
283.	ИТ: частица +разговорное ПТ: опущение подлежащего tu, вспомогательного глагола as+familier	ИТ: – Брось копать , больше его не организуешь... ПТ: – Assez farfouillé , tu n’arriveras pas à le réorganiser...
284.	ИТ: восклицательные эллиптические предложения+ частицы+бранное+разг.-сниженное ПТ: местоименная реприза +восклицательная конструкция разговорная+familier+familier	ИТ: – Ишь , сопит, дьявол! А ведь добрый мужик! ПТ: Qu’est-ce qu’il ronfle, le saligaud ! C’est quand même un brave type !
285.	ИТ: инверсия+разговорное + сегментация ПТ: опущение подлежащего il+отсутствие инверсии в словах автора	ИТ: Раз , – говорю, – заседание, то так и объявлять надо . ПТ: Puisque, je dis , c’est une conférence, faut le dire .
286.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+инверсия ПТ: опущение подлежащего il+восклицательное предложение	ИТ: – Ишь ты , сшил я ее как... ПТ: Faut voir comment je lui ai bâti ça !

287.	ИТ: частица ПТ: разговорная форма местоимения <i>cela</i> +эллиптическое предложение	ИТ: – Да куда «иди»? ПТ: – Où ça ?
288.	ИТ: частица+эллиптическое предложение ПТ: оборот с пометой <i>familier</i> +эллиптическое предложение	ИТ: – Мы-то? ПТ: – Nous autres ?
289.	ИТ: эллиптические восклицательные и вопросительные предложения+устойчивые сочетания разговорные+ разговорная форма окончания существительного в родительном падеже ПТ: эллиптические восклицательные и вопросительные предложения + отрицательное неполное предложение +постпозиция частицы <i>un peu</i> со значением вызова собеседнику+разговорная форма местоимения <i>cela</i> + местоименная реприза (усиление повтором в конце фразы)+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: – Да неужто? Скажи пожалуйста! Стало быть, от солнечного припеку? Милое дело!.. ПТ: Pas vrai ! Dis- moi un peu ! Alors comme ça , c'est à cause du réchauffement ? C'est vraiment gentil, ça !
290.	ИТ: парантеза + метонимия+лексический повтор ПТ: парантеза +разговорная форма местоимения <i>cela</i>	ИТ: Помню – это я отчетливо помню – на улице Чехова я выпил два стакана охотничьей. ПТ: Je me rappelle (ça très nettement) avoir bu deux verres de vodka du Chasseur , rue Tchékhev.
291.	ИТ: лексический повтор+сегментация ПТ: местоименная реприза+разговорная форма местоимения <i>cela</i> +сегментация	ИТ: У других , я знаю, у других это случается... ПТ: Aux autres aussi, ça leur arrive, je le sais...
292.	ИТ: парантеза ПТ: парантеза+ <i>familier</i>	ИТ: А какой-то в синем картузе, подлая его душа , говорит... ПТ: Et un type en blazer bleu, quelle âme basse , lui dit...
293.	ИТ: повтор+разговорно-сниженное+частица ПТ: местоименная реприза+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: – Да чем же она хороша, эта баба за витриной? ПТ: En quoi elle est brave, cette femme , derrière son comptoir ?
294.	ИТ: частица+инверсия ПТ: элизия +отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: «А паспорт же у тебя есть?» ПТ: « T'as un passeport au moins ?»
295.	ИТ: частица + разговорное ПТ: ограничительный оборот+восклицательное предложение	ИТ: Пуцай ваш монтер поёт. ПТ: L'éclairagiste n'a qu' à chanter lui-même !

296.	ИТ: парантеза+сниж.-неодобрительное ПТ: парантеза+familier	ИТ: Сколько раз уже (тысячу раз), напившись, или с похмелюги... ПТ: Combien de fois déjà (un millier), soûl ou mal dessoûlé...
297.	ИТ: лексический повтор + эпифора ПТ: синкопа + местоименная реприза	ИТ: – Сейчас, сейчас будут и зубы! Будут вам и зубы! .. ПТ: Tout de suite ! Les v'là, vos dents !...
298.	ИТ: авторская пунктуация+инверсия+частица ПТ: номинативная реприза + усиление притяжательного местоимения тоническим	ИТ: А они нашей грусти – не понимают... ПТ: Seulement notre tristesse à nous , ils ne la comprennent pas...
299.	ИТ: просторечное ПТ: местоименная реприза+ on в значении nous+устойчивое сочетание с пометой argotique ou populaire +восклицательное предложение	ИТ: Мы с утра дуемся... ПТ: Nous, on tape le carton depuis ce matin !
300.	ИТ: разговорное ПТ: réjoratif+ эмотивный синтаксис	ИТ: вражий немец ПТ: ce coquin d'Allemand
301.	ИТ: разговорное+ разговорное ПТ: элизия+ разговорная форма местоимения cela	ИТ: И так всякий раз – стоило мне немножко напитаться. ПТ: Suffisait que je boive un peu, j'remettais ça...
302.	ИТ: просторечное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier + разговорная форма местоимения cela	ИТ: Охальник какой! ПТ: Ça vous a un culot !
303.	ИТ: устаревшее, диал.+ разговорное+анаколуф ПТ: familier+метафора	ИТ: Допреж сего у нас с ним все было по-военному, в простоте , а теперь стало все на политике , и что мне надо князю сказать, то не иначе как через камердинера. ПТ: Autrefois on vivait sans chichis , en militaires, tandis qu'à présent on joue à la diplomatie , et si j'ai quelque chose à dire à son excellence, je dois m'adresser au valet de chambre.
304.	ИТ: разговорное+простор.-бранное+ частица +ошибка в глаголе (нашел вместо пошел)+ сравнение	ИТ: Он как большой балакает – сам гнида , а уж отцу попрек нашел! ПТ: Il jase là comme un grand, c'est pas plus gros qu'une lente et ça trouve un moyen de faire reproche à son père !

	ПТ: местоимения се и ça заменяют одушевленный объект+familier+сравнение+ опущение первого компонента отрицания	
305.	ИТ: разговорное ПТ: элизия +разговорная конструкция вместо dit-il	ИТ: – Некогда, – говорит, – мне на твоих коленках трястись . ПТ: – J’suis trop pressé, qu’il dit , pour me trémousser sur tes genoux.
306.	ИТ: разговорное+устаревшее ПТ: vieilli+ разговорная конструкция вместо dit-il	ИТ: Как же , – говорю, – слышал я про это, бабушка Федосья мне про это не раз сказывала . ПТ: Parbleu, que je dis , grand-mère Féodossia me l’a raconté plus d’une fois.
307.	ИТ: частица+разг.-сниженное ПТ: элизия +частица+ familier+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: – Ну что, неужели ты, малый , жив? ПТ: – T’es donc vivant, petiot ?
308.	ИТ: разговорное+ разговорное разговорное ПТ: элизия+устойчивое сочетание с пометой familier + частица	ИТ: – Или, – пристает , – тебе жить худо ? ПТ: – T’en as donc marre de la vie ?
309.	ИТ: междометие+ разговорное + разговорное ПТ: междометия+ familier+ familier+выделительная конструкция	ИТ: – Ах, квит, пропал мой двугривенный : Чепкун Бакшея собьет. ПТ: – Ah, zut ! fichus, mes vingt kopecks : c’est Tchepkoun qui aura le dessus.
310.	ИТ: разговорное+авторский неологизм ПТ: familier+частица	ИТ: – Экой ты пригородник глупый! ПТ: – Province, va !
311.	ИТ: разговорное+церковно-книжное ПТ: ЛЕ с пометой au fig. +littéraire+устойчивое сочетание	ИТ: «Пассажиры пристали к иноку с просьбою рассказать эту дивную историю, и он от этого не отказался...» ПТ: «Les passagers pressèrent le moine de leur conter cette histoire singulière, et il consentit de bonne grâce ...»
312.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier+ familier	ИТ: Публика дура – не поймёт . ПТ: Le public est con – il n’y verra que du feu .
313.	ИТ: разговорное+частица разговорная	ИТ: Тут в трамвае началась, конечно, неразбериха . ПТ: Alors, bien sûr, ça a été la pagaille dans le tram.

	ПТ: частица+разговорная форма местоимения cela, ça вместо ç'a+familier+ familier	
314.	ИТ: частица+ разговорное+устаревшее ПТ: междометие с пометой familier+ littéraire, par plaisanterie	ИТ: «Ну, что? признавайся, чего тебе, проклятому : смерти или живота? » ПТ: Hein ? La vie ou la mort, mécréant ?
315.	ИТ: разг.-фамильярное + разговорное+разг.-сниженное ПТ: familier+ familier+инфинитивное предложение	ИТ: Я, в легком подпитии будучи, ужасно этого испугался и стал плакать и жалиться , а рыбак смеется. ПТ: Attendu que j'étais un peu gris , je fus pris d'épouvante, et de pleurer et de gémir ; quant au pêcheur, il s'esclaffait .
316.	ИТ: областное+устойчивое сочетание разговорное+частица ПТ: vieilli+местоименная реприза	ИТ: Будет с тебя того, что ты все понимаешь и зато вон какой лонтрыгой ходишь. ПТ: C'est bien assez que toi, tu comprennes tout, ce qui ne t'empêche pas d'être un gueux .
317.	ИТ: фамильярное, дружеское + разговорное+частица ПТ: familer+диминутив	ИТ: – Братишечка , а вдруг да дрянь останется? ПТ: – Mon petit pote chéri , et s'il n'en reste aucun ?
318.	ИТ: фамильярное, дружеское ПТ: синкопа+ familier	ИТ: братцы ПТ: mes p'tits potes
319.	ИТ: разговорное ПТ: синкопа+affectueux	ИТ: Батюшки ПТ: mes p'tits pères
320.	ИТ: парцелляция+ частицы+ разг.-сниженное+ разговорное+ разговорное+ разговорное+ разговорное + разг.-сниженное+ разг.-сниженное + разговорное ПТ: парцелляция+ междометие + très familier + familier + familier+ familier + междометие + populaire, familier + familier (injurieux)	ИТ: - Ну , ты, мымра , - сказал человек глухим голосом. - Скидавай пальто. Да живо . А пикнешь - стукну по балде , и нету тебя. Понял, сволочь? Скидавай! ПТ: Eh , toi: le connard ! dit l'homme doucement. Enlève-moi ce manteau. Et dare-dare . Si tu mouftes un mot, je t'enfoce la caboché , et couic ! Pigé, salopard ? Enlève !
321.	ИТ: окказионализм+ разг.-сниженное ПТ: метафора+ familier	ИТ: Сижу на верхотурьи и нихрена не вижу. ПТ: J'ai une place dans les nuages et je vois que dalle .

322.	ИТ: разговорное+ разг.-сниженное + метафора ПТ: populaire + метафора	ИТ: ...последнюю башку чуть не оттяпали ... ПТ: On a presque arraché la dernière cafetière ...
323.	ИТ: просторечное+ разговорное ПТ: familier+устойчивое сочетание	ИТ: Гости, пожрав вволю ... ПТ: Les invites ayant, bouffé à volonté ...
324.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: частица+ familier + устойчивое сочетание+ familier+ метонимия	ИТ: И чтоб лишнюю барашковую шапку не напялил . ПТ: Et qu'on se fourre pas en prime une toque de mouton sur le crâne .
325.	ИТ: разговорное ПТ: familier+ разговорная форма местоимения cela	ИТ: Хотя это, прямо сказать, глупо . ПТ: Bien que franchement, ça soit idiot .
326.	ИТ: частица разговорная+ разговорное + анаколүф ПТ: familier+ familier+ разговорная форма местоимения cela	ИТ: Конечно , другой, менее жизнерадостный человек был бы сильно пришиблен этим обстоятельством. ПТ: Evidemment, un autre, moins joyeux de vivre, aurait drôlement cafardé en voyant ça .
327.	ИТ: диминутив ПТ: familier+ частица	ИТ: Пожал Вася Конопатов ручку начальнику... ПТ: Et Vassia Konopatov serra la pince au chef...
328.	ИТ: разговорное ПТ: диминутив + разговорная конструкция вместо dit-il + опущение подлежащего il + опущение первого компонента отрицания +familier	ИТ: Да копилку, – говорит, – только не оброни . ПТ: Mais la petite lampe à pétrole, qu'il dit , faut pas la laisser choir .
329.	ИТ: фразеосинтаксическая схема + разг.-сниженное+ анаколүф ПТ: междометие с пометой familier + familier	ИТ: – Да уж, – говорю, – маленько бы в весе хотелось бы прибавиться . ПТ: – Ben , dis-je, j'aimerais bien ajouter un chouïa à mon poids.
330.	ИТ: разговорное ПТ: устойчивое сочетание+ частица	ИТ: – Прош, сбегай к тетке Марье... ПТ: – Procha, fais donc un saut chez la Maria...
331.	ИТ: просторечное ПТ: местоимение on в значении vous +местоименная реприза	ИТ: – Проходи, девочка, сами не емши . ПТ: Passe, fillette, nous aussi on est à jeun.

332.	ИТ: разговорное + разговорное+ фразеосинтаксические схемы+разг.-сниженное+ тавтология ПТ: частицы + familier+ familier	ИТ: – Да то будто нет! Мужик-то с войны валом навалился... ПТ: Et comment donc ! Les gars sont revenus de la guerre en pagaille...
333.	ИТ: презрительное ПТ: familier + устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...холуй, наверное... ПТ: ...un gâcheur, à tous les coups...
334.	ИТ: областное +метафора ПТ: vieilli + местоименная реприза +метафора	ИТ: Не видите, лупачи, конь свое сердце имеет! ПТ: Vous ne voyez pas, garnements, que le cheval lui aussi a un cœur ?
335.	ИТ: просторечное ПТ: familier + опущение подлежащего il	ИТ: Завтра надо сыматься . ПТ: Faut se tirer dès demain.
336.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: устойчивое сочетание + отсутствие инверсии после наречия aussi в начале фразы	ИТ : Так я дал ему малость отавы... ПТ: Aussi je lui ai donné un petit peu de regain...
337.	ИТ: разговорное + частица ПТ: местоименная реприза + ЛЕ с пометой au fig.	ИТ: – А я годок обожду . ПТ: Moi, j’attendrai un brin.
338.	ИТ: разговорное ПТ: ЛЕ с пометой au fig. + разговорная конструкция вместо dit-il	ИТ: – Что, – говорю, – за штука такая кошка. ПТ: – Une chatte, tu parles d’un trésor ! que je dis.
339.	ИТ: разговорное+разговорное ПТ: разговорная форма местоимения cela + выделительная конструкция	ИТ: В первый раз мне этакое диво видеть доводилось... ПТ: Moi qui n’ai jamais vu ça...
340.	ИТ: разговорное ПТ: опущение подлежащего il + опущение первого компонента отрицания	ИТ: ... нету номерка. ПТ: ...у а en pas.
341.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: опущение подлежащего il + опущение первого компонента отрицания	ИТ: дверь бы не расшибить . ПТ: faut pas démolir la porte.

342.	ИТ: разговорное+разговорная частица ПТ: опущение первого компонента отрицания + междометие с пометой familier	ИТ: Нету , отвечают. Мол , выбыл с адреса. ПТ: Il est pas là, me dit-on. Ben , il est parti.
343.	ИТ: просторечное ПТ: familier + устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...за аппарат денежки не дарма плочены. ПТ: je n'ai quand même pas dépensé mes sous pour des prunes .
344.	ИТ: разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier+ выделительная конструкция	ИТ: ...а я отдувайся за всех... ПТ: ...et c'est moi qui paie les pots cassés ...
345.	ИТ: устаревшее+ разговорное ПТ: анафора+ элизия + familier	ИТ: А ежели крикнешь или двинешься – пропал . ПТ: Si tu cries, si tu bouges t'es foutu .
346.	ИТ: разговорное + разг.-сниженное + частица разговорная ПТ: частица + метафора	ИТ: Тут же, на скамейке, гляжу, этакий шибздик лет десяти, что ли , сидит. ПТ: Et là, sur le même banc, comme je vois, s'est assis une espèce de petit ange d'une dizaine d'année à peu près.
347.	ИТ: разговорное + разговорное + разг.-уничижительное ПТ: синкопа + диминутив + familier	ИТ: Охота , – говорю, – паршивому старикашке узнать... ПТ: Un p'tit vieux tout moche aimerait savoir...
348.	ИТ: частица + разг.-сниженное + разг.-сниженное ПТ: элизия + familier ou réjoratif + très familier	ИТ: ... тоже хватила, дура какая. ПТ: T'exagères, espèce de connasse .
349.	ИТ: разговорное ПТ: частица + familier + устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Взвыли тут рабочие... ПТ: Alors là, les ouvriers ont gueulé comme des putois ...
350.	ИТ: разг.-пренебрежительное ПТ: familier + устойчивое сочетание	ИТ: ...и если ты не подонок ... ПТ: ...à moins d'être plus con que la nature ...
351.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: устойчивое сочетание + инфинитивное предложение	ИТ: – Что я опять начну выражаться ? ПТ: A jurer comme un charretier ?

352.	ИТ: разговорное ПТ: разговорная форма местоимения <i>cela</i> + междометие	ИТ: Далась тебе эта темнота! ПТ: Ça t'obsède, ma parole...
353.	ИТ: разговорное + разговорное ПТ: элизия + <i>familier</i>	ИТ: Подлетаю к нему и ору... ПТ: ... j'me précipite vers lui et je gueule...
354.	ИТ: разговорное+ разговорное+ частица ПТ: опущение субъектного местоимения <i>tu</i> , глагола <i>as</i> , разговорная форма местоимения <i>cela</i>	ИТ: – Будет тебе , Никифоровна, вить-то! ПТ: – Assez brailé comme ça, Nikiforovna !
355.	ИТ: разговорное ПТ: опущение подлежащего <i>il</i> + опущение первого компонента отрицания + ограничительный оборот + метафора	ИТ: – Достукались! – вымолвил Копенкин. ПТ: Y a plus qu'à baisser le rideau ! s'écria Korpionkine.
356.	ИТ: анаколуп+ разг.-сниженное ПТ: метосимная реприза + местоимение <i>ça et ce</i> заменяют одушевленный объект	ИТ: Шесть дней ушло , а баба любит время, она опасается. ПТ: ...et les femmes, ça aime le temps, parce que c'est craintif.
357.	ИТ: разговорное+ диминутив + анаколуп ПТ: <i>familier</i> + <i>familier</i> +анафора	ИТ: Балуют его и милуют , и ручку со всех сторон наперерыв ему жмут . ПТ: On le gâte, on lui fait des mamours , et on lui serre le menotte de tous les côtés.
358.	ИТ: нейтральное ПТ: устойчивое сочетание + ограничительная конструкция <i>ne...que</i>	ИТ: ...и я смотрю , что дальше будет? ПТ: ... je n'ai d'yeux que pour ce qui va se passer.
359.	ИТ: нейтральное ПТ: устойчивое сочетание + <i>familier, péjoratif et vieilli</i>	ИТ: ... либо разбежались нищенствовать . ПТ: ...ou s'étaient dispersés aux quatre vents pour mendigoter .
360.	ИТ: анафора +парцелляция ПТ: анафора+ парцелляция	ИТ: И боли сразу будто ослабли. И сердце ничего себе бьётся. И здоровье стало прямо выдающееся. ПТ: Et aussitôt les douleurs ont diminué, et mon cœur bat passablement. Et ma santé est carrément devenue éminente.
361.	ИТ: парцелляция + инверсия ПТ: парцелляция + <i>on</i> в значении <i>pous</i> + синтаксический параллелизм	ИТ: Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой . ПТ: On s'est assis dans le théâtre, on a suivi la fin de l'opéra. Et puis on est rentré.

362.	ИТ: катахреза ПТ: familier +устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Она вся была пьяна, снизу доверху... ПТ: Elle était soûle comme une grive...
363.	ИТ: лексический повтор+усилительная частица+разговорное+эпитеты ПТ: восклицательное предложение с инверсией+ЛЕ с пометой au fig.+ эпитеты	ИТ: ... , а при нём собака. Этакая даже собачица – коричневая, морда острая и несимпатичная. ПТ: ... avec un chien. Que dis-je ! Un monstre – brun, au museau aigu et peu sympathique.
364.	ИТ: эллипс, анаколуф, эпаналепсис (повтор неконтактный)+частица ПТ: анафора, эллипс+синтаксический параллелизм	ИТ: Который мой – внизу сидеть, а который Васькин – аж на самой галерке. ПТ: Celui à moi est un fauteuil en bas, celui à Vasska au poulailler.
365.	ИТ: метафора+инверсия ПТ: метафора+олицетворение	ИТ: ...и на лысой голове его мертво. ПТ: ...et son crâne chauve respire la mort .
366.	ИТ: олицетворение + метафора+частица ПТ: олицетворение + метафора+ЛЕ с пометой littéraire	ИТ: ... воробьи же снимались с подножия тучами и выговаривали сквозь ветер крыльев свои хозяйские деловые песни. ПТ: ...quant aux moineaux , ils s'élevaient dans la basse maison et détaillaient, à travers le vent de leurs ailes , leurs chants de maîtres de maisons affairés.
367.	ИТ: каламбур+частица+разговорное ПТ: каламбур+междометие	ИТ: « Ну что, почти полупочтеннейший мой Иван Северьяныч! Каковы ваши дела?» – он все этак шутил, звал меня почти полупочтенный , но почитал, как увидите, вполне. ПТ: « Eh bien , comment ça va, presque semi-respectable Ivan Sévérianytch ?» Il m'appelait pour rire presque semi-respectable , mais vous verrez qu'il me respectait vraiment...
368.	ИТ: эпитеты +градация+частица + апозиопеза ПТ: анафора +градация+ инфинитивное предложение (литературный стиль) + апозиопеза	ИТ: « Золотой ты мой, изумрудный, яхонтовый! » – да обхватила его шею руками и замерла... ПТ: « Mon amour, mon trésor, mon joyau précieux ! » Et de me pendre à son cou...»

369.	ИТ: анафора+ перечисление ПТ: перечисление +разговорная форма местоимения cela+on вместо vous	ИТ: ...здесь покойно, все равно как в полку, много сходственного, все тебе готовое: и одет, и обут, и накормлен, и начальство смотрит и повиновения спрашивает. ПТ: «C'est tranquille et ça ressemble assez au régiment : on est vêtu, nourri, logé, surveillé de près par ses supérieurs et il y a de la discipline.»
370.	ИТ: синтаксический параллелизм+эпаналепсис+анаколуф ПТ: синтаксический параллелизм+анадиплосис+ анафора+устойчивое сочетание	ИТ: Я его ненавидела в эти минуты, так ненавидела , что в глазах у меня голова кружилась . А потом – все-таки ничего, опять любила , так любила , что по ночам просыпалась от этого... ПТ: A cet instant je le haïssais, je le haïssais si fort que je ne me voyais moi-même avec la tête qui tournait. Et après, rien à faire, je l'aimais à nouveau, je l'aimais tellement que je m'en réveillais la nuit...
371.	ИТ: парцелляция+устойчивое сочетание ПТ: парцелляция+on в значении vous+ устойчивое сочетание	ИТ: – Какая кооперация? Какой тебе путь, когда мы дошли? Что ты , дорогой гражданин! ПТ: – Quelle coopération ? Quel marche veux-tu, quand on est déjà arrivé ? Que dis-tu , cher camarade !
372.	ИТ: сравнение ПТ: сравнение+ разговорная форма местоимения cela	ИТ: ...а тут,– говорю,– извиняюсь, как дверь белое . ПТ: ... et ça , je m'excuse, dis-je, c'est blanc comme une porte .
373.	ИТ : катахреза+устойчивое сочетание ПТ: катахреза+familier+устойчивое сочетание	ИТ: Дрались , конечно, от чистого сердца . ПТ: On se bagarrait , naturellement, le cœur pur .
374.	ИТ: эвфемизм (о мертвом человеке)+устойчивое сочетание ПТ: эвфемизм+устойчивое сочетание	ИТ: Я не могу ему с детских лет показывать такие туманные картины . ПТ: Je ne peux pas lui montrer ce genre de tableaux nébuleux dès son tendre âge .
375.	ИТ: лексический повтор ПТ: парантеза+ лексический повтор	ИТ: Может быть, мой экспресс на Пермь по какой-то причине не хочет идти на Пермь ... ПТ: Peut-être que (pourquoi pas ?) l'express de Perm ne voulait pas aller à Perm ...

376.	ИТ: перифраза+метафора ПТ: перифраза+эмотивный синтаксис+метафора	ИТ: Свобода так и остается призраком на этом континенте скорби ? ПТ: Que la liberté y reste un spectre qui hante cette terre d'affliction ?
377.	ИТ: анадиплосис +парцелляция ПТ: анадиплосис + эпаналепсис+familier	ИТ: – А скажи мне, Митрич, а что ты тут делал, пока я в тамбуре был? Пока я в тамбуре был погружен в свои мысли? В свои мысли о своем чувстве? К любимой женщине? ПТ: – Dis-moi, Mitrich, qu'est-ce que tu fabriquais ici pendant que j'étais au bout du wagon, plongé dans mes pensées sur mon sentiment, sur mon sentiment pour la femme de mes pensées ?
378.	ИТ: разговорное+ сравнение+ диалектизм, устаревшее ПТ: устойчивой сочетание + сравнение	ИТ: Станешь на нее грозиться , а она хохочет, заливается, да, как русалка , бегать почнет ... ПТ: Si je la menaçais, elle riait de plus belle et se mettait à courir comme un lutin .
379.	ИТ: гипербола ПТ: гипербола+глагол être в форме ед.ч.+ опущение первого компонента отрицания	ИТ: Это крушение, а не люди! ПТ: C'est pas des êtres humains , c'est une catastrophe !
380.	ИТ: плеоназм+разговорное ПТ: familier+устойчивое сочетание с пометой familier+опущение первого компонента отрицания	ИТ: В кино только в самую залу входить худо. Трудновато входить. ПТ: La seule chose dure, au cinoche , c'est d'entrer dans la salle. C'est pas du gâteau.
381.	ИТ: синекдоха ПТ: выделительная конструкция +familier	ИТ: ... и всегда ел соленое и курил папиросы. ПТ: ...or c'est moi qui mangeais du fricot et fumais des cigarettes.
382.	ИТ: анаколуп+частицы+разг.-сниженное ПТ: familier+междометие	ИТ: – Да уж , – говорю, – маленько бы в весе хотелось бы прибавиться. ПТ: – Ben , dis-je, j'aimerais bien ajouter un chouïa à mon poids.
383.	ИТ: неопределенно-личное предложение+тавтология ПТ: инфинитив в роли подлежащего +тавтология	ИТ: Смеются все: «А еще, – говорят , – спаситель называешься: господам жизнь спас ».

		ПТ: On me raillait : « Dire que t'es un sauveur , que t'as sauvé la vie à leurs excellences.»
384.	ИТ: синекдоха + устойчивое сочетание разговорное ПТ: синекдоха + устойчивое сочетание с пометой familier+ разговорная форма местоимения cela	ИТ: По четвертаку с носа минимум. ПТ Çа : fait au moins vingt-cinq copecks par pif .
385.	ИТ: лексический повтор+инверсия ПТ: familier + гипербола	ИТ: Поскучал я, поскучал... ПТ: Je me suis emmerdé à mourir...
386.	ИТ: синекдоха + устойчивое сочетание разговорное ПТ: синекдоха + устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – По одной пятой копейки золотом с носа . ПТ: 1/5 copeck-or par tête de pipe...
387.	ИТ: синекдоха ПТ: синекдоха+устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...обещают ей поскорей ликвидировать в комнате смерть . ПТ: ... et on lui promet de liquider dare-dare le mort dans la chambre.
388.	ИТ: метафора ПТ: олицетворение + сравнение + устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – А в сердце поет свирель? ПТ: – Et ton cœur chante, aussi gai qu'un pinson ?
389.	ИТ: апозиопеза (умолчание) + частица ПТ: апозиопеза + междометие с пометами familier, vieilli+выделительная конструкция	ИТ: – Так... он сам меня, должно быть, испугался. ПТ: – Dame... c'est sans doute lui qui a eu peur de moi.
390.	ИТ: метафора ПТ: метафора +устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – Аппетитная приходит во время еды, – съязвил декабрист. ПТ: – Appétissante, ma foi , et ne manque pas d'appétit ! railla le Décembriste.
391.	ИТ: метафора+синекдоха ПТ: метафора +синекдоха + устойчивое сочетание+ устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – Пойду постужусь для казны... ПТ: – Je fais un tour dans le froid pour des beaux yeux de l'Etat...
392.	ИТ: метонимия ПТ: метонимия + экспликация	ИТ: Только одного серебра нет, а то и золото, и ассигнации, и синие синицы , и серые утицы , и красные косачи , – только одних белых лебедей нет.

		ПТ: «Pas de monnaie, rien que de l'or, des mésanges bleues , des canes grises , des perdrix rouges : assignats de cinq, dix, vingt-cinq roubles ; il ne manque que les cygnes blancs : les billets de cent et deux cents roubles.»
393.	ИТ: метонимия + графическое выделение кавычками+разг.-сниженное ПТ: метонимия + графическое выделение (написание с заглавной буквы)	ИТ: ... во всех магазинах враз пропала вся «свежесть». ПТ: ...et là dessus la Fraîcheur a disparu instantanément de tous les magasins.
394.	ИТ: градация+ ЛЕ с пометами разг.-сниженное+книжное+презрительное+разг.-сниженное ПТ: градация +ЛЕ с пометами vieilli+ vieilli +familier, péjoratif	ИТ: Сволочи, святотатцы, мерзавцы, холоуи чёртовы! ПТ: Canaille, sacrilège, misérable, maudits larbins !
395.	ИТ: градация + метонимия+графическое выделение кавычками+разговорное ПТ: градация + анафора	ИТ: ...но теперь она « выше всяких пеньюаров и кошек и всякого севра »! ПТ: ...Elle aurait été bien au-dessus de tous les peignoirs, de tous les chats et de toutes les porcelaines de Sèvres !
396.	ИТ: перифраза + разговорное ПТ: перифраза + рифма + familier	ИТ: ...вот какие глаза в мире чистогана ... ПТ: ...Voilà leurs yeux, là- bas , au pays du Fric-Roi !
397.	ИТ : анадиплосис+парцелляция ПТ : эпаналепсис + рифма+парцелляция	ИТ: Не дают. Не дают – не надо. Пошёл без мыла. ПТ: Non . Bon, si c'est non , tant pis. Je suis parti sans savon .
398.	ИТ: анаколуп + разг.-сниженное, бранное ПТ: familier + синкопа + сегментация	ИТ: Дерьма тоже твои коленки. ПТ: C'est de la merde , tes p'tits genoux .
399.	ИТ: плеоназм + разг.-сниженное ПТ: плеоназм + familier	ИТ: По будням после работы ел и жрал . ПТ: La semaine, après le travail, il mangeait et il bouffait .
400.	ИТ: анафора + разговорное+эпаналепсис ПТ: анафора + familier+эпаналепсис	ИТ: – Обождите , радость моя... Обождите первого трамвая. ПТ: – Attendez , ma joie... Attendez le premier tram .
401.	ИТ: эпаналепсис + анафора +синтаксический параллелизм + диминутивы+ просторечное + устаревшее и просторечное+ авторский неологизм	ИТ: – Я, братцы мои, не люблю баб , которые в шляпках . Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые,

	<p>ПТ: эпаналепсис+ анафора + синтаксический параллелизм + familier + familier et vieilli</p>	<p>или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место. ПТ : Les enfants, je n'aime pas les nanas avec des bibis. Quand une nana porte un bibi, qu'elle s'enveloppe les jambes dans des chaussettes en fil d'Ecosse, ou qu'elle tient un carlin sur les bras, ou qu'elle a une dent en or, l'aristocrate en question n'est même pas une nana pour moi, c'est de l'air.</p>
402.	<p>ИТ: анафора+анаколуп ПТ: анафора+синтаксический параллелизм + устойчивое сочетание с пометой familier</p>	<p>ИТ: Он требует, чтобы его поскорей во что-нибудь одели, отдали бы последнее «прости» и поскорей бы где-нибудь захоронили. Он требует, чтобы это было поскорей, поскольку все-таки одна комната и вообще стеснение. ПТ: Il demande qu'on l'habille dare-dare, qu'on lui souhaite un dernier adieu et qu'on l'enfouisse vite quelque part. Il demande que ça fasse dare-dare, puisqu'il y a quand même une seule chambre.</p>
403.	<p>ИТ: эпаналепсис ПТ: эпаналепсис + местоименная реприза</p>	<p>ИТ: Тут, конечно, все соображают, что старичок тихо себе скончался, и, конечно, поскорей делают разные распоряжения. Они торопливо делают распоряжения, поскольку они всей семьей живут в одной небольшой комнате. ПТ: Alors, bien sûr, tout la monde comprit que le petit vieux s'était éteint paisiblement et, naturellement, on se dépêche de prendre diverses dispositions. Ils les prennent à la va-vite, ces dispositions, car la famille tout entière habite dans une seule petite chambre.</p>
404.	<p>ИТ: частица + разговорное+ анаколуп+метафора ПТ: familier+ограничительная конструкция</p>	<p>ИТ: Пусть ребята дело выдумывают и растут на нем. ПТ: Les gars n'ont qu'à inventer l'occasion et en tirer avantage.</p>
405.	<p>ИТ: эпаналепсис+димиутивы+устаревшее+разг.-сниженное ПТ: анадиплосис + эпаналепсис + синкопа</p>	<p>ИТ: – Я,– говорю,– извиняюсь, от носика не отказываюсь. Носик действительно на меня похож. За носик,– говорю,– я завсегда способен три рубля или три с полтиной вносить.</p>

		<p>ПТ: – Moi, dis-je, je m’excuse, je ne refuse pas ce p’tit nez. Ce p’tit nez me ressemble effectivement. Pour ce petit nez, je serai toujours capable de verser trois roubles ou trois et demi.</p>
406.	<p>ИТ: эпаналепсис+анафора+синтаксический параллелизм+инверсия ПТ: эпаналепсис+ синтаксический параллелизм + выделительная конструкция</p>	<p>ИТ: Гулял с ней и в театр водил. В театре-то всё и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всём объёме. ПТ: Je me promenais avec elle et je l’emmenais au théâtre. C’est justement au théâtre que tout est arrivé. C’est au théâtre qu’elle a étalé son idéologie dans toute son envergure.</p>
407.	<p>ИТ: тавтология + разговорное + устойчивое сочетание просторечное, бранное + просторечное + устойчивое сочетание просторечное+ апозиопеза ПТ: тавтология+ ЛЕ с пометой au fig + устойчивое сочетание (garder à qqn un chien de sa chienne – lui ménager une vengeance) + апозиопеза</p>	<p>ИТ: – Уводи, – говорит, – свою собакищу к свиньям собачьим. Пуцай,– говорит, – пропадает енотовая шуба. Пёс с ней... ПТ: – Emmène ton monstre, dit-il, chez les chiens de ma chienne ! Tant pis, dit-il, pour la pelisse en raton. Que le diable l’emporte...</p>
408.	<p>ИТ: сравнение + разговорное ПТ: сравнение +ЛЕ с пометой au sens figuré</p>	<p>ИТ: Приму её под руку и волочусь, что шука. ПТ: Je prends son bras et je me traîne comme un Boulonnais.</p>
409.	<p>ИТ: сравнение+частица ПТ: сравнение + устойчивое сочетание +междометие</p>	<p>ИТ: – Я,– говорит,– ну, словно слон, работаю... ПТ: Moi, dit-il, eh bien, je travaille comme un bœuf...</p>
410.	<p>ИТ: сравнение + разг.-сниженное ПТ: сравнение + familier</p>	<p>ИТ: Мне бы,– говорит,– жеребцу, в армии служить... ПТ: Un étalon comme moi, dit-il, devrait servir dans l’armée...</p>
411.	<p>ИТ: сравнение ПТ: сравнение+ разговорная форма местоимения cela</p>	<p>ИТ: ...ими губернию держать – все равно как за хвост кобылу. ПТ: ... tenir une province avec ça, autant vaut retenir une jument par la queue.</p>
412.	<p>ИТ: сравнение + разговорное+диминытивы ПТ: сравнение + антономасия</p>	<p>ИТ: ...и меня, сонного, удавят, как мальчика? Или зарезут, как девочку? ПТ: ...et qu’on m’étranglera dans mon sommeil comme un Petit Poucet ? Ou qu’on m’égorgera comme le Chaperon Rouge ?</p>

413.	ИТ: катахреза+ разговорное ПТ: катахреза+familier	ИТ: На три минуты, может, вырвешься подышать свежей струей... ПТ: On arrive peut-être à s'arracher pendant trois minutes pour respirer un bol d'air frais...
414.	ИТ: катахреза+разговорное ПТ: катахреза	ИТ: ...вам неловко в таком отвлечённом виде в театры ходить. ПТ: C'est assez gênant, dit-elle, d'aller au théâtre sous cette apparence abstraite.
415.	ИТ: плеоназм+анаколуф ПТ: плеоназм+выделительная конструкция+разговорная форма местоимения cela	ИТ: Все мы через это нездоровые и больные. ПТ: C'est pour ça que nous sommes pas en bonne santé et malades.
416.	ИТ: плеоназм+димиутив ПТ: плеоназм + vieilli, familier	ИТ: ...поскольку небольшая комнатка... ПТ: ...car la chambrette n'est pas grande...
417.	ИТ: эвфемизм ПТ: эвфемизм + метатекстовая сноска + графическое выделение кавычками	ИТ: ...вдруг в Ригу поехал. ПТ: ...qu'il « fit un tour à Gerbeville ».* *«Le russe dit «faire un tour à Riga» dans le sens de vomir»
418.	ИТ: эвфемизм +частица разг.-сниженная ПТ: эвфемизм с пометой familier+междометие	ИТ: « Ага , – скажут, – побежал до ветру ». ПТ: Tiens , dira-t-on, il est allé lâcher des vents.
419.	ИТ: эпаналепсис +устаревшее и просторечное+ разг.-сниженное+разговорное+частица ПТ: эпаналепсис +частица+ устойчивое сочетание с пометой familier + неполное отрицательное предложение + опущение первого компонента отрицания	ИТ: – Ежели , – говорит, – дарма , то попробовать можно, отчего же . От этого, – говорит, – не разорюсь, ежели , то есть дарма . ПТ: – Et bien , dit-il, si c'est à l'œil , je peux essayer, pourquoi pas . Je vais pas me ruiner, dit-il, si c'est à l'œil !
420.	ИТ: симплока+ разговорное ПТ: лексический повтор + familier + разговорная конструкция вместо me dit-il	ИТ: Эх, говорит, Иван , эх, глупая твоя башка , Иван... ПТ: Ivan, Ivan, bougre d'âne, qu'il m'a dit...
421.	ИТ: частица+разг.-сниженное+ ирония ПТ: устойчивое сочетание с пометой populaire + ирония	ИТ : А то без вас не догадались бы, как сытно харчиться! ПТ: Sans vous nous n'aurions pas deviné la façon de nous caler les joues !

422.	ИТ: областное+ олицетворение+ синекдоха ПТ: олицетворение +синекдоха	ИТ: Деревня заперла свои хаты и вышла двумя отрядами на большак . ПТ: Le village ferma ses chaumières et gagna la grande route en deux équipes.
423.	ИТ: симплока + разговорное ПТ: лексический повтор + выделительная конструкция	ИТ: Очень складно и умно ты это сказал, ты редко говоришь так складно и умно . ПТ: Tu as dit cela de façon fort cohérente et fort intelligente, c'est rare que tu t'exprimes si bien.
424.	ИТ: галлицизм+междометие ПТ: французский эквивалент+междометие + метатекст	ИТ: «– Тссс! сияянс! !..» ПТ: «– Chut ! Silence* ! !..»
425.	ИТ: галлицизм+междометие ПТ: французский эквивалент+междометие + метатекст	ИТ:– Шу, сияянс... атанде... ПТ: – Chut, silence... attendez*...
426.	ИТ: галлицизм ПТ: французский эквивалент+ разговорная форма местоимения cela+ отсутствие инверсии в вопросе+ метатекст	ИТ:– Хочешь, мой анфан , в карете покатайся? ПТ: – Ça te plairait, mon enfant* de te promener dans ma voiture ?
427.	ИТ: галлицизм+ просторечное произношение окончания существительного ПТ: французский эквивалент+familier + метатекст	ИТ: – Же ву при , – говорит, – пожалуйста пусть она с нянею в моей карете поедит, покатается. ПТ: – Je vous prie* , laissez-la monter dans ma voiture avec la poupou .
428.	ИТ: галлицизм+частица+разговорное в переносном значении (подъезжать= подольщаться к кому-либо с корыстными целями) ПТ: наречие с пометой figuré (sur ce sujet, sur cette affaire)+устойчивое сочетание с пометой familier (essayer de séduire par de belles paroles quelqu'un (gén. une femme))	ИТ: «Он, разумеется , и начнет подъезжать , чтобы я ему на реванж денег дал». ПТ: « Là-dessus , il me fait naturellement du plat pour avoir de l'argent... »
429.	ИТ: англицизм+ разговорная частица ПТ: англицизм+устойчивое сочетание с пометой familier+относительное местоимение в разговорном употреблении (en fin de phrase ou en incise, pour établir une connivence avec l'interlocuteur à propos de l'identification de ce dont il s'agit)	ИТ: – Гуд бай ,– дескать ,– присмотри. ПТ: – Good bye, quoi, gardez un œuil !

430.	ИТ: несуществующий германизм+ диминутив+ метафора+ ошибочное употребление предлога (об)+ частицы ПТ: несуществующий германизм (калька с ИТ)+диминутив+ familier+ разговорное обращение	ИТ: Немчик головой лягнул, дескать, битте-дритте , пожалуйста, заберите, об чём разговор, жалко что ли . ПТ: Ce cher Allemand rua la tête: bitte-dritte , semble-il dire, je vous en prie, prenez tout, quels scrupules , comme s'il y avait des regrets.
431.	ИТ: ошибочное французское словочетание (sac de voyage)+разговорное+разговорное ПТ: ошибочное французское словосочетание (калька с ИТ)+ populaire / argotique (balancer=jeter)+ устойчивое сочетание с пометой familier (=excessivement loin)	ИТ: – Зря я его сак и вояж откинул прочь... ПТ: – J'ai eu tort de balancer au diable son sac et son voyage...
432.	ИТ: устойчивое сочетание (окказиональное ругательство)+междометие ПТ: ругательство с пометой populaire+употребление наречия (alors) в восклицательном предложении с пометой familier	ИТ: Ах, твою семь-восемь! .. ПТ: Merde alors !
433.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: авторское сравнение+местоименная реприза	ИТ: А мне будто попала вожжа под хвост . ПТ: Mais moi, c'est comme si un taon m'avait piqué sous la queue .
434.	ИТ: устойчивое сочетание просторечное ПТ: метафора + восклицательное предложение	ИТ: « Ну их , – думаю, – в болото .» ПТ: Qu'ils se noient dans leur purin ! dis-je.
435.	ИТ: разговорная частица + разговорное + сравнение + фразеосинтаксическая схема ПТ: частица + устойчивое сочетание с пометой familier + сравнение + устойчивое сочетание	ИТ: Бухгалтеру, что ли, чёрту седому , не заплатить, или ещё как . ПТ: On pourrait, n'est-ce pas, graisser la patte au comptable, ce Satan poivre et sel , ou encore quoi .
436.	ИТ: междометие разговорное+устойчивое сочетание авторское+авторский неологизм ПТ: междометие с пометой familier+ устойчивое сочетание	ИТ: ... тьфу , пропасти на вас нет , чего вы меня вскликались! ПТ: Zut ! qu'est-ce que vous avez après moi ?

437.	ИТ: устойчивое сочетание+разг.- сниженное+фразеосинтаксическая схема ПТ: populaire+familier+опущение подлежащего il+опущение первого компонента отрицания ne	ИТ: ...не жравши сидели, и то ничего. ПТ: ...у avait rien à bouffer et on ne râlait pas.
438.	ИТ: разговорное + устойчивое сочетание разговорное +инверсия ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier + разговорная форма местоимения cela	ИТ: – Девайся куда сам знаешь. ПТ: – Va donc où ça te chante.
439.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + частицы+инверсия ПТ: инфинитивное предложение (infinitif de narration)+familier	ИТ: ... да и пошло у нас с ним слово за слово , и оба мы поругались. ПТ: ...Et de discuter et de nous chamailler.
440.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное +фразеосинтаксическая схема ПТ: устойчивые сочетания+familier ou vieilli	ИТ: – А что же? по крайней мере, умер, и концы в воду. ПТ: – Dame ! Il est mort en tout cas, un point c'est tout.
441.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное +диминутив+местоименная реприза ПТ: устойчивое сочетание+ инфинитивное предложение (infinitif de narration)	ИТ: Она, эта барынька , начала плакать и руки ломать. ПТ: La dame de pleurer en se tordant les bras.
442.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание +familier	ИТ: Знаем. Сами с усами. ПТ: Je suis au courant. Je ne suis pas débile.
443.	ИТ: устойчивое сочетание +ошибочное падежное окончание у существительного ПТ: устойчивое сочетание+familier+местоименная реприза	ИТ: Мало ли делов на свете у среднего человека! ПТ: Il en a des trucs à faire, Monsieur tout-le-monde !
444.	ИТ: диминутивы+разговорное устойчивое сочетание+разговорное+ антитеза	ИТ: ... все так значительно, что я слова их пишу длинными курсивами , а все, что мы говорим – махонькими буковками , потому что это более или менее чепуха.

	ПТ: местоименная реприза +эпитет+устойчивое сочетание + устойчивое сочетание + familier + антитеза + ограничительная конструкция	ПТ: ... tout cela est tellement important que je transcris leurs paroles en nobles italiques , et ce que nous disons, nous , en vilaines pattes de mouche , car ce ne sont, à tout prendre , que des balivernes .
445.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: разговорная форма вопросительного оборота Qu'est-ce que c'est que cela	ИТ: – Ты что ж это... ПТ: C'est quoi, ça , dit-il...
446.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+ перен. разг.-сниженное ПТ: familier + устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Я от греха поскорее смылся . ПТ: Je me suis tiré dare-dare devant ce malheur.
447.	ИТ: устойчивое сочетание разговорно-сниженное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier+ familier	ИТ: А я в это время пьяная была в дым... ПТ: j'étais soûle jusqu'au trognon...
448.	ИТ: устойчивое сочетание + + пренебрежительное + метафора + разг.-сниженное ПТ: familier+ ЛЕ с пометой au figuré + метафора	ИТ: ...а ты так себе – чернорабочая сила, шлак из-под бабы! ПТ: ...mais tu ne casses rien – du manoeuvre, de la scorie , comme toutes les bonnes femmes en pondent !
449.	ИТ: разговорное + устойчивое сочетание ПТ: familier + местоименная реприза + устойчивое сочетание	ИТ: – Я мучился , а он читает – только и всего! ПТ: J'en ai bavé et lui, il lit, voilà tout .
450.	ИТ: устойчивое сочетание ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier + частица	ИТ: – Ты не обижайся, мы тебе добра хотим . ПТ: – Ne prends pas la mouche, voyons... Ce qu'on en dit, c'est pour ton bien.
451.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное +частица разговорная ПТ: калька с ИТ + familier	ИТ: Хозяин кричит в три горла – дескать , теперь ведь заведение закрыть могут... ПТ: Le patron hurle pour trois – comme quoi on pourrait maintenant fermer l'établissement...
452.	ИТ: устойчивые сочетания разговорные ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier+ устойчивое сочетание +familier péjoratif	ИТ: Все выступавшие были в лоскут пьяны , все мололи одно и то же... ПТ: Tous les orateurs étaient pleins comme des outres , tous dégoisaient à qui mieux mieux...

453.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + разговорное ПТ: разговорная форма местоимения cela + ЛЕ с пометой au fig. + устойчивое сочетание	ИТ: Ишь ты – где у него сосет! – догадался Чепурный. ПТ: On voit bien où ça le démange ! – Tchepourny avait percé l'autre à jour.
454.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + частицы ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier + сегментация	ИТ: – Да и кошка, мол , тоже небольшая барыня. ПТ: Une chatte, ce n'est pas une grosse légume non plus.
455.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание (погореть, пропасть)+местоименная реприза	ИТ : – Вот тебе раз! (о погасшем электричестве) ПТ: – Elle est bonne , celle-là !
456.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + диминутив ПТ: устойчивое сочетание + синкопа+разговорная конструкция (вместо dit-il)	ИТ: Рабочий,– говорит,– костюмчик не по вкусу? ПТ: ...ma salopette, qu'il dit, n'est p't-êtr pas de votre goût ?
457.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+ирония ПТ: разговорная форма местоимения cela в постопозиции для усиления ранее сказанного+ирония	ИТ: Милое дело!.. ПТ: C'est vraiment gentil, ça !
458.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: калька с ИТ+метатекстовая сноска+отсутствие инверсии в вопросе	ИТ: – А ты тоже с мешком живешь? ПТ: Toi aussi vie de ton sac ? * *On nomme porte «sac» (mechotchniki) les paysans qui revendaient à la ville les denrées qui y manquaient.
459.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+диминутив ПТ: свободное сочетание+ опущение подлежащего il+familier+ограничительный оборот	ИТ: Только плати денежки. ПТ: У а qu'à payer les sous.
460.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier+опущение первого элемента отрицания	ИТ: – От горшка два вершка , а уже рассуждать научился!.. ПТ: C'est pas plus haut que trois pommes et ça veut déjà raisonner !
461.	ИТ: фразеосинтаксическая схема+ частицы ПТ: устойчивые сочетания+опущение подлежащего il+ опущение первого компонента отрицания	ИТ: А то чего же: спи себе. ПТ: У а pas de mal : dors bien comme il faut.

462.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: устойчивое сочетание + опущение подлежащего il+ разговорная форма местоимения cela	ИТ: – Да что ж тут такого? ПТ: – Y a pas de mal à ça !
463.	ИТ: фразеосинтаксическая схема +ошибка в склонении местоимения+лексический повтор (эпаналепсис) ПТ: устойчивое сочетание +опущение первого компонента отрицания+ лексико-синтаксический параллелизм	ИТ: Хочешь – говори по нём, не хочешь – как хочешь. (про телефон) ПТ: Alors, tu causes, si tu veux, si tu veux pas, c'est comme tu veux.
464.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: лексико-синтаксический параллелизм+анафора	ИТ: Не пью и не пью. ПТ: Je ne bois pas. Je ne bois toujours pas.
465.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+ частица ПТ: лексико-синтаксический параллелизм +элизия+местоименная реприза	ИТ: – Что-то , говорит, ты, Ваня, сегодня с лица будто такой серый . Нездоровый, говорит, такой у тебя цвет бордо. ПТ: – Toi, Vassia, dit-elle, t'as comme du gris sur ton visage, aujourd'hui. Toi, dit-elle, t'as comme un teint bordeaux malsain.
466.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + авторское устойчивое сочетание ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier +рифма	ИТ: ...у черта на куличках, у бороды на клине! ПТ: Au diable vauvert, au fin fond de l'enfer !
467.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное +парцелляция ПТ: устойчивое сочетание с пометами vieilli, régional ou populaire +элизия	ИТ: – Как же... Помню... ПТ: Pour sûr, que j'me rappelle...
468.	ИТ: устойчивое сочетание разговорно-фамильярное+фамильярное+лексический повтор+авторский неологизм ПТ: familier+частица	ИТ:– Съезди, такой-сякой, голубчик Иван Северьянович, в город; съезди , доподлинно узнай о нем все как следует и все мне без потайки выскажи. ПТ:– Ivan Sévérianytch, mon chéri et patati et patata , va donc te renseigner à la ville et tu me raconteras tout.
469.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + частица+разговорное обращение ПТ: устойчивое сочетание+частица	ИТ: – Ну, ребята , ложись как попало... ПТ: – Bon , les enfants, couchez-vous au petit bonheur...
470.	ИТ: фразеосинтаксическая схема + частица ПТ: свободное сочетание +устойчивое сочетание +частица	ИТ: Ну, проглотил и проглотил. ПТ: Bon, il l'a avalé, c'est tout.

471.	ИТ: фразеосинтаксическая схема+ частица ПТ: калька с ИТ+частица	ИТ: Ну , заплатил – и заплатил. ПТ: Bon il a payé – il a payé.
472.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: устойчивое сочетание +частица	ИТ: Скажи пожалуйста! ПТ: Dis-moi un peu !
473.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+ жаргонное в переносном значении ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier+ устойчивое сочетание	ИТ: Я их уже который час пасу хожу. ПТ: Ça fait une paye que je les suis à la trace.
474.	ИТ: пословица+фразеосинтаксическая схема ПТ: часть паремии (la politesse ne coûte rien et achète tout)+ устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Что ж, испыток не убыток , Митрий Иваныч. ПТ: Ma foi, un essai ne coûte rien , Mitri Ivanovitch.
475.	ИТ: поговорка+ошибочное употребление ЛЕ человек во множественном числе ПТ: паремия (= tirer avantage de la confusion)+эллиптическая конструкция (опущение вспомогательного глагола, местоимения on)	ИТ: Довольно в мутной воде рыбку ловить – пора ловить человеков! .. ПТ: Assez pêché en eau trouble ! En chasse, maintenant.
476.	ИТ: пословица авторская+разговорное ПТ: семантическая калька+familier	ИТ: – Два зайца от своей смерти волка сгрызут .. ПТ: – Par peur de mourir, deux lièvres peuvent croquer un loup...
477.	ИТ: пословица авторская+нарушение лексической и грамматической сочетаемости (сообщить за себя) ИТ: семантическая калька с ИТ+устойчивое сочетание	ИТ: – Пастух сам знает, когда ему молоко пить, – сообщил за себя Кирей. ПТ: – Le berger sait bien à quelle heure boire son lait, déclara de son chef Kiréi.
478.	ИТ: пословица авторская +разговорное+рифма+метонимия ПТ: семантическая калька с ИТ+метонимия	ИТ: ...на лишний рот лишний хлеб растет. ПТ: ... à bouche de trop, pain de reste.
479.	ИТ: пословица авторская+разговорное ИТ: семантическая калька с ИТ+ familier, péjoratif	ИТ: – Писец плотнику хату не поставит, – высказался Жеев. ПТ: – Un scribouillard ne fera jamais la maison d'un menuisier, décréta Jeiev.

480.	ИТ: поговорка авторская+разговорное ПТ: калька с ИТ+vieux ou régional (faire sécher)	ИТ: У нас тут как грязь – так мир , как дорога проянет – так война начинается! ПТ: Ici, qui dit boue, dit paix , une fois la route ressuyée , la guerre recommence !
481.	ИТ: поговорка авторская (аллегория на поговорку «песок сыплется») ПТ: семантическая калька с ИТ + ЛЕ с пометой au fig.	ИТ: А из тебя сыплется, да никто не подбирает. ПТ: Toi, tu gaspilles , et il n’y a personne pour glaner derrière toi.
482.	ИТ: пословица авторская + разговорное ПТ: семантическая калька с ИТ + замена реалий: клюква – verjus (кислое вино)+эллиптическая конструкция	ИТ: Нечего тебе клюкву хотеть, когда морщиться не умеешь... ПТ: Quand on ne sait pas faire la grimace, pas la peine de demander du verjus ...
483.	ИТ: поговорка + фразеосинтаксическая схема ПТ: семантическая калька с ИТ+familier, vieilli + familier+эллиптическое употребление вопросительного местоимения+усилительная частица+эллиптическое отрицательное предложение	ИТ: – Что это ,– говорит,– за шум, а драки нету? ПТ: - Et quoi, dit-il, pourquoi ce tintouin, et pas de bagarre ?
484.	ИТ: пословица+просторечное (абы) ПТ: семантическая калька с ИТ+ графическое выделение кавычками	ИТ: ...но, думаю, чем бы дитя ни тешилось, абы не плакало... ПТ: ...mais je me dis que « tout jeu est bon pourvu que l’enfant ne pleure »...
485.	ИТ: измененная пословица «много будешь знать, скоро состаришься»+просторечие ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier+калька с ИТ (la curiosité est un vilain défaut)	ИТ: – Стареть начнёшь, коли знать будешь много. ПТ: – Tu vas prendre un coup de vieux , si tu en sais trop.
486.	ИТ: крылатое выражение (итальянское) ПТ: крылатое выражение (итальянское)+графическое выделение курсивом	ИТ: И – финита ля комедия. ПТ: <i>E finita la comedia...</i>

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ ЧАСТИЧНОЙ КОМПЕНСАЦИИ ПО ВСЕМ УРОВНЯМ

487.	ИТ: частицы+просторечное произношение (неужели) ПТ: familier	ИТ: – Да то, ништ , весело! ПТ: Qu'est-ce qu'il pourrait y avoir drôle ?
488.	ИТ: просторечное произношение +просторечие (нутро)+метафора ПТ: метафора	ИТ: Нутрё ничего не держит... ПТ: Mon ventre ne retient rien...
489.	ИТ: просторечное произношение + частицы+использование патронима вместо имени собственного ПТ: элизия	ИТ: – Здравствуй, Никанорыч , – тебе б пора Лениным стать, будя богом-то! ПТ: Bonjour, Nikanorytch , puisque t'es Dieu, il serait temps que tu devienne Lénine !
490.	ИТ: просторечное произношение +разговорное ПТ: разговорное устойчивое сочетание	ИТ: – Теперча хватай! ПТ: Maintenant, allez-у !
491.	ИТ: протяжное произношение+анаколуф ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: «Я обрадовался этому случаю и изо всей силы затянул « ддд-и-и-и-т-т-т-ы-о-о », и с версту все это звучал... » ПТ: «Tout heureux de l'occasion, je claironne à tue-tête mon « gare » sur une bonne verste de distance ...»
492.	ИТ: просторечное произношение +разговорное ПТ: инверсия в восклицательном предложении	ИТ: – Я вам скоко раз наказывала раньше приходить! ПТ: Combien de fois vous ai-je dit de rentrer plus tôt !
493.	ИТ: просторечное произношение +авторское устойчивое сочетание ПТ: авторское устойчивое сочетание (калька с ИТ)	ИТ: ... жить себе в заботах, как в орепьях ... ПТ: ... vivre couverte de sousis comme de boules de bardane ...
494.	ИТ: просторечное произношение галлицизма+ частица+устойчивое разговорное сочетание ПТ: разговорная постпозиция частицы donc	ИТ: – Да ради бога, медам. ПТ: – Mais comment donc, Mesdames.
495.	ИТ: просторечное произношение французского заимствования+лексический повтор	ИТ: И после этого начались опять песни и пляски, и опять другая цыганка с шампанеей пошла.

	ПТ: метонимия	ПТ: Après quoi, les chants et les danses reprennent, et une autre Tzigane fait le tour de la salle avec un plateau .
496.	ИТ: ошибочная форма глагола пригнал+ошибочная падежная форма указ. мест. +димины+разговорное ПТ: familier	ИТ: ...один татарчонок пригонил перед этого хана небольшую белую кобылку и что-то залопотал; ПТ: ...un jeune Tartare qui amène au khan une petite jument blanche et lui parle dans son charabia .
497.	ИТ: частица + разговорное неодобрительное ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: А этот изо ржи да прямо на паровоз хочет! ПТ: Ça pue encore le fumier et ça voudrait monter sur une locomotive !
498.	ИТ: редупликация+ошибочная форма повелительного наклонения глагола «ехать» ПТ: редупликация	ИТ: Езжайте себе, други-товарищи , дальше. ПТ: Passez votre chemin amis-camarades .
499.	ИТ: префикс пре- в значении высокой степени проявления признака + частица ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Брось , – говорит, – и не ходи, настоятель вчера себе в нос пиявку ставил и теперь пресердитый ... ПТ: «N’y va pas, le supérieur s’est mis hier une sangsue dans le nez, il est mauvais comme tout aujourd’hui et ne te sera d’aucun secours...»
500.	ИТ: разговорная форма окончания существительного в родительном падеже+разг.-сниженное (союз) ПТ: разговорное устойчивое сочетание	ИТ: Народу, даром что днём, много. ПТ: Il y a pas mal de peuple, alors qu’il fait jour.
501.	ИТ: редупликация+димины ПТ: familier	ИТ: ... цапали-царапали -кусали мне жи-во-тик ... ПТ: ...M’egratinent-me-mordillent, Le menton-les- petons ...
502.	ИТ: ошибочное бесприставочное употребление глагола +разг.-сниженное ПТ: разговорная форма местоимения cela	ИТ: – Ложь , – говорю, – взад! ПТ: – Pose- ça , dis-je, en arrière !
503.	ИТ: переход им. собственного в нарицательное (деоним)+ плеоназм+ частица ПТ: переход им. собственного в нарицательное (+неопределенный артикль)	ИТ: А татары отвечают, что это, мол , ничего не действует: это ваш Иван, он из ваших , из русских, только в плену у нас здесь проживает. ПТ: Les Tartares répliquent qu’il n’y a pas de grâce, que je suis un Ivan , un prisonnier russe.

504.	ИТ: устаревшее пренебрежительное +просторечное+ разговорное + устаревшее+ разговорное+ разговорное+ разговорное ПТ: familier	ИТ: Тут вдруг вся татарва , кои тут это торговище зрели, заорали , загалдели по-своему . ПТ: Alors tous les Tartares qui assistaient à ce marché se mettent à vociférer , à baragouiner dans leur jargon.
505.	ИТ: частица + устаревшее ПТ: междометие с пометой familier	ИТ: – А тамо... ПТ: – Ben , là-bas...
506.	ИТ: областное+ диминутивы+анаколуф ПТ: familier	ИТ: ...один татарчонок пригонил перед этого хана небольшую белую кобылку и что-то залопотал ; ПТ: ...un jeune Tartare qui amène au khan une petite jument blanche et lui parle dans son charabia .
507.	ИТ: разговорное + частица ПТ: частица	ИТ: А приходит, например, одна жиличка Марья Васильевна Щипцова, в девять часов вечера на кухню и разжигает примус. ПТ: Donc , mettons qu'une locataire, Maria Vassilievna Chiptsov, arrive dans la cuisine à neuf heures du soir et qu'elle allume son réchaud.
508.	ИТ: метафора+метонимия +диминутив ПТ: метонимия	ИТ: Я постучал еще графинчик... ПТ: Je commande le carafon...
509.	ИТ: метонимия+инверсия+анаколуф (смотреть на) ПТ: метонимия	ИТ: ...не смотрел я ещё на твою ленту. ПТ: ...je n'ai pas regardé ta pellicule .
510.	ИТ: каламбур+ошибочное вместо реванш ПТ: каламбур	ИТ: «Благодарю вас, мой премного-малозначащий , что вы имели характер и мне на реванж денег не дали». ПТ: «Je vous remercie, mon très peu cher , d'avoir eu le courage de me résister.»
511.	ИТ: каламбур+частица+устойчивое сочетание ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: «Ничего, мол : мои дела, слава Богу , хороши, а не знаю, как ваши сиятельство , каковы ваши обстоятельства? » ПТ: «Ça va, Dieu merci , mais vos affaires, excellence, comment vont-elles?»
512.	ИТ: анаколуф+частица ПТ: familier	ИТ: Вася и привычки никогда не имел по трамваям ездить . ПТ: Vassia n'avait jamais eu l'habitude de prendre le tram .

513.	ИТ: анаколүф + разговорное ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: Нет, я положительно влюблен и безумец . ПТ: Rien à dire , je suis positivement amoureux fou...
514.	ИТ: лексический повтор +разговорное ПТ: лексический повтор	ИТ: – Попóмни, попомни : моя фамилия Сотых. ПТ: – Souviens-toi, souviens-toi , mon nom, c'est Sotykh.
515.	ИТ: метафора+разговорное ПТ: метафора	ИТ: Сам Поганкин тоже побаивался Варю, потому что стал таскать ложки пожиже . ПТ: Pogankine lui aussi craignait Varia, car ses cuillerées se firent plus claires.
516.	ИТ: эпанпалепсис + разговорное ПТ: эпанпалепсис	ИТ: У них там буржуазная жизнь довольно беспокойная. Им там буржуазная мораль не дозволяет проживать естественным образом. ПТ: Chez eux là-bas , la vie bourgeoise est assez agitée. Là-bas , leur morale bourgeoise leur interdit de vivre normalement.
517.	ИТ: эпаналепсис + разговорное ПТ: эпифора	ИТ: ...не ехать же в Петушки без гостинцев . В Петушки без гостинцев никак нельзя. ПТ: Je ne pouvais tout de même pas aller à Pétouchki sans bonbon . Pas question d' aller à Pétouchki sans bonbon .
518.	ИТ: сравнение + разг.-сниженное ПТ: сравнение	ИТ: У меня душа, как у троянского коня пузо , многое вместит. ПТ: Mon âme est aussi vaste que le ventre du cheval de Troie .
519.	ИТ: катахреза+разговорное ПТ: familier	ИТ: ... вырвешься подышать свежей атмосферой ... ПТ: Pour peu qu'on s' arrache de là par hasard pour respirer l'air frais...
520.	ИТ: фразеосинтаксическая схема+ метонимия ПТ: réjoratif	ИТ: – Вот так же и беднота! ПТ: – C'est pareil pour les va-nu-pieds !
521.	ИТ: галлицизм+междометие ПТ: французский эквивалент+междометие	ИТ: – Шу, силянс! ПТ: – Chut, silence !
522.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+авторский неологизм (михорь)+устаревшее (вынять) ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: ...а потом в последний день, михорь его знает откуда , как из-за пазухи выймет такого коня... ПТ: ...il vous sort, le dernier jour, on ne sait d'où , une ou deux bêtes...

523.	ИТ: устойчивое сочетание устаревшее +разговорное+ошибочное падежное окончание ПТ: устойчивое сочетание с пометой réjoratif (par réf. à la répulsion qu'inspirent certaines bêtes)	ИТ: ...а между тем стал я для всех барышников-цыганов все равно что Божия гроза... ПТ: Cependant j'étais devenu la bête noire des maquignons tziganes...
524.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + частица ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: – Спаси, мол, Господи! Нет, я думаю, не обрадуется. ПТ: –Bien sûr que non. À Dieu ne plaise !
525.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + синтаксический параллелизм ПТ: элизия	ИТ: ...я ходила все дни сама не своя , все твердила... ПТ: ... j'suis restée plusieurs jours sans m'en remettre, à répéter tout le temps...
526.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой p. réf. à l'habitude de laisser le chat à la maison quand on s'absente pour une courte durée – (il n'y a absolument personne)	ИТ: ... благо в нем уже не было ни души . ПТ: ...encore heureux qu'il n'y eût plus un chat !
527.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное + частица ПТ: устойчивое сочетание	ИТ: Сказано же тебе русским языком... ПТ: Dans quelle langue il faut te le dire...
528.	ИТ: фразеосинтаксическая схема+разговорное ПТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: Впрочем, ладно, сейчас не до этого . ПТ: Mais pour l'instant, on a d'autres chats à fouetter .
529.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное+ диминутив ПТ: устойчивое сочетание с пометой appartenant à langue parlée	ИТ: Ишь ты: маленький, а какой цопенький... ПТ: Voquez-moi ça : tout petit, mais quel acharnement...
530.	ИТ: устойчивое сочетание+ частица ПТ: анотомасия	ИТ: – Брось считать, что ты выше других... ПТ: – Cesse de faire le Byron...
531.	ИТ: устойчивые сочетания +разговорное+разг. эпитет ПТ: калька с ИТ	ИТ: ... – так, приличия ради или славную компанию поддержать . ПТ: ... ou pour soutenir une joyeuse compagnie .

532.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное +частица ПТ: частица	ИТ: – Так за чем же дело стало? ПТ: – Qu'est-ce qui vous a donc empêché ?
533.	ИТ: пословица авторская + разговорно-сниженное+ просторечное (по-дурачки)+устойчивое сочетание ИТ: устойчивое сочетание с пометой familier	ИТ: – Пока человека не кончишь , он живет дурб́м , – подал свой голос Пиюся. ПТ: – L'homme n'en fait qu'à sa tête , si on ne la lui coupe pas, manifesta Pioussia.

РЕНОМИНАЦИЯ ПУТЕМ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПО ВСЕМ УРОВНЯМ

534.	ИТ: просторечное произношение ПТ: нормированное произношение	ИТ: – После того как татары от наших мисанеров избавились... ПТ: Après que les Tartares se furent débarrassés de nos missionnaires ...
535.	ИТ: ошибочное от Четии-Минеи, Четь-Минеи ПТ: нормированное произношение	ИТ: ...но только таких искушений и происшествий, какие я тогда перенес, мне кажется, даже ни в одном житии в Четминеях нет. ПТ: Mais je crois que les tentations et les aventures dont j'ai alors été victime, n'ont leurs pareilles dans aucun chapitre de la Vie des Saints .
536.	ИТ: просторечное произношение ПТ: нормированное произношение	ИТ: ...а просто фейверок ... ПТ: ...c'est un simple feu d'artifice ...
537.	ИТ: просторечное произношение ПТ: нормированное произношение	ИТ: – Революция – рыск ... ПТ: – La revolution, c'est le risque ...
538.	ИТ: просторечное произношение ПТ: нормированное произношение	ИТ: Нито бандиты? ПТ: Y aurait -il des bandits ?
539.	ИТ: просторечное произношение ПТ: нормированное произношение	ИТ: ...и для него нашлась бы ичейка у нас. ПТ: ...il y aurait ici une cellule de ses partisans à lui aussi.
540.	ИТ: просторечное произношение+анаколуф ПТ: нормированное произношение	ИТ:...через эту амбицию ни за что не хотел мне уступить... ПТ:...et son orgueil l'empêchait absolument de se rendre.
541.	ИТ: протяжное произношение +разговорное ПТ: нормированное произношение	ИТ: «...что я мог это « ддиди-и-и-тт-ы-о-о » завести и полчаса этак звенеть...» ПТ: Je pouvais lancer le fameux : « Gare !» en le soutenant une bonne demi-heure d'affilée.»

542.	ИТ: просторечное произношение+просторечие ПТ: нормированное произношение	ИТ: Азията в веру приводить надо со страхом...потому что азият смиренного Бога без угрозы ни за что не уважит и проповедников побьет. ПТ: Pour convertir un Asiatique il faut l'effrayer...attendu que les Asiatiques ne respecteront jamais un Dieu paisible, présenté sans menaces, et massacreront les prédicateurs.
543.	ИТ: просторечное произношение французского заимствования и имени собственного+окончание существительного -у в родительном падеже ПТ: нормированное произношение	ИТ: ...и как от Евгеньи Семеновны мне был лодиколонный пузыречек рому к чаю выслан... ПТ:...et comme j'avais reçu d'Evguénia Sémissionovna un flacon de rhum pour le thé...
544.	ИТ: просторечное произношение французского заимствования+ частицы ПТ: нормированное произношение	ИТ: Ну, тут я вижу, что он пardonу просит... ПТ: Voyant qu'il demande grâce ...
545.	ИТ: просторечное произношение французского заимствования (вместо реваншик)+дими́нутив+ частица+ разговорное (расходный = предназначенный для обычного, постоянного употребления) ПТ: нормированное произношение	ИТ: «Нет, ты, – говорит, – лучше меня не пори, а дай- ка мне из расходных денег на реванжик : я пойду отыграюсь и всех обыграю». ПТ: «Au lieu de me fesser, tu devrais me donner de l'argent de la caisse, pour que je puisse prendre ma revanche : je suis sûr de me rattraper la prochaine fois.»
546.	ИТ: форма м. р. глагола прошедшего времени при подлежащем ж.р. (речь о коне) ПТ: правильная форма	ИТ: – Издох-с; гордая очень тварь был , поведением смирился, но характера своего, видно, не мог преодолеть. ПТ: – Eh oui; il avait trop d'orgueil, l'animal , il s'était soumis, mais ne pouvait sûrement pas changer de caractère.
547.	ИТ: ошибочное окончание существительного в косвенном (родительном) падеже ПТ: правильная форма	ИТ: – Как не твоя: господа мне за нее пятьсот монетов дают. ПТ: – Ce n'est pas sûr : les messieurs m'en donnent cinq cents monnaies .
548.	ИТ: местоимение среднего, рода замещающее существительное м. р. (телефон) ПТ: правильная форма	ИТ: Но только оно не то что ночью, а и днем, знаете, не звонит. ПТ: Mais voilà: non seulement il ne sonne pas la nuit, mais le jour non plus.

549.	ИТ: ошибочное написание гласной «ы» после «ц» ПТ: правильная форма	ИТ: ... или что-нибудь из « Цырюльника ». ПТ: ...ou un morceau du Barbier .
550.	ИТ: просторечное (скласть) + устаревшая форма сущ. в тв. п. +дими́нүтив ПТ: правильная форма	ИТ: ...и опять на кошме, склавши накрест ноги, сел, а кобылица сейчас ушми запряла, фыркнула и заиграла. ПТ: Puis il va se rasseoir à la turque sur le tapis, la jument remue aussitôt les oreilles , s'ébroue et danse.
551.	ИТ: ошибочное окончание существительного в косвенном (родительном) падеже +авторский неологизм ПТ: правильная форма	ИТ: ...во Христе нет ни еллин , ни жид ; наши земляки все послушенствующие . ПТ: ...il n'y a ni Grec ni Juif pour ceux qui servent le Christ, tous les fidèles sont nos compatriotes.
552.	ИТ: устаревшая форма тв.п. личного местоимения. ПТ: правильная форма	ИТ: – А помнишь ли, – говорит, что с тобою было? ПТ: – Tu sais au moins ce qui t'est arrivé ?
553.	ИТ: редупликация+ частица ПТ: однородные члены предложения	ИТ: ... пускай она тебя накормит-напоит ... ПТ: ...qu'elle te donne à manger et à boire ...
554.	ИТ: ошибочная форма глагола гнать+разговорное+нар.-поэт. ПТ: инфинитивное сказуемое с предлогом de (литературный стиль)	ИТ: ...а тот как прыг на нее, на лебедушку , да и ну ее гонить ... ПТ: ...qui saute sur la belle et de la stimuler ...
555.	ИТ: разговорное (пойти в значении начать делать что-либо) +разговорное ПТ: инфинитивное сказуемое с предлогом de (литературный стиль)	ИТ: Господа, которые тут стояли, и пошли на нее вперебой торговаться... ПТ: Les messieurs de se la disputer ...
556.	ИТ: устаревшее ПТ: нейтральное	ИТ: А он все с аглицкой , ученой точки берет и не поверил... ПТ: L'Anglais , qui prend tout du point de vue savant, ne me croit pas.
557.	ИТ: устаревшее ПТ: нейтральное	ИТ: ... потом с конюшни долой и в аглицкий сад для дорожки молотком камешки бить... ПТ: ...me renvoyer des écuries pour casser des cailloux dans l'allée du jardin anglais ...

558.	ИТ: разг.-сниженное ПТ: нейтральное	ИТ: Я в поезде давеча ехал... ПТ: L'autre jour j'étais dans un train...
559.	ИТ: просторечие ПТ: нейтральное	ИТ: – На что вам это расспрашивать? ПТ: – Pourquoi le demandez-vous ?
560.	ИТ: разговорное ПТ: инфинитивное сказуемое с предлогом de (литературный стиль)	ИТ: ...и все этому с восторгом дивились и хохотали. ПТ: Les gens de rire et de claquer des mains .
561.	ИТ: просторечное ПТ: нейтральное	ИТ: ...не выпускает ... ПТ: ...il s'y scamponne...
562.	ИТ: разговорное ПТ: нейтральное	ИТ: ... башку мылит... ПТ: ...il se savonne sa tête ...
563.	ИТ: разг.-сниженное + метафора ПТ: нейтральное	ИТ: ...и пошел вдаль, по грибной бабьей тропинке . ПТ: ...s'eloigna par un sentier qu'avaient tracé les femmes allant aux champignons.
564.	ИТ: разговорное+ разг.-сниженное ПТ: нейтральное	ИТ: – Не, боле никогда не буду... ПТ: – Non, je ne ferai plus...
565.	ИТ: разговорное ПТ: нейтральное	ИТ: Дай Лу'ю муки на мену, он мне полушалок принесет. ПТ: Donne à Louï de la farine pour troquer, il me rapportera une châle.
566.	ИТ: авторский окказионализм ПТ: нейтральное	ИТ: – У нас многодворье ... ПТ: – C' est un village peuplé ...
567.	ИТ: авторский окказионализм ПТ: нейтральное	ИТ: Говори круглей ? ПТ: Parle plus nettement !
568.	ИТ: авторский окказионализм ПТ: нейтральное	ИТ: – Подкоммунивать пришел... ПТ: – Tu es venu nous communiser ...
569.	ИТ: устаревшее+просторечное+ устаревшее ПТ: нейтральное	ИТ: ... а сам персты у себя на руке молча поцеловал: дескать, антик! ПТ: ... il porte à ses lèvres le bout de ses doigts, d'un air de dire : fameux !

570.	ИТ: метафора + анаколупф ПТ: нейтральное	ИТ: – Ну-с, а как же вы с князем-то своим за выпущенных лебедей кончили? ПТ: «– Et comment vous êtes-vous arrangé avec le prince au sujet des milliers de roubles dilapidés ? »
571.	ИТ: метонимия ПТ: нейтральное	ИТ: Опять на воздух . ПТ: Dehors à nouveau.
572.	ИТ: лексический повтор +средний род для обозначения сущ. м.р. (телефон)+разговорное ПТ: нейтральное	ИТ: То не звонило, не звонило , а тут как прорвёт . ПТ: Des jours qu'il n' avait pas sonné , mais il s'est rattrapé.
573.	ИТ: метафора ПТ: нейтральное	ИТ: Слазь к безначальному народу! ПТ: Descends vers le peuple anarchiste !
574.	ИТ: анаколупф ПТ: нейтральное	ИТ: Действительно, очень красота... ПТ: Effectivement c'est très beau...
575.	ИТ: галлицизм+разговорное устойчивое сочетание ПТ: французский эквивалент	ИТ: Француз отвечает: – Коман? В чём дело? ПТ: Le Francais répond: – Comment ? De quoi s'agit-il ?
576.	ИТ: галлицизм+ частицы +неправильное падежное окончание ПТ: французский эквивалент	ИТ: Та было ему что-то по-французскому , дескать, зачем и пуркуа... ПТ: La dame réplique en français quelque chose comme : « Pour quoi faire ? »
577.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: свободное сочетание	ИТ: ...а говорили слово по-нашему , слово по-татарски... ПТ: ...ils parlaient un mélange de russe et de tartare...
578.	ИТ: фразеосинтаксическая схема ПТ: свободное сочетание	ИТ: Идти так идти. ПТ: Puisqu'il faut y aller, allons-y.
579.	ИТ: устойчивое сочетание разговорное ПТ: свободное сочетание	ИТ: Но что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком . ПТ: Mais ce qui est bon pour les pays bourgeois, est parfois dénaturé chez nous.
580.	ИТ : устойчивое сочетание разговорное+димиутив ПТ: свободное сочетание	ИТ: Никого я к нему не посылал, а все только шел Христовым именем без грошика медного. ПТ: Je ne lui envoie personne, et je chemine vers Nikolaev en demandant la charité .

581.	ИТ: поговорка +разговорное устойчивое сочетание ПТ: свободное сочетание+ограничительная конструкция	ИТ:...так дай бог твоими устами да нам мед пить. ПТ: ...nous n'avons plus qu'à souhaiter le succès de l'affaire.
582.	ИТ: поговорка+ частица+разговорное ПТ: свободное сочетание+ разговорная постпозиция частицы donc +устойчивое разговорное сочетание+рифма	ИТ: ...а ты прежде подойди- ка сюда ко мне: сядем рядом, да поговорим ладом, по-старому, по-бывалому. ПТ: Viens donc t'asseoir auprès de moi et bavardons comme jadis, en vieux amis que nous sommes.
583.	ИТ: пословица+ лексический повтор +фразеосинтаксическая схема ПТ: свободное сочетание+междометие	ИТ: Ну что там дело!.. дело не медведь, в лес не убежит... ПТ: Bah ! Il sera toujours temps d'en parler.